

Annotation

Роман о литературе – эка невидаль! Роман о массовой литературе – делов-то! Роман о мирном и даже очень счастливом сожителстве непотребного читива с наисерьезнейшей, наиморальнойнейшей Литературой с большой буквы – тоже, пожалуй, известное дело, где-то слыхали и чуть ли не читали. Ничем нас не прельстишь, все знаем заранее, еще получше, чем задним числом.

Итак, роман о литературе: о неисповедимом пути книги – от окончания творческого процесса до читателя, о том пути, который всякое общество со времен Гуттенберга обеспечивает и обставляет по-своему. Литература – явление социальное, а стало быть, и является читателям по законам и обычаям такого-то общества. Все вроде бы нормально, а между тем, если приглядеться, все нелепо, дико, несообразно – не то смешно, не то чудовищно...

- [Том ШАРП](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
-

Том ШАРП

ДАЛЬНИЙ УМЫСЕЛ

Глава 1

Когда Френсика спрашивали, с какой стати он нюхает табак, он объяснял, что по недосмотру судьбы родился на два столетия позже, чем ему следовало. Вот когда бы он жил-поживал да радовался: в век разума, стиля, прогресса, развития и тому подобного, самого ему, Френсику, подходящего. Ни то, ни тому подобное вовсе ему не подходило, а восемнадцатый век был вовсе не таков, и он это прекрасно знал, но тем паче восторгался и тем пуще забавлял слушателей, как бы доказывая им, что вкус к нелепице духовно роднит его со Стерном, Свифтом, Смоллеттом, Ричардсоном, Филдингом и другими гигантами – зачинателями романа, мастерами из мастеров. Сам-то он был литературный агент и огулом презирал свой ходкий бумажный товар, так что подлинное его восемнадцатое столетие помещалось на Граб-Стрит и Джин-Лейн, лондонских улочках, где ютились тогдашние писаки-поденщики: он почтительно копировал их вопиющие чудачества и показной цинизм – отпугивая таким образом бесперспективных авторов. Короче говоря, мылся он от случая к случаю, летом носил шерстяные фуфайки, ел сколько влезет, с утра пил портвейн, усердно нюхал вышеупомянутый табак; и всякому его клиенту, хочешь не хочешь, надо было применяться к этим дурным обыкновениям. Зато в контору он являлся рано, прочитывал все поступающие рукописи, тут же отсылал обратно некондиционные и немедля пристраивал прочие – вообще был на редкость деловой человек. Издатели смотрели ему в рот. Уж если Френсик предрекал, что книга пойдет, то она шла. У него был нюх на бестселлеры, сущее чутье.

Ему нравилось думать, что чутье это наследственное: отец его, оборотливый виноторговец, отлично вынюхивал дешевое, но пристойное столовое винишко и не постоял за расходами на образование сына, которое, вместе с нюхом более против отцовского изощренным, помогало Френсику обставить соперников. Правда, прямой связи между его добротным образованием и хваткой знатока доходного чтения не было. Нет, Френсик набрел на свой талант окольным путем: и как в его неподдельном восхищении восемнадцатым столетием был тайный выверт, так, не без выверта, он открыл секрет чужого литературного успеха.

В двадцать один год он вступил на жизненное поприще с оксфордской степенью магистра английской филологии и с намерением безотлагательно написать великий роман. Год он простоял за прилавком отцовского

магазина в Гринвиче и просидел за письменным столом в своей комнатухе в Блэкхите – и решил, что для начала сойдет и роман не такой уж великий. Еще три года он сочинял рекламные тексты, создал дружно отвергнутый издательствами опус о жизни продавца гринвичской винной лавки и навсегда расстался с мыслью о писательстве. Когда Френсику стукнуло двадцать четыре, он и без всякого чутья понимал, что романистом ему не быть: дюжины две литературных агентов уже открестились от него с тем же приговором. Однако якшался он с ними не зря – ему очень понравилась их профессия. Жизнь у них была, это уж точно, занятая, вольготная и чрезвычайно уютная. Романов они не писали, зато имели дело с романистами (а Френсик по молодости лет усматривал в этом особую привилегию), ни от кого не зависели и, кстати, в отличие от того же Френсика, не слишком-то разбирались в литературе. Ели они и пили всласть, постоянно кого-нибудь угощали и угощались, а весьма невзрачный Френсик был обречен природою тешить беса чревоугодием, а не блудодейством – то бишь любил вкусно поесть. Словом, он нашел свое призвание.

В двадцать пять лет он открыл контору на Кинг-Стрит, рядом с овощным рынком «Ковент-Гарден» и поблизости от главнейшего лондонского литературного агентства «Кертис Браун», дабы иной раз, даст бог, воспользоваться почтовым засылком; и рекламировал свои услуги в «Нью стейтсмене», еженедельнике, читателей которого, судя по всему, особенно тянуло к литературной карьере, им, Френсиком, столь недавно отвергнутой. Затем он уселся в кресло, ожидая, пока его захлестнет поток рукописей. Ожидать пришлось долго, и только он было задумался, станет ли отец дальше платить за снятое под контору помещение, как почтальон принес сразу две бандероли. В одной из них был роман мисс Силии Туэйт со Старой Насосной Станции, что в Бишопс-Стортфорде; прилагалось письмо, сообщавшее, что «Сияние любви» – первый опыт мисс Туэйт.

Читая тошнотворную писанину, Френсик нимало не усомнился, что опыт именно первый. Это была псевдоисторическая чушь, замешенная на романтических сюнях: повествование о безнадежной любви молодого сквайра и жены отбывшего в дальний поход крестоносца, столь озабоченного целомудрием покинутой супруги, что за этой заботой явственно проступала патологическая добродетель самой мисс Туэйт. Френсик вежливо отписал, что «Сияние любви» – вещь непродажная, и отправил рукопись обратно в Бишопс-Сторт-форд.

Другая бандероль, казалось бы, принесла больше обещаний. Роман был тоже первый, назывался «Поиски утраченного детства» и принадлежал

перу мистера П. Пипера, обитателя пансиона «Приморский» в Фолкстоне. Френсику роман показался прочувствованным и довольно впечатляющим. Детство у мистера Пипера было несчастливое, однако же своих малосимпатичных родителей он выписал донельзя тщательно, живо изобразив свои отроческие годы в Ист-Финчли. Френсик тут же переслал роман в издательство «Джонатан Кейп» и сообщил мистеру Пиперу, что предвидится выгодная сделка и хорошая пресса. Он ошибся. «Кейп» книгу не взял. «Бодли Хед» – тоже. Не взял и «Коллинз». Вообще все лондонские издательства отвергли ее – с комментариями от полупочтительных до издевательских. Френсик осторожно оповестил об этом Пипера и вступил с ним в переписку касательно изменения текста навстречу редакторским пожеланиям.

Не успел он оправиться от этой оплеухи, как получил другую, куда более увесистую. Журнал «Букселлер» без лишних слов сообщил, что первый роман мисс Силии Туэйт «Сияние любви» издательство «Коллинз» купило за пятьдесят тысяч фунтов, а издатели в Америке – за четверть миллиона долларов, и мисс Силия почти наверняка получит Памятный Приз имени Жоржетты Хейер^[1] – за историческую романтику. Френсик недоверчиво перечел скупые журнальные строки – и переменял подход к литературе.

Если издатели готовы были платить такие деньги за чувствительную белиберду, оскорбляющую его, Френсика, образованный вкус, стало быть, все суждения о задачах современного романа, почерпнутые из книг Ф. Р. Ливиса^[2] и непосредственно от своей научной руководительницы доктора Сидни Лаут, в денежно-издательском мире – совершеннейший вздор и вдобавок очень опасны для его посреднической карьеры.

Постигнутый этим откровением, Френсик в корне переиначил свои взгляды. Способы оценки остались прежними, но перевернулись вверх тормашками. Всякий роман, сколько-нибудь отвечавший требованиям, предъявляемым Ф. Р. Ливисом в его «Великой традиции» и предписанным мисс Сидни Лаут в монографии «Нравственный роман», Френсик с порога отвергал как издания не заслуживающий; зато сочинения, которые для его учителей были ниже всякой критики, он проталкивал в печать всеми силами. Такие-то суждения навыворот и принесли ему успех. К тридцати годам он стяжал у издателей завидную славу; он рекомендовал только выгодные книги. Роман после Френсика не надо было дорабатывать и можно было почти не редактировать. В нем было ровно восемьдесят тысяч слов; на исторический сюжет, учитывая прозорливость любознательных

читателей, давалось сто пятьдесят тысяч. Начиналась книга эффектно, продолжалась еще эффектнее и заканчивалась эффектом сногшибательным. Короче, в романе имелось все, что надо читающей публике.

Но если от Френсика к издателям романы поступали почти готовенькие, то это потому, что рукописи чающих публикации авторов редко миновали его досмотр, не преобразившись. Распознав секрет успеха по «Сиянию любви», он требовал одного и того же от всякой книги, и одна получалась не хуже другой, как пудинги или коктейли: секс и кровь, забористый сюжет, любовные перипетии, загадки и тайны, а в придачу еще намек на значительность, на культурный вклад. Этого как бы намек на значительность Френсик добивался во что бы то ни стало. За это почтенные газеты удостаивали книгу благосклонного отзыва, и читателям казалось, будто они совершают некое паломничество и преклоняются перед чем-то эдаким, пусть и не очень понятным. Такою смутной многозначительностью Френсик приманивал изрядно потребителей, презирающих бездуховное читиво. Он всегда требовал какой-никакой существенности, которую вообще-то числил, вместе с глубинным проникновением, по убыточному разряду; но губительна для книги она была лишь в больших дозах, как фунт мышьяку в кастрюле бульона – гомеопатическая же кроха существенности лишь возбуждала читательский аппетит.

Возбуждала его как могла и Соня Футл, распорядительница заграничными сделками. Раньше она работала в нью-йоркском агентстве и по-американски деловито наладила бесценные контакты с заокеанскими издателями. А рынком США пренебрегать не приходилось. Там и распродавали шире, и платили с продажи больше, и книжные клубы заказывали баснословные тиражи. Расширяя коммерческий охват, Соня Футл сама раздалась в три объёма, так что о замужестве ее и речи не могло быть. Именно это, помимо всего прочего, побудило Френсика сменить титул агентства на «Френсик и Футл» и сделать Соню полноправной спутницей жизни своих авторов. Кстати же, она обожала книги о сложности человеческих взаимоотношений, каковой сложности Френсик терпеть не мог. Он взял себе материал попроще: боевики, детективы, секс без романтики, историческую стряпню без секса, студенческие катавасии, научную фантастику и всякую всячину. Соне Футл достались романтический секс, историческая романтика, женское и негритянское освобожденчество, переходный возраст, сложности в личных отношениях и книги о животных. Животные были у нее в особом фаворе, и Френсик, которому однажды едва не откусил палец прототип главной героини

«Чаепития с выдрами», испытывал по этому поводу превеликое облегчение. Он бы, пожалуй, спровадил ей и Пипера, но тот раз и навсегда прилип к Френсику, единственному хоть как-то ободрившему его агенту, и Френсик, чей успех был перевертышем злополучия Пипера, смирился с мыслью о том, что от него не отделаться, как и Пипер никогда не отделается от разнесчастных «Поисков утраченного детства».

Раз в год являлся он в Лондон со свежей версией своего романа, и Френсик вел его обедать, объясняя, почему не годится именно эта версия, – а Пипер возражал, что подлинно великий роман выводит подлинных людей в подлинных ситуациях и должен противостоять канонам коммерческой беллетристики. Расставались они, впрочем, по-дружески: Френсик – восхищаясь нечеловеческим упорством своего подопечного, а Пипер – намереваясь начать роман заново, в другом пансионе другого приморского города, и опять разыскивать свое утраченное детство. Так, год за годом, роман перекраивался, а стиль видоизменялся согласно очередному образцу Пипера. Тут уж Френсику некого было винить, кроме себя. На заре их знакомства он опрометчиво посоветовал Пиперу штудировать «Нравственный роман» мисс Лаут, и между тем как сам он познал на опыте гибельность ее литературных воззрений для всякого нынешнего романиста, Пипер эти воззрения усвоил. Благодаря мисс Лаут «Поиски утраченного детства» были переписаны под Лоуренса, потом под Генри Джеймса; Джеймса оттеснил Конрад, Конрада – Джордж Элиот; была версия диккенсовская, была даже а-ля Томас Вулф; а в некое лето написалась, страшно сказать, и фолкнеровская. И в каждой версии маячила на заднем плане фигура отца, изнывала несчастная мать, и в боренье достигал половой зрелости сам застенчивый юный Пипер. Он изощрялся в переимчивости; однако же откровения его по-прежнему были пустяковыми, а действия в книге не прибавлялось. Френсик махнул на него рукой, но отталкивать не стал. Соня Футл никак не могла его понять.

– Зачем тебе это надо? – спрашивала она. – Толку от него ни на грош, а обеды, между прочим, денег стоят.

– Он – мое *memento mori*^[3], – загадочно отвечал Френсик, имея при этом в виду, что Пипер – живой труп того юного и целеустремленного романиста, каким некогда был он сам, и поправление литературных идеалов которого обеспечивает репутацию фирмы «Френсик и Футл».

Однако Пиперу был отведен лишь один испуительный день года; в прочие триста шестьдесят четыре Френсик соединял приятное с полезным. У него был прекрасный аппетит и отличная печень, а отец отпускал ему со скидкой отличные вина, так что угощать он мог на славу: в издательском

мире преимущество несравненное. Другие агенты уходили с деловых обедов покачиваясь и не слышали, какие романы обсуждаются, покупаются и публикуются, а Френсик ел себе и ел, пил да пил, превознося ad nauseam^[4] свой читкий товар и хвастаясь «находками». Среди оных был некто Джеймс Джеймсфорт, чьи романы имели такой потрясающий успех, что он скрывался от подоходного налога в алкогольном тумане за пределами Англии.

Это нетрезвое петляние Джеймсфорта из одного прибежища в другое кончилось тем, что в один прекрасный день Френсик предстал как свидетель перед Королевской скамьей Высокого суда правосудия по делу о клевете, возбужденном миссис Дездемоной Хамберсон против Джеймса Джеймсфорта, автора книги «Клешни вдовы», и «Пултни Пресс» – издательства, эту книгу опубликовавшего. Френсик свидетельствовал битых два часа и сошел в зал, пошатываясь.

Глава 2

– Пятнадцать тысяч фунтов плюс судебные издержки? – переспросила наутро Соня Футл. – За непреднамеренную клевету? Не может быть.

– Почитай, удостоверься, – предложил Френсик, протягивая ей «Тайме». – Там рядом, обрати внимание, про пьяного шофера: задавил двух детей и оштрафован на целых сто пятьдесят фунтов! Мало того, у него, бедняги, на три месяца отобрали права.

– С ума сойти. Сто пятьдесят фунтов за двух задавленных детей и пятнадцать тысяч – за оклеветанную женщину, о которой Джеймс и понятия не имел!

– Задавленных на пешеходной дорожке, – горько добавил Френсик. – Заметь себе: не где-нибудь, а на пешеходной дорожке.

– Бред. Собачий бред сивой кобылы, – сказала Соня. – Нет, как доходит до суда, так вас, англичан, хоть на цепь сажай.

– Джеймсфорт, наоборот, сорвался с цепи, – сказал Френсик. – Нам он теперь не автор. Он больше знать нас не хочет.

– Да мы-то здесь при чем? Мы фактической проверкой в гранках не занимаемся. Это «Пултни» обязаны были. Вот бы и отловили клевету.

– Черта с два. Как это, интересно, «отловить», что некая Дездемона Хамберсон проживает в графстве Сомерсет, выращивает люпины и причастна к «Женскому институту»? Такое нарочно не придумаешь.

– Ну, повезло тетке. Надо же – пятнадцать косых только за то, что ее обозвали нимфоманкой! Ничего себе. Да пусть меня сто раз так обзовут, я еще спасибо скажу, если за пятнадцать...

– Держи карман, – сказал Френсик, пресекая это крайне маловероятное предположение. – За пятнадцать-то тысяч я бы тоже запросто нанял пьяного шофера и раздавил бы ее прямо на пешеходной дорожке. Поделили бы с ним на двоих пятнадцать тысяч минус сто пятьдесят – и неплохо бы заработали. А если уж на то пошло, угробили бы заодно и мистера Гальбанума: зачем посоветовал «Пултни» и Джеймсфорту обратиться в суд?

– Ну, клевета-то непреднамеренная, – возразила Соня. – У Джеймса и в мыслях не было опорочить эту женщину.

– Само собой. Однако же он ее опорочил, а согласно Акту о диффамации от 1952 года, охраняющему в подобных случаях интересы авторов и издателей, клевета является непреднамеренной, если приняты

были все разумные меры, чтобы...

– Разумные меры? Какие такие – разумные?

– Маразматик-судья счел, что вот такие: надо было пойти в архивы Сомерсет-Хауса и выяснить, не родилась ли в 1928 году девочка по имени Дездемона и не вышла ли она в 1951 году замуж за некоего Хамберсона. Дальше – просто: ищешь фамилию Хамберсон по ежегодникам Ассоциации люпиноводов; если ее там нет, соображаешь: а не проверить ли списки членов «Женского института» или, пожалуй, сомерсетскую телефонную книгу? Ничего этого сделано почему-то не было, и вот, пожалуйста: с них пятнадцать тысяч, а мы – пособники авторов, клеветующих на беззащитных женщин. Давайте шлите романы на адрес фирмы «Френсик и Футл» – как раз угодите на скамью подсудимых. Мы теперь изгой в издательском мире.

– Ну, уж не так все ужасно. Вляпались мы впервые, и кто же не знает, что Джеймс – отчаянный пропойца, с него и спросу-то нет, кого он там где обидел.

– С него, может, и нет, зато с нас есть. «Пултни» уже распорядились: Хьюберт звонил мне вчера вечером, чтобы мы ему романов больше не слали. Только пойдет об этом слухок – и увязнем по уши в финансовой, мягко говоря, трясине.

– Обязательно, конечно, надо кого-то подыскать взамен Джеймса, – сказала Соня. – Такого мастака по части бестселлеров враз не вырастишь.

– Люпины будем выращивать, – угрюмо отозвался Френсик и пошел к себе в кабинет.

День выдался преотвратный. Телефон трезвонил почти без умолку. Авторы интересовались, скоро ли их потянут на Королевскую скамью Высокого суда правосудия за то, что они использовали имена однокашников, а издательства возвращали принятые к публикации романы. Френсик сидел, снимал трубку, нюхал табак и старался быть вежливым. Часам к пяти ему это стало совсем невмоготу, и когда позвонил редактор «Санди график», не хочет ли он тиснуть обличительную статейку насчет британских законов о клевете, Френсик сорвался.

– Чего вы от меня хотите? – орал он. – Чтоб я сунул голову в петлю, а меня бы вздернули за пренебрежение к суду? Кажется, и так этот чертов кретин Джеймсфорт собирается опротестовать судебное решение!

– На том основании, что клеветнический пассаж про миссис Хамберсон – целиком ваша вставка, да? – полюбопытствовал тот. – Защитник, помните, как раз и предположил...

– Дьявол меня раздери, да я самого вас упеку за клевету! – завопил

Френсик. – От Гальбанума я стерпел такой намек, только чтоб не скандалить в суде, а вы повторите-ка мне это при свидетелях – живо окажетесь на скамье подсудимых!

– Трудновато вам придется, – посочувствовал редактор. – Тот же Джеймсфорт будет против вас свидетельствовать. Он ведь клянется, что вы с ножом к горлу требовали опорочить миссис Хамберсон, а когда он не согласился, изменили текст прямо в гранках.

– Это гнусная ложь! – вскричал Френсик. – Скажут еще, что я сам пишу за своих авторов!

– А что, разве нет? – вежливо удивился редактор. Френсик осыпал его проклятиями и ушел домой с головной болью.

Четверг был не лучше среды. «Коллинз» отверг пятый роман Уильяма Лонроя «Седьмое небо», как перегруженный сексом. Из «Трижды Пресс» завернули «Напоследок» Мэри Гоулд по обратной причине, а «Касселз» отказалось печатать «Бельчонок Сэмми» из-за того, что бельчонок пекся только о себе и упускал из виду общественное благо. «Кейп» вернул одни романы, «Секер» – другие. Никто ничего не взял. И вдобавок разразилась драматическая сцена: престарелый священнослужитель, чью автобиографию Френсик снова отказался пристраивать под тем подлым предлогом, что будто бы мало кого заинтересует ежедневная хроника приходской жизни в Южном Кройдоне, сокрушил зонтом вазу и удалился вместе со своей рукописью только после того, как Соня пригрозила позвонить в полицию. К обеду Френсик просто ополоумел.

– Не могу больше, – заныл он, отскакивая от звякнувшего телефона. – Если меня, то меня нет. Скажи, что меня хватил удар, что меня вообще...

Просили его. Соня прикрыла трубку ладонью.

– Марго Джозеф. Она говорит – иссякла и не знает, сумеет ли кончить...

Френсик скрылся к себе в кабинет и скинул трубку с рычажка.

– Все, я ушел и сегодня не вернусь, – сказал он Соне, когда та возникла в дверях через несколько минут. – Буду сидеть и думать.

– Заодно почитай, – сказала Соня и шлепнула бандероль ему на стол. – Утренняя. Распечатать – и то было некогда.

– Вот я распечатаю, а она взорвется, – мрачно сказал Френсик и развязал шпагат. Однако в пакете ничего страшного не оказалось: только аккуратная машинопись и конверт, адресованный мистеру Ф. А. Френсику. Френсик не без удовольствия оглядел девственные страницы и незахваченные углы: никто, стало быть, к машинописи не прикасался, от сбытчика к сбытчику она не бродила. Потом он глянул на титульный лист,

украшенный заглавием: «ДЕВСТВА РАДИ ПОМЕДЛИТЕ О МУЖЧИНЫ. РОМАН». Имени автора не было, обратного адреса тоже. Странно. Френсик вскрыл конверт и прочел краткое, деловое и загадочное послание.

КЭДВОЛЛАДАЙН И ДИМКИНС
СТРЯПЧИЕ
596 Сент-Эндрю стрит
Оксфорд

Досточтимый сэр!

Всю корреспонденцию касательно возможного сбыта, публикации и вопросов авторского права по поводу прилагаемой рукописи надлежит адресовать нам на имя лично П. Кэдволладайна.

Автор, пожелавший остаться в совершеннейшей тайне, предоставляет договорные условия и выбор соответствующего псевдонима целиком на Ваше усмотрение. Готовый к услугам

Перси Кэдволладайн

Френсик несколько раз перечел письмо, прежде чем обратиться к рукописи. Очень это было странное письмо. Совершеннейшая тайна? Договорные условия и выбор псевдонима целиком на его усмотрение? Доселе ему попадались только авторы тщеславные и авторы назойливые, и такое смирение говорило само за себя. Прямо-таки умирительно. Ах, если бы мистер Джеймсфорт оставлял все на его усмотрение! Френсик открыл первую страницу машинописи под названием «Девства ради помедлите о мужчины» и принялся читать.

Спустя час он читал не отрываясь, и табакерка его разверзлась на столе, а складки штанов были полны табачной трухи. Френсик вслепую потянулся за табаком, ввернул в ноздрю щедрую щепоть и вытер нос третьим носовым платком. Задребезжал телефон в соседнем кабинете. Люди всходили по лестнице и стучались в Сонину дверь. Снаружи, на улице, тарахтели машины. Френсик отключился от посторонних шумов. Он перевернул страницу и стал читать дальше.

В половине седьмого Соня Футл окончила дневные труды и собралась уходить. Дверь в кабинет Френсика была закрыта, но вряд ли он бы ушел не сказавшись. Она приотворила дверь и заглянула. Френсик сидел за

столом, неподвижно взирая на темные крыши «Ковент-Гардена», и слабо улыбался. Знакомая поза, поза открытия.

– Не может быть, – сказала она в дверях.

– А ты прочти, – сказал Френсик. – На меня не полагайся. Сама прочти. – И он как бы отстранил машинопись легким жестом.

– Находка?

– Бестселлер.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Роман, конечно?

– Н-ну, – сказал Френсик, – хотелось бы думать, что роман.

– Небось похабщина, – сказала Соня, распознав симптомы.

– Похабщина, – возразил Френсик, – это не то слово. Воображение, начертавшее – если воображение может начертать – эту эпопею бесстыдства, – такого воображения не хватало маркизу де Саду.

Он поднялся и протянул ей машинопись.

– Крайне желательно выслушать твое мнение, – заключил он, как бы вернувшись на уровень собственного достоинства.

Вечером Френсик отправился к себе в Хампстед чуть ли не вприпрыжку, но наутро вернулся тишком, и в ежедневнике Сони возникла сдержанная запись: «Обговорим роман за обедом. Ко мне никого не пускать». Он прошел в кабинет и запер за собой дверь.

Все утро напролет Френсик, по-видимому, был целиком поглощен голубиной возней на соседней крыше. Он сидел за столом, уставившись в окно, иногда звонил по телефону или черкал карандашом на листочке. Большею частью сидел просто так. Но видимость обманчива: дух Френсика витал над привычным литературным ландшафтом, где каждое лондонское издательство просительно разевало клюв, где на всяком перекрестке заключались взаимовыгодные сделки и услуги обменивались на одолженица. Но Френсик собрался хитрить. Мало ведь запродать книгу – это любой дурак сможет, дан только выгодный товар. Нет, нужно пристроить ее именно кому следует, чтобы сделка имела полный эффект и нужные последствия, чтобы она всячески укрепила репутацию книгопродавца и послужила его дальнейшей выгоде. И уж само собой, к выгоде его авторов.

В расчеты его входило будущее: он предвидел неудачи знаменитых авторов – и книги, успеху которых помешает авторская безвестность. Френсик тасовал воображаемые карты – это он умел. Иногда он уступал книги мелким фирмам за пустячные авансы, хотя мог бы договориться с

фирмой побольше об авансе покрупнее. Такие жертвы потом окупались – скажем, изданием романа, которого и пятьсот экземпляров едва ли разойдутся, но почему-либо нужного Френсику в печати. Свои резоны Френсик не оглашал, равно как имена маститых авторов, зарабатывающих на жизнь детективами или полупорнографией, укрываясь под псевдонимами. Тут простирался покров тайны, и даже Френсик, чей ум был полон неверными уравнениями личностей и вкусов, покупок и цен, долгов и платежей, – даже он понимал, что посвящен далеко не во все. Расчеты расчетами, но, в конечном счете, вывозит всегда удача, а в последнее время удача изменила Френсику. Значит, надо действовать осторожненько – и в это утро Френсик был предельно осмотрителен.

Он обзвонил приятелей-юристов и удостоверился, что стряпчие «Кэдволладайн и Димкинс» – старая, надежная и весьма почтенная фирма, обслуживающая самую респектабельную клиентуру. Лишь затем набрал он оксфордский номер мистера Кэдволладайна – чтобы напрямик поговорить о присланном романе. Поверенный изъяснялся по старинке. К его глубочайшему сожалению, встреча мистера Френсика с автором не представляется возможной. Инструкции предполагают совершеннейшую тайну: любые переговоры должен вести лично мистер Кэдволладайн. Разумеется, все лица и происшествия в романе вымышленные. Да, если угодно, мистер Френсик может включить в договор дополнительный параграф, освобождающий издательство от финансовой ответственности на случай возбуждения дела о клевете. Он, впрочем, всегда полагал, что подобный параграф составляет неотъемлемую часть всякого договора между издателем и автором. Френсик сказал, что да, конечно, составляет: он просто хотел лишний раз подчеркнуть этот момент, поскольку имеет дело с автором-анонимом. Мистер Кэдволладайн выразил полнейшее понимание.

Френсик положил трубку увереннее, нежели снял, и смелее возвратился на круги своя, к воображаемым сделкам. Он пошел проторенной тропкой, мысленно задержавшись возле нескольких видных издательств и миновав их. Такому роману, как «Девства ради помедлите о мужчины», нужен был издатель с безупречной репутацией, отсвет которой лег бы на книгу. Френсик отсеивал одного за другим и наконец сделал свой выбор. Рискованный, конечно: однако игра стоила свеч. Но сначала требовалось мнение Сони Футл.

Она высказала его за обедом в итальянском ресторанчике, где Френсик обычно угощал своих более или менее второстепенных авторов.

– Редкостная книжица, – заметила она.

– Пожалуй что, – признал Френсик.

– Но что-то в ней есть. Есть искренность, – сказала Соня, понимая, чего от нее ждут.

– Согласен.

– Проникновенность.

– Само собой.

– Крепкий сюжет.

– Железный.

– И есть подтекст, – сказала Соня.

Френсик перевел дух. Как раз на это слово он и надеялся.

– Думаешь, есть?

– Да. Честное слово. Есть вот в ней что-то такое. Нет, хорошо, правда. Ей-богу, хорошо.

– Н-ну, – сказал Френсик, как бы сомневаясь, – я, может быть, отстал от времени, но...

– Да ну тебя. Перестань дурака валять.

– Любезный друг, – сказал Френсик. – Я вовсе не валяю дурака! Вот ты сказала – есть подтекст, и слава богу. Я этого слово ждал и дождался. Стало быть, роман придется по вкусу тем духовным самоистязателям, которые радуются книге, только если она их раздражает. Но про себя-то я знаю, что с точки зрения подлинной литературы это суцая дрянь – и невелика важность, что знаю, однако инстинктами своими надо дорожить.

– У тебя, по-моему, вообще нет инстинктов.

– Литературный – есть, – сказал Френсик, – И он говорит мне, что книга мерзкая претенциозная, а значит – ходкая. Все в порядке: содержание – гадость, слог и того гаже.

– Слог как слог, – пожала плечами Соня.

– Тебе-то, конечно, все едино. Ты американка, вашу нацию классика не тяготит. Вам что Драйзер, что Менкен, что Том Вулф, что Сол Беллоу – какая разница? Имеете право. Я как нельзя больше ценю это безразличие, оно обнадеживает. Если уж вы без труда проглатываете вывороченные фразы, источенные запятыми и перетянутые скобками, где неприкаянные глаголы тычутся во все стороны, а оговорки цепляются друг за друга; фразы, которые, чтобы вразумительно спародировать, и то надо раза четыре перечесть со словарем – я ли стану вам перечить? Твои земляки, чей раж самоусовершенствования я никогда не мог оценить, в такую книгу просто влюбятся.

– Ну, содержание-то им не особенно в новинку. Было, и не так давно: вспомни-ка «Гарольда и Мод»^[5]

– Но не в таком омерзительно подробном исполнении, – заметил Френсик, отхлебнув вина. – И без лоуренсовщины. Вообще же это как раз наш козырь: ему – семнадцать, ей – восемьдесят. За права престарелых! Разве не звучит? Да, кстати, когда Хатчмейер будет в Лондоне?

– Хатчмейер? Ты что, обалдел? – удивилась Соня. Френсик протестующе помахал вилкой с длинной макарониной.

– Ну-ну, выбирай выражения. Я тебе не хиппи.

– А Хатчмейер тебе не «Олимпия Пресс»^[6]. Он мещанин до мозга костей и к этой книге близко не подойдет.

– Подойдет, если подманим, – сказал Френсик.

– Подманим? – недоверчиво спросила Соня. – Это как?

– Я, собственно, решил продать книгу самому что ни на есть почтенному лондонскому издателю, – сказал Френсик, – а уж потом перепродать права Хатчмейеру в Америку.

– Кому же это ты здесь продашь?

– Коркадилам, – сказал Френсик.

– Старинная, обомшелая фирма, – покачала головой Соня.

– Вот именно. – сказал Френсик. – Престижная. И на грани банкротства.

– Им сто лет назад надо было отделаться от половины своих авторов, – сказала Соня.

– Ладно от авторов, лучше бы отделались от главы фирмы, от самого сэра Кларенса. Ты его некролог читала? Оказалось – нет, не читала.

– Очень любопытно. И поучительно. Сколько, ах, сколько у него заслуг перед Литературой! То бишь сколько напечатал он поэтов и романистов, которых никто не читал и не читает! В итоге – банкротство.

– Вот, значит, и не смогут они купить «Девства ради помедлите о мужчины».

– Купят, куда они денутся? – сказал Френсик. – На похоронах сэра Кларенса я перекинулся парой слов с Джеффри Коркадиллом. Он по стопам отца не пойдет. Коркадилы выкарабкиваются из восемнадцатого столетия, и Джеффри нужен бестселлер. Они возьмут «Девство», а мы пощупаем Хатчмейера.

– И, по-твоему, на Хатчмейера это подействует? – усомнилась Соня. – Что ему Коркадилы?

– Как что, а почет? – сказал Френсик. – У них же монументальное прошлое. На камин-то Шелли опирался, в кресле-то непорожняя миссис Гаскелл сидела, а на ковер и вовсе Теннисона стошнило. А сколько первоизданий! Хоть и не вся «великая традиция», а все же изрядный кусок

истории литературы. И в такую преподобную компанию Коркадилы возьмут наш роман – за бесценнок, конечно.

– Ты думаешь, автору этого хватит? А деньги ему нипочем?

– Деньги он получит от Хатчмейера. Мы его, голубчика, хорошенько выдоим. Но автор, конечно, небывалый.

– Судя по книге – да, – сказала Соня. – А еще почему?

– Непробиваемый аноним, – сказал Френсик и изложил инструкции мистера Кэдволладейна. – Так что у нас своя рука владыка, – заключил он.

– Дело за псевдонимом, – сказала Соня. – Убьем-ка мы сразу двух зайцев: пусть автора зовут Питер Пипер. Хоть раз в жизни увидит человек свое имя на книжной обложке.

– Ты права, – грустно согласился Френсик. – Боюсь, что иначе бедняге Пиперу не видать этого как своих ушей.

– Вдобавок сэкономишь на ежегодном обеде и не придется читать новую версию «Поисков утраченного детства». У него какой сейчас образец?

– Томас Манн, – вздохнул Френсик. – Фразы на две страницы – заранее ужас берет! А ты думаешь, можно эдак-то разделаться с его литературными мечтаниями?

– Как знать? – возразила Соня. – Поглядит человек на свою напечатанную фамилию, почувствует себя на какое-то время автором – может, и хватит с него?

– Да, уж либо так, либо никак, это я более чем головой ручаюсь, – сказал Френсик.

– Ну вот, и ему кое-что перепадет.

После обеда Френсик отправил рукопись Коркадилам. На титульном листе, под заглавием, Соня припечатала «сочинение Питера Пипера». Френсик долго, убедительно разъяснял по телефону ситуацию Джеффри Коркадилу и запер свой кабинет вполне собой довольный.

Через неделю редколлегия Коркадилов обсуждала «Девства ради помедлите о мужчины» перед лицом прошлого, осенявшего развалины их издательской репутации. Панельные стены зала заседаний были обвешаны портретами знаменитых покойников. Шелли среди них не было, миссис Гаскелл – тоже; их замещали меньшие светила. В застекленных шкафах выстроились первоиздания, а музейные витрины хранили писательские реликвии. Перья гусиные и перья стальные, послужившие автору «Уэверли»^[7], перочинные ножички, чернильница, которую Троллоп будто бы забыл в поезде, песочница Саути и даже кусочек промокашки, который, будучи поднесен к зеркалу, обнаруживал, что Генри Джеймс однажды, на

удивление потомству, написал пошлое слово «дорогая».

Посреди этого музея, за овальным столом орехового дерева, сидели, соблюдая еженедельный обряд, директор издательства мистер Уилберфорс и главный редактор мистер Тэйт. Они прихлебывали мадеру, грызли тминные печенье и неодобрительно поглядывали то на рукопись, лежавшую перед ними, то на Джеффри Коркадила. Трудно сказать, что им больше не нравилось – она или он. Замшевый костюм в обтяжку и вышитая сорочка Джеффри Коркадила были совсем не к месту. Сэр Кларенс весьма бы не одобрил. Мистер Уилберфорс подлил себе мадеры и покачал головой.

– Я категорически против, – сказал он. – По-моему, совершенно неслучайно и даже непредставимо, чтобы мы освятили своим именем, титуловали бы, так сказать, публикацию этого... опуса.

– Вам что, книжка не понравилась? – спросил Джеффри.

– Не по-нра-ви-лась? Да с моей стороны просто подвиг, что я ее дочитал.

– Ну, на всех не угодишь.

– Нам никогда и не предлагали ничего подобного. Все-таки таки подумать о собственной репутации...

– И о собственном превышении кредита, – сказал Джеффри. – Говоря напрямик, нам надо выбирать между репутацией и банкротством.

– Но зачем же такая, бывают и другие книги, – взмолился мистер Тэйт. – Вы ее хоть прочли?

– А как же, – кивнул Джеффри. – Я знаю, отец мой взял себе за правило не читать никого после Мередита, но я...

– Ваш бедный отец, – с чувством сказал мистер Уилберфорс, – должно быть, ворочается в гробу при одной мысли о...

– Да-да, именно в гробу, где к нему, надо полагать, скоро присоединится так называемая героиня этого омерзительного романа, – добавил мистер Тэйт.

Джеффри поправил сбившийся локон.

– Помнится, папу кремировали, так что затруднительно ему будет ворочаться, а ей – присоединяться, – небрежно заметил он. Мистер Уилберфорс и мистер Тэйт стали торжественны, а Джеффри вернул на лицо дружелюбную улыбку. – Итак, насколько я понял, ваши возражения сводятся к тому, что в романе описана любовная связь семнадцатилетнего юноши и восьмидесятилетней женщины?

– Да, – сказал мистер Уилберфорс громче обычного. – Хотя как тут можно говорить о ЛЮБОВНОЙ связи?..

– Ну, сексуальные отношения. Что спорить о словах?

– Нет-нет, не в словах дело, – сказал мистер Тэйт. – И даже не в отношениях. Это бы все еще ничего. Где об отношениях, там пусть, куда ни шло. Ужасает то, что между отношениями. Я и понятия не имел... впрочем, не важно. Но это же просто кошмар какой-то.

– Вот ради этих самых пассажей между отношениями, – сказал Джеффри, – книгу и будут раскупать.

Мистер Уилберфорс недоверчиво покачал головой.

– Лично я склонен думать, что мы идем на риск, на опаснейший риск судебного преследования за непристойность, – сказал он. – И обоснованного преследования.

– Именно, именно, – отозвался мистер Тэйт. – Да что тут, возьмите хоть сцену с креслом-качалкой и душем...

– Умоляю, – простонал мистер Уилберфорс. – Хватит уж того, что мы это прочли и похоронили в памяти. Неужели нужна еще эксгумация?

– Уместное слово, – сказал мистер Тэйт. – Даже и самое заглавие...

– Ладно, ладно, – сказал Джеффри. – Согласен, все это несколько безвкусно, однако же...

– Что значит «однако же»? А помните, как он ее...

– Ну Тэйт, ну не надо, ну ради бога не надо, – слабо запротестовал мистер Уилберфорс.

– Повторяю, – продолжал Джеффри, – я готов согласиться, что это варево не на всякий вкус. Да ну вас, Уилберфорс. Хотите, я наберу вам с полдюжины книг почище этой.

– Нет, я, слава богу, ни одной такой не помню, – заметил мистер Тэйт.

– Одну, назовите одну! – возопил мистер Уилберфорс. – Хоть одну, которая могла бы сравниться!.. – И перст его затрясся над рукописью.

– Та же «Леди Чаттерли», – сказал Джеффри.

– Ха! – сказал мистер Тэйт. – Да по сравнению с этим «Леди Чаттерли» – девственница!

– И вообще, «Чаттерли» же запрещена, – сказал мистер Уилберфорс.

– О, небо, – тяжело вздохнул Джеффри Коркадил. – Ну, кто ему объяснит, что викторианцы вместе с их нравами канули в Лету?

– И очень жаль, что канули, – заметил мистер Тэйт. – Кое с кем из них мы прекрасно ладили. Безобразия начались с «Источника одиночества».

– Была там еще и другая гадкая книжонка, – сказал мистер Уилберфорс, – но ее хоть не мы опубликовали.

– Безобразия, – вставил Джеффри, – начались, когда дядя Катберт сдуру пустил под нож «Самоучитель бальных танцев» Уилки и напечатал вместо него «Определитель съедобных грибов» Фашоды.

– Да, с Фашодой – это он зря, – согласился мистер Тэйт. – На вскрытиях нас все время поминали недобрым словом.

– Вернемся в нынешний век, – сказал Джеффри, – который не лучше, чтоб не сказать – хуже минувшего. Френсик, как видите, предложил нам роман, и мы, по-моему, должны его принять.

– Прежде мы с Френсиком дела не имели, – сказал мистер Тэйт. – Говорят, Френсик берет недешево. Сколько он хочет на этот раз?

– Чисто номинальную сумму.

– Чисто номинальную? Френсик? Что-то непохоже на него. Обычно он запрашивает втридорога. Тут какая-нибудь ловушка.

– Да чертова эта книга и есть ловушка. Дураку ясно, – сказал мистер Уилберфорс.

– Френсик смотрит на вещи шире, – сказал Джеффри. – Он предвидит заокеанскую сделку.

Оба старца шумно вздохнули.

– А-а, ну да, – сказал мистер Тэйт. – Американский рынок. Тогда, конечно, другой разговор.

– Вот именно, – сказал Джеффри, – и Френсик убежден, что американцы оценят эту книгу по достоинству. Вовсе тут не все похабщина, многое сделано по-лоуренсовски, не говоря уж о прочих писателях, которые тоже просвечивают. Блумзберийская группа, Вирджиния, понимаете ли, Вулф, Мидлтон Марри и тому подобное. И философское опять же содержание...

– Ага, ага, – кивнул мистер Тэйт. – На такую наживку американцы клюнут, только нам-то что с этого?

– А десять процентов американского гонорара, – сказал Джеффри. – Это нам как?

– И автор согласен?

– Мистер Френсик уполномочен согласиться за него и полагает также, что если книга станет там бестселлером, то ее начнут бешено раскупать здесь.

– Если, если, – сказал мистер Тэйт. – Если да, то да. А кто издаст в Америке?

– Хатчмейер.

– Ишь ты, – сказал мистер Тэйт. – Теперь хоть кое-что понятно.

– Хатчмейер, – заметил мистер Уилберфорс, – негодяй и мошенник.

– И один из главных воротил американского книжного рынка. – прибавил Джеффри. – Если уж он возьмет книгу, то книга пойдет. И авансы у него сказочные.

– Признаюсь, – кивнул мистер Тэйт, – что я никогда не мог проникнуть

в тайны американской книготорговли, но авансы действительно сказочные, и Хатчмейер в самом деле воротила. Может быть, Френсик и нрав. Шанс тут, пожалуй, есть.

– Наш единственный шанс, – заверил Джеффри. – Иначе пойдем с молотка.

Мистер Уилберфорс налил себе мадеры.

– Ужасное унижение, – сказал он. – Подумать только, до чего мы докатились – до псевдоинтеллектуальной порнографии.

– Ну, если это нам поможет удержаться на плаву... – сказал мистер Тэйт. – Да, а кто такой этот, как его, Пипер?

– Извращенец, – объявил мистер Уилберфорс.

– Френсик говорит, что это молодой человек, преданный литературе, – сказал Джеффри. – Это его первый роман.

– Будем надеяться, что и последний, – сказал мистер Уилберфорс. – Впрочем, можно, кажется, пасть еще ниже. Как звали ту мерзавку, которая сама себя кастрировала и написала об этом книгу?

– Как то есть САМА себя? – изумился Джеффри. – Это вряд ли возможно. Еще, положим, сам себя..

– Вы, наверное, имеете в виду книжонку под названием «Обыкновенное убийство», сочинение некой... Маккаллерс^[8], что ли, – сказал мистер Тэйт. – Лично я ее не читал, но слышал, что ужасная гадость.

– Итак, все согласны, – сказал Джеффри, чтобы избежать опасного поворота беседы. Мистер Тэйт и мистер Уилберфорс скорбно кивнули.

Френсик приветствовал их решение без особого восторга.

– Почем еще знать, выгорит ли с Хатчмейером, – сказал он Джеффри за обедом в ресторане «Уилерз». – Главное сейчас, чтобы газетчики не пронюхали, а то отпугнут его. Давайте-ка для пущего туману называть это дело «Девством».

– Что ж, очень подходяще, – сказал Джеффри. – Девственные гранки будут месяца через три, не раньше.

– Стало быть, хватит времени обработать Хатчмейера.

– Вы думаете, правда есть шанс, что он откупит?

– Шансов сколько угодно, – сказал Френсик. – Мисс Футл имеет на него огромное сексуальное влияние.

– Поразительно, – сказал Джеффри, содрогнувшись. – Но, судя по «Девству», о вкусах лучше не спорить.

– Соня, кстати, замечательно торгуется, – сказал Френсик. – Она всегда запрашивает такие авансы, что американцы аж глазами хлопают. И понимают, что она верит в книгу.

– А этот наш Пипер согласится на десятипроцентные отчисления?

Френсик кивнул. У него был по этому поводу разговор с мистером Кэдволладайнном.

– Автор предоставил мне решать за него все финансовые вопросы, – сказал он, ничуть не отклоняясь от истины. Так обстояли дела к прибытию Хатчмейера, который объявился в Лондоне со своей свитой в начале февраля.

Глава 3

Про Хатчмейера говорили, что он самый безграмотный издатель в мире и что, начав карьеру менеджером, он учредил затем мордобой на книжном рынке и однажды выдержал восемь раундов с самим Норманом Мейлером. Еще говорили, что ни одной закупленной книги он сроду не прочел и вообще читает только чеки и банкноты. Говорили еще, что он – владелец половины амазонских джунглей и что, глядя на дерево, он видит суперобложку. Много разного, чаще нелестного, говорили о Хатчмейере: во всем этом была толика правды, и за разноречивыми рассказами таился секрет его успеха. А что секрет был, в этом никто не сомневался, ибо удачливость Хатчмейера превосходила всякое понимание. Легенды о нем мешали спать издателям, отвергнувшим «Историю любви» Эрика Сигела, когда автор просил за нее ломаный грош; презревшим Фредерика Форсайта, проворонившим Яна Флеминга и теперь ворочающимся с боку на бок, проклиная свою бестолковость. Сам же Хатчмейер спал прекрасно. То есть для больного человека просто изумительно, а болен он был всегда. Френсик передал и перепивал своих соперников;

Хатчмейер же давил их ипохондрией. Когда он не страдал язвой или желчно-каменной болезнью, то жаловался на кишечник и сидел на строгой диете. Издатели и посредники за его столом по мере сил управлялись с шестью блюдами, одно сытнее и неудобоваримее другого, а Хатчмейер ковырял кусочек вареной рыбки, грыз сухарик и прихлебывал минеральную водичку. Из таких кулинарных поединков он выходил с тощим животом и тугой мощной, а гости его кое-как доплетались до дома, сами не понимая, что за муха их укусила. Но опомниться им не удавалось: Хатчмейер сегодня был в Лондоне, завтра – в Нью-Йорке, послезавтра – в Лос-Анджелесе. Разъезды его имели двоякую цель: заключать договоры наспех и безотлагательно и держать подчиненных в страхе Божиим. Иной раз похмельный автор еле мог вывести свою фамилию, не то что прочесть мелкий шрифт, а в договорах Хатчмейера шрифт был мельче мелкого. Оно и неудивительно: петит сводил на нет все, что печаталось крупным шрифтом. И, наконец, чтобы иметь дело или обделывать делишки с Хатчмейером, надо было сносить его обращение. А Хатчмейер был хамоват – отчасти по натуре, отчасти же в пику литературному эстетству, донимавшему его со всех сторон. Оттого-то он так и ценил Соню Футл, что она не лезла ни в какие эстетические рамки.

– Ты мне прямо как дочь, – проурчал он, приветственно облапив Соню в номере «Хилтона». – Ну, что же на этот раз принесла мне моя крохотулечка?

– Гостинчика, – отвечала Соня, высвободившись и взгромоздившись на велосипедный снаряд, всюду сопровождавший Хатчмейера. Тот присел на самое низкое кресло в комнате.

– Да не может быть. Романец?

Соня кивнула, усердно крутя педали.

– Как называется? – поинтересовался Хатчмейер, пропуская дело наперед удовольствия.

– «Девства ради помедлите о мужчины».

– Чего ради «помедлите о мужчины»?

– Девства, – сказала Соня и всюю заработала педалями.

Хатчмейер углядел ляжку.

– Девства? Религиозный, что ли, роман с пылу с жару?

– Это мало сказать – с жару: сам как огонь.

– Что ж, по нашим временам не худо. Тиражное барахло: всякие там сверхзвезды, дзэн-буддисты, как починить ваш автомобиль или там мотоцикл. Девство тоже кстати – как раз год женщинам.

Соня приостановила педали.

– Нет, Хатч, тебя не туда понесло. Это не про Богородицу.

– Как нет?

– Так вот и нет.

– Стало быть, не она одна девственница? Ну-ка, ну-ка, расскажи, это даже интересно.

И Соня Фулл принялась рассказывать с высоты велосипедного седла, заворачивающе поводя ногами вверх-вниз, дабы убаюкать критические способности Хатчмейера. Тот почти не сопротивлялся и, лишь когда Соня перестала крутить педали, сказал:

– Забыть, наплевать и растереть. Ну и белиберда! Ей восемьдесят, а она знай подставляется где ни попадя. Обойдемся.

Соня слезла со снаряда и, подбоченившись, нависла над Хатчмейером:

– Не ерунди, Хатч, послушай меня. Только через мой труп ты отбрешешься от этой книги. Это экстракласс.

Хатчмейер радостно улыбнулся. Во берет за глотку! Торги – не торговлишка.

– Давай, расхваливай.

– Ладно, – взялась за дело Соня. – Когда читают книги? Молчи, сама

скажу. От пятнадцати до двадцати одного года. И время есть, и охота не притупилась. У кого самые высокие показатели грамотности? У шестнадцати-двадцатилетних. Верно?

– Верно, – согласился Хатчмейер.

– Конечно, верно! И вот тебе, пожалуйста: семнадцатилетний парень, поиски себя.

– Какие еще поиски! Ты меня не потчуй фрейдистской мертвечинкой. Не те времена.

– Времена не те, да и он не тот. Мальчик без патологии.

– Да ты что! А чего же он лезет на бабушку?

– Она ему не бабушка. В ней женское...

– погоди, деточка, дай мне сказать. Ей восемьдесят, какое там в ней женское. Уж я-то знаю. Жене моей Бэби пятьдесят восемь, а женского – один скелет. Хирурги-косметологи из нее столько повынимали, что ахнешь и закачаешься. За пазухой один силикон, окорока тянутые-переобтянутые. Девственность ей обновляли раза четыре, а с лицом я со счету сбился.

– И почему все это? – сказала Соня. – А потому, что она хочет быть женщиной с головы до пят.

– Ну да, женщиной. Почти вся подмененная.

– А все-таки читает. Верно?

– Еще бы нет! За месяц больше, чем я издаю в год.

– Вот именно. Читает молодежь, читают старики. А прочих вежливенько отсылаем туда-сюда.

– Ты вот скажи Бэби, что она старуха, и сама вежливенько отправишься туда-сюда. Она за это кому хочешь пасть порвет – я тебе говорю.

– А я тебе говорю, что пик грамотности дает возрастная группа от шестнадцати до двадцати лет, потом зияние – и снова пик, начиная с шестидесяти. Права я или нет?

– Ну, права, – пожал плечами Хатчмейер.

– А книга о чем? – спросила Соня. – О том, как...

– Как один чокнутый сопляк путается с чьей-то бабкой. Где-то уже это было, давай что-нибудь поновее. Да и с тухлой клубничкой неохота возиться.

– Нет, Хатч, нет, ничего ты не понял. Это не тухлая клубничка, а история любви. Они по-человечески важны друг другу. Он нужен ей, а она ему.

– А мне они оба ни на хрен не нужны.

– Они черпают друг у друга то, чего каждому недостает. Он впитывает

ее зрелость, умудренность, вкушает плод опыта...

– Вкушает? Плод? Ох, берегись, ей-богу, сблую.

– А она заражается его юношеским жизнелюбием, – напирала Соня. – Я тебе честно говорю: это большая литература. Глубокая, значительная книга. Она высвобождает. Это экзистенциально. Это... Помнишь, как было с «Подругой французского лейтенанта» нашего Джона Фаулза? Все Штаты ходуном ходили. А теперь Америка созрела для «Девства». Да, ему семнадцать, ей восемьдесят – а все-таки он ее любит. Поймы ты, Хатч: Л-Ю-Б-И-Т. Пожилые и престарелые будут все как один покупать книгу, чтобы узнать, чем их обделяет судьба, а студенты клюнут на филозофрению. Только подай – а пойдет нарасхват! Культуртрегеров поймаем на претензию, авангард – на порно, а сопливых – на чувствительность. Это же блюдо на целую семью! Таких тиражей...

Хатчмейер встал и прошелся по комнате.

– Знаешь, тут ты, может, и верно протумкала, – сказал он, – Я вот спросил себя: «Схватится Бэби за эту книгу?» Как пить дать, схватится. А уж если она глотает, то все облизываются. Сколько?

– Два миллиона долларов.

– Два миллиона... Ты мне что, мозги пудришь?

Хатчмейер даже рот разинул. Соня снова влезла па велосипедный снаряд.

– Два миллиона. Нет, не пудрю я тебе мозги.

– Иди гуляй, детка, иди гуляй. Два миллиона? За один роман? Отбой.

– Два миллиона – или я пошла показывать ножки Майленбергу.

– Этому скалдырнику? Да откуда у него два миллиона! Бегай ты без штанов взад-вперед по Авеню Америк хоть с утра до вечера – никто столько не даст.

– Американские права, дешевое издание, фильмы, телепостановка, серийные выпуски, книжные клубы...

– Ты давай позабористее, – зевнул Хатчмейер. – Клубы у меня под рукой ходят.

– А с этой книгой они тебя обойдут.

– Ну, пусть даже купит Майленберг. Он тебе цены не даст, а я все равно перекуплю. И что мне с этого будет?

– Слава, – хлопнула козырем Соня, – мировая слава. Сразу влепишь в десятку: «Унесенные ветром», «Эмбер навечно», «Кукольная долина», «Доктор Живаго», «Аэропорт», «Мешочки». Да ты же в «Ридерз дайджест альманах» попадешь!

– В «Ридерз дайджест альманах»? – восхищенно переспросил

Хатчмейер. – Ты думаешь, даже так?

– Думаю? Знаю. Престижная книга о скрытых жизненных возможностях. Не бульварщина какая. Переплюнешь Мэри Бейкер Эдди с ее христианской наукой. Это же словесная симфония. Заметь, кто здесь купил – фирма слава тебе господи!

– Кто? – с подозрением спросил Хатчмейер.

– Коркадилы.

– Коркадилы? Старейшее издательство...

– Не старейшее. «Марри» старше.

– Ну, ладно, старое. Почему?

– Пятьдесят тысяч фунтов, – наудачу брякнула Соня. Хатчмейер уставился на нее.

– Коркадилы – пятьдесят тысяч за эту книгу? Пятьдесят косых?

– Да, пятьдесят косых. И с ходу. Без лишних разговоров.

– А я слышал, они на мели, – сказал Хатчмейер. – Их что, откупил какой-нибудь араб?

– Нет, не араб. Это семейная фирма. Сам Джефри Коркадил выложил пятьдесят тысяч: понял, что книга того стоит. Думаешь, стали бы они рисковать такими деньгами, если б собирались сматывать удочки?

– Японский бог, – сказал Хатчмейер. – Да, видать, на это дерьмо делают крупные ставки... и все ж таки два миллиона! Никогда еще за роман столько не давали. Роббинс берет миллион, но ведь это Роббинс!..

– В том-то и дело, Хатч. Думаешь, я прошу два миллиона за так? Дура я тебе, что ли? К тому же два миллиона делают книгу. Ты их платишь, люди об этом знают – и каждый кидается читать роман – надо же понять, с чего это ты раскошелился. Про тебя всякому интересно. Ты впереди всех. Да и фильм обязательно...

– С фильма в доле. Только не процентик, а пополам.

– Идет, – сказала Соня. – Режь подметки на ходу. Пополам как пополам.

– Да, еще мне нужен автор, этот ваш, как его... Пипер, – заявил Хатчмейер.

– Автор тебе нужен? – вмиг насторожилась Соня. – А зачем тебе автор?

– Для ходкого сбыта. Будем его совать в нос публике: вон видали, этому только подкладывай старух. Турне по Штатам, автографы, телеинтервью, лекции – в общем, на всю катушку. Мы его разделаем под гения.

– Не думаю, что ему это понравится, – смущенно сказала Соня. – Он

очень робкий и замкнутый.

– Это он-то робкий? Заголился и давай стесняться? – удивился Хатчмейер. – Да за два миллиона он любой зад обязан дочиста вылизать!

– Сомневаюсь, что он согласится...

– Либо согласится, либо пошел он, – обрезал Хатчмейер. – Уж если я готов нянчиться с его книжонкой, то ему сам бог велел соглашаться. Точка, решено.

– Ладно, раз тебе так надо, – сказала Соня.

– Да, мне так надо, – сказал Хатчмейер. – И тебя мне тоже надо...

Соня еле унесла ноги и помчалась с договором на Ланьярд-Лейн.

* * *

Френсик явно заждался ее.

– Довела до ума, – пропела она, сотрясая плясом кабинет.

– Ну и ну, – сказал Френсик. – Ах ты умница.

– С одним условием. – Соня приостановилась.

– С условием? Что за условие?

– Сперва хорошие новости. Книга ему понравилась. Он от нее без ума.

– А не рановато? – прищурился Френсик. – Он ведь даже случая не имел и заглянуть-то в эту клоаку.

– Ну, я ему рассказала... так, в общем – и ему очень понравилось. Пора, говорит, преодолевать опасный возрастной разрыв.

– Опасный возрастной?

– Да, между поколениями. Он как-то чувствует...

– Чувства его оставь-ка себе, – сказал Френсик. – Тот, кто говорит о преодолении опасного возрастного разрыва, не дорос до простейших человеческих эмоций.

– Он считает, что «Девство» окажет такое же благотворное влияние на молодежь и престарелых, какое «Лолита»...

– Оказала на родителей? – предположил Френсик.

– На пожилых мужчин, – сказала Соня.

– К этим хорошим новостям нам только не хватает заразиться проказой.

– Ты погоди, ты сначала послушай, какую цену он дает.

– Ну? – послушал Френсик.

– Два миллиона.

– Два миллиона? – Френсик постарался унять дрожь в голосе. – фунтов или долларов?

Соня с упреком посмотрела на него.

– Френзи, ты скотина, неблагодарная скотина. Я, значит...

– Миленькая, я просто хотел выяснить, сколько жути ты мне поднесешь на десерт. Если твой дружок из мафии готов заплатить за эти словесные помои два миллиона фунтов – тогда все, надо быстро складываться и улепетывать. Так чего же он, ублюдок, хочет?

– Во-первых, видеть договор с Коркадилами.

– Пожалуйста, договор в порядке.

– Не совсем. В этом договоре почему-то нет ни слова о тех пятидесяти тысячах фунтов, которые Коркадилы уплатили за «Девство», – сказала Соня. – Маленький такой недочетик.

– Пятидесяти тысячах фунтов? – ахнул Френсик. – Да где им...

– Хатчмейера надо было ошеломить.

– Что у него вместо головы? Коркадилы не наскребут и пятидесяти тысяч пенсов, не то что...

– Конечно. Это он знает. Я ему сказала, что Джеффри рискнул собственным состоянием. Понятно теперь, почему он хочет видеть договор.

Френсик задумчиво потер лоб.

– Ну, положим, всегда можно составить другой договор. Уговорить Джеффри подписать его, показать Хатчмейеру и разорвать, – сказал он наконец. – Джеффри это, конечно, не понравится, но с двух-то миллионов ему тоже... Еще что?

– Это уж тебе совсем не понравится, – замялась Соня. – Он требует, чтобы автор совершил турне по Штатам: автографы, телевидение и рассказы про возлюбленных старушек.

Френсик достал платок и отер лицо.

– Требуется, говоришь? – возмутился он. – Не может он этого требовать. У нас автор своей рукой договора не подпишет, не то что на люди показаться: какой-то псих с агорафобией или чем-то в этом роде, а Хатчмейер хочет, чтобы он торговал мордой по американскому телевидению?

– Именно требует, Френзи, не ХОЧЕТ, а ТРЕБУЕТ. Либо автор едет, либо адью.

– Значит, адью, – сказал Френсик. – Он не поедет. Слышала ведь, что сказал Кэдволладайн: полная анонимность.

– И два миллиона ничего не меняют?

Френсик покачал головой.

– Я сказал Кэдволладайну, что мы запросим большую сумму, а он мне – что не в деньгах дело.

– Два миллиона – это не просто деньги. Это состояние.

– Знаю, но...

– Попробуй-ка поговори еще раз с Кэдволладайном, – сказала Соня и протянула ему трубку. Френсик попробовал и говорил долго. Но мистер Кэдволладайн был неколебим. Да, да, два миллиона долларов – это целое состояние, однако для его клиента абсолютная анонимность все же важнее, и его инструкции гласят... Словом, разговор вышел пустой и удручающий.

– Что ж нам – сесть, сложить руки и смотреть, как двадцать процентов от двух миллионов смывает в канализацию? – спросила Соня. Френсик уныло поглядел вдаль, за ковент-гарденские крыши, и вздохнул. Двадцать процентов от двух миллионов – это, как ни считай, четыреста тысяч долларов, побольше двухсот тысяч фунтов, и это – их комиссионные. А из-за процесса Джеймса Джеймсфорта они только что потеряли еще двух прибыльных авторов.

– Должен быть какой-то выход из положения, – пробормотал он. – Ведь Хатчмейер в тех же потемках, что и мы, – он тоже не знает, кто автор.

– Почему же это не знает? – возразила Соня. – Знает. Питер Пипер проставлен на титуле.

Френсик глянул на нее с обновленным восхищением.

– Питер Пипер, – задумчиво проговорил он. – Да, это, пожалуй, мысль. Они заперли контору и отправились в пивную через улицу.

– Как бы нам соблазнить Пипера представиться автором... – сказал Френсик после двойного виски.

– А у него просто нет другого пути в печать, – сказала Соня. – Если книга пойдет...

– Книга-то пойдет. У Хатчмейера все идет.

– Ну, значит, и Пипер выбьется в другой разряд и авось найдет себе какого-нибудь издателя на «Поиски».

– Нет, это не для него, – покачал головой Френсик. – Боюсь, у Пипера принципы. А с другой стороны – если вставить Джеффри в договор обязательство опубликовать «Поиски утраченного детства»... Не наведаться ли к нему сегодня же? Он устраивает такую обыкновененькую вечериночку. Да, это едва ли не путь. Пипер лоб расшибет, лишь бы напечататься, а бесплатное турне по Штатам... Давай-ка тяпнем за успех предприятия.

– Попытка – не пытка, – сказала Соня.

Прежде чем ехать к Коркадилу, Френсик вернулся в контору и

составил два новых договора. В первом из них Коркадилы обязывались выплатить пятьдесят тысяч за «Девства ради помедлите о мужчины», вторым – гарантировали публикацию очередного романа мистера Пипера «Поиски утраченного детства»: аванс – пятьсот фунтов.

– В конце концов, чем мы рискуем? – сказал Френсик Соне, снова запирая контору. – Если даже Джеффри не согласится на пиперовский аванс – ладно, заплатим из своих. Главное – добиться твердокаменной гарантии, что они опубликуют «Поиски».

– Джеффри тоже светят десять процентов от двух миллионов, – заметила Соня на прощанье. – Надеюсь, это его подстегнет.

– Уж я, видит бог, постараюсь, – сказал Френсик и подозвал такси.

* * *

Вечериночки Джеффри Коркадила Френсик однажды в злую минуту обозвал подбериночками. Гости стояли или прохаживались с бокалами и легкими закусками; говорили – беглыми полунамеками – о книгах, пьесах и авторах, нечитанных, невиданных и неведомых, но способствовавших двуполому и однополому сближению: затем все и устраивалось. Френсик, в общем-то, предпочитал здесь не появляться – здешние шуточки были небезопасны. Всюду таилась сексуальная угроза; а к тому же он побаивался разговориться о чем-нибудь, в чем ни бельмеса не смыслил. Будет уже – поговорили этак-то в университетские годы. Наконец, не было здесь и женщин, взыскующих мужа: бывали либо перезрелые, либо неотличимые от мужчин. Как-то Френсик нечаянно подал надежду видному театральному критику – с ужасающими последствиями. Он все еще предпочитал вечеринки, где могла встретиться возможная жена; а у Джеффри, того и гляди, тебя самого замуж возьмут.

Так что Френсик захаживал сюда редко, а свою интимную жизнь свел к тихим интрижкам с переспелыми женщинами, терпимыми к его вялости и необязательности, и к оглядыванию девушек в метро, от Хампстеда до Лестер-Сквер. Однако на этот раз он явился по делу – и, конечно, угодил в толпу. Френсик обзавелся бокалом и пошел искать Джеффри. Найти его было нелегко. Став главным Коркадиллом, Джеффри приобрел сексапил, которого ему раньше не хватало. К Френсику тут же пристал поэт из Тобаго; требовалось его мнение о «Зазнайке-негре», а то поэт находил Фербенка где-то божественным и где-то отталкивающим. Френсик сказал, что мнение

это целиком разделяет и что Фербенк был замечательно плодовит. Лишь час спустя, нечаянно запершись в ванной, он наконец вышел на Джефри.

– Дорогой мой, так нельзя, – сказал тот, когда Френсик, минут десять проколов по двери, освободился с помощью какого-то косметического баллончика. – Надо вам знать, что в комнате для мальчиков у нас запирается не принято. Это так неспонтанно. Ведь всякая случайная встреча...

– Это не случайная встреча, – сказал Френсик, затаскивая Джефри в ванную и снова запирая дверь. – У меня к вам разговор, и немаловажный.

– Только не запирайте!.. О господи! Свен ужасно ревнивый. Он впадает в неистовство. Понимаете, кровь викингов.

– Плевать на кровь, – сказал Френсик, – я с предложением Хатчмейера. Основательным.

– Боже мой, опять вы с делами, – сказал Джефри, вяло опускаясь на сиденье унитаза. – Основательное – это сколько?

– Два миллиона долларов, – сказал Френсик.

Джефри схватился, чтоб не упасть, за рулон туалетной бумаги.

– Два миллиона долларов? – выговорил он. – Неужели же ДВА миллиона? Может, вы мне голову морочите?

– Ничуть, – сказал Френсик.

– Так это же изумительно! Какая прелесть! Лапочка моя...

Френсик пихнул его обратно на сиденье.

– Есть одна загвоздка. Точнее говоря, две загвоздки.

– Ах, ну почему всегда должны быть какие-нибудь загвоздки? Разве без них мало в жизни сложностей?

– Надо было поразить его суммой, уплаченной вами за книгу, – о сказал Френсик.

– Но я же почти ничего не платил. Собственно...

– Вот именно, а все-таки пришлось ему сказать, что уплачен аванс в пятьдесят тысяч фунтов, и он хочет видеть договор.

– Пятьдесят тысяч фунтов? Любезный мой, да у нас...

– Знаем, – сказал Френсик, – можете не объяснять мне свое финансовое положение. У вас... скажем так, туго с наличными.

– Мягко говоря, – сказал Джефри, теребя обрывок туалетной бумаги.

– Хатчмейеру это тоже известно – потому-то ему и понадобился договор.

– Какой толк? В договоре...

– Вот здесь у меня, – сказал Френсик, роясь в кармане, – другой договор, который Хатчмейеру больше понравится. Там написано, что вы

согласны уплатить пятьдесят тысяч...

– Спокойненько, – сказал Джеффри, поднимаясь с унитаза, – если вы думаете, что я подпишу договор на пятьдесят тысяч, то вы очень ошибаетесь. Я не такой уж финансист, но тут все ясно.

– Ну что ж, – сердито сказал Френсик, складывая договор, – раз так, привет и до свидания.

– Почему же привет? Ведь договор у нас с вами давно подписан.

– Привет не вам, а Хатчмейеру. Заодно уж попрощайтесь с вашими десятью процентами от двух миллионов долларов. Если вам дороже...

Джеффри снова сел на унитаз.

– Вы это, значит, всерьез, – сказал он, наконец.

– Какие тут шутки, – отозвался Френсик.

– И вы правда ручаетесь, что Хатчмейер согласился уплатить эту невероятную сумму?

– Если я говорю, – сказал Френсик со всем достоинством, какое позволяла ванная, – значит, так и есть.

Джеффри скептически покосился на него.

– Верить Джеймсу Джеймсфорту, так... Ну, ладно, ладно. Простите. Ужасный все-таки сюрприз. И чего же вы от меня хотите?

– Подпишите вот этот договор, а я дам вам расписку на пятьдесят тысяч фунтов. Она послужит гарантией... Кто-то забарабанил по двери.

– Давайте вылезайте, – гремел нордический голос, – я знаю, чем вы там занимаетесь!

– О господи, Свен, – сказал Джеффри, пытаясь отпереть. – Успокойся, радость моя! – крикнул он. – У нас деловая беседа.

Позади него Френсик на всякий случай вооружился унитазной щеткой.

– Деловая! – вопил швед. – Знаю я ваши дела...

Дверь распахнулась, и ванная предстала яростному взору Свена.

– Зачем он со щеткой?

– Свен, милый, ну будь умницей, – увещевал Джеффри. Но Свен еще не решил – плакать или драться.

– Как ты мог, Джеффри, как ты мог!..

– Никак он не мог, – отрезал Френсик. Швед смерил его взглядом.

– И с таким неказистым, гадким человечешкой...

Френсик разъярился в свою очередь.

– Неказистым – пусть, – заорал он, – а гадким – это вы заткнитесь!

Ценой легкой потасовки в дверях Джеффри увлек рыдающего Свена по коридору. Френсик вложил оружие в держак и сел на край ванны. К тому времени, как Джеффри вернулся, была обдумана новая тактика.

– На чем мы остановились? – спросил Джеффри.

– На том, что ваш *petit ami*^[9] назвал меня гадким человечешкой, – сказал Френсик.

– Миленький, простите, пожалуйста, но вам еще повезло. На прошлой неделе он чуть не убил одного, а тот, бедняга, всего только пришел починить биде.

– Так вот о договоре. Я, пожалуй, готов на уступки, – заявил Френсик. – Вторая книга Пипера, «Поиски утраченного детства», обойдется вам в каких-нибудь тысячу фунтов аванса...

– Вторая книга? Это он еще один роман пишет?

– Заканчивает, – сказал Френсик, – и он куда почище «Девства». Уступаю вам его почти за бесценок, бог с вами, только подписывайте договор для Хатчмейера.

– Ну, давайте, – сказал Джеффри. – Поневоле доверяюсь вам.

– Если через неделю не получите договор обратно и не кинете его в корзину, идите к Хатчмейеру и разоблачайте, – сказал Френсик, – Вот вам и гарантия.

Так, в ванной у Джеффри Коркадила, были подписаны два договора. Френсик, отдуваясь, поплелся домой, а на другое утро Соня показала один из них Хатчмейеру. Сделка вступила в силу.

Глава 4

А в Эксфорте, в пансионе Гленигл, перо Питера Пипера выводило строгие палочки и ровные завитки на сорок пятой странице его записной книжки. В соседнем номере с воем разъезжал пылесос миссис Окли, мешая Пиперу создавать восьмую версию автобиографического романа. Изготавливалась она по образу и подобию «Волшебной горы», что отнюдь не облегчало дела. Многоярусные периоды, для вящей иронии перенасыщенные у Томаса Манна точными деталями, не слишком подходили к описанию семейных перипетий 1953 года в Ист-Финчли, но Пипер упорствовал. Он твердо знал, что упорство пристало гению, и еще тверже – что он гений. Пусть его пока не признают: в некий день мир оценит по достоинству его неустанные труды. И вот, наперекор пылесосу и холодному ветру с моря, поддувавшему в оконные щели, Пипер писал и писал.

На столе располагались полукругом принадлежности его святого ремесла: записная книжка с нужными мыслями и оборотами речи, дневник с глубокими соображениями насчет жизни вообще и перечнями дневных свершений, частокол авторучек и бутылка полуиспарившихся черных чернил. Испарять чернила – это изобрел сам Пипер. Он ведь писал для потомства, и важнее всего было, чтобы написанное сохранилось как можно дольше и не поблекло. Одно время Пипер, в подражание Киплингу, употреблял индийские чернила, но они залепляли перо на первом же слове. Потом он сделал не чайное открытие: если не закупоривать в сухой комнате бутылку Уотерменовских Полуночных чернил, то они густеют лучше индийских, сохраняя, однако, текучесть достаточную, чтобы написать целое предложение, не протирая пера носовым платком. Страницы с золотистым чернильным отливом выглядели очень значительно, а чтобы сберечь свой труд от времени, Пипер покупал грессбухи в кожаных переплетах, предназначенные для старомодного счетоводства и нотариальных контор, и, невзирая на вертикальную разлиновку, начинал их своими романами. Всякий заполненный грессбух был в некотором роде законченным произведением искусства. Почерк Пипера – мелкий и поразительно ровный – струился по страницам сплошным потоком. В романах его диалогов было очень мало, а уж если разговаривали, то полновесными, насыщенными и нескончаемыми предложениями; так что ни абзацев, ни пробелов почти не было. Все

гроссбухи тщательно сохранялись. Когда-нибудь, может быть даже после его смерти, когда гений его станет очевиден, ученые проследят по этим нетленным листам его творческий путь. Следовало принять во внимание потомство.

Но ни пылесос за стеной, ни вторжения хозяйки и уборщиц принимать во внимание не следовало. Пипер дорожил своим рабочим временем, а работал он по утрам. После обеда он прогуливался по той приморской аллее, возле которой жил в данный момент. После чая Пипер снова писал, а после ужина – читал: сначала написанное за день, затем – роман, принятый за образец. Читалось ему все-таки быстрее, чем писалось, и «Тяжелые времена», «Ностромо», «Женский портрет», «Миддлмарч» и «Волшебную гору» он знал досконально, а «Сыновей и любовников» буквально от корки до корки. Так, читая одни только шедевры величайших писателей, он оградил себя от зловредного влияния мелкотравчатых романистов.

Помимо шедевров он черпал вдохновение в «Нравственном романе». Эта монография лежала у него на ночном столике, и перед тем, как выключить свет, Пипер перечитывал и мысленно прожевывал страницу-другую заклиний мисс Лаут. Она особенно требовала «помещать характеры в плодотворную эмоциональную сферу, так сказать, в контекст зрелого и разностороннего мировосприятия, соответствующий действительному опыту романиста, усугубляя таким образом жизненность творений писательского вымысла». Действительный опыт Пипера включал восемнадцать лет жизни с отцом и матерью в Финчли, смерть родителей в дорожной катастрофе и десять лет скитаний по пансионатам – и нелегко ему было подыскивать контекст зрелого и разностороннего мировосприятия. Однако же он сделал, что мог, подвергнув неудачный брак покойных мистера и миссис Пипер детальному рассмотрению, дабы наделить их, как повелевала мисс Лаут, зрелостью и жизненностью. Эта эмоциональная эксгумация открыла в них чувства, ими не испытанные, и глубины, которых у них не было. В действительности мистер Пипер был просто опытным слесарем-водопроводчиком. В «Поисках» он стал слесарем-туберкулезником, сложной натурой, раздираемой неимоверно противоречивыми чувствами к своей жене. А с миссис Пипер случилось, пожалуй, еще хуже. Преобразившись из мисс Изабелл Арчер во фрау Шоша, она возымела пристрастие к философским словопрениям, хлопанью дверьми и демонстрации обнаженных плеч, а также тайное сексуальное влечение к своему сыну и к соседу по дому; на самом деле все это привело бы ее в смертельный ужас. Мужа миссис Пипер из «Поисков» презирала, супружеские отношения были ей отвратительны, Наконец, сам Пипер

являлся на страницы романа четырнадцатилетним вундеркиндом, отягощенным избытком самопознания и пронизающим подлинными чувствами родителей друг к другу: если бы все это было так, то оставалось только выгнать его из дому, во избежание общего безумия. Однако мистер и миссис Пипер не сошли с ума, а сын их благоденствовал под родительским кровом, потому что на самом деле в свои четырнадцать лет он был очень заурядным подростком, а все прозрения обрел задним числом. Едва ли у него и были какие-нибудь чувства, но поскольку были, постольку объектом их служила школьная учительница словесности мисс Пирс, которая опрометчиво похвалила юного Питера за рассказ, почти дословно переписанный из ветхого номера журнала «Горизонт», найденного в классном книжном шкафу. Так отрок Пипер встал на писательскую стезю и двинулся по ней четыре года спустя, когда усталый шофер автоцистерны заснул за рулем и пересек шоссе на скорости шестьдесят миль в час, стерева с лица земли мистера и миссис Пипер, мирно кативших с тридцатимильной скоростью к друзьям в Амершем. Таким образом восемнадцатилетний Питер унаследовал дом в Финчли, внушительную страховку и сбережения родителей, а заодно получил возможность строить жизнь по-своему. Дом он продал, все деньги поместил в банк и начал их тратить, чтобы появился материальный стимул к писанию. Десять лет спустя, написав несколько миллионов неоплаченных слов, он оказался практически без гроша.

Поэтому в совершенный восторг привела его телеграмма из Лондона: СРОЧНО ВЫЕЗЖАЙТЕ ПОВОДУ ИЗДАНИЯ РОМАНА ИТП АВАНС ТЫСЯЧА ФУНТОВ ТЕЛЕФОНИРУЙТЕ НЕМЕДЛЕННО ФРЕНСИК.

Пипер немедленно телефонировал и поспел к полуденному поезду, дрожа от радостного предвкушения. Наконец-то он признан.

* * *

В Лондоне Френсик и Соня тоже предвкушали, но не радостно, а скорее мрачновато.

– Что же будет, если он откажется? – спросила Соня Френсика, мерившего шагами кабинет.

– Это один бог ведает, – отозвался Френсик. – Слышала, что сказал Кэдволладейн: «Поступайте, как знаете, но клиент мой должен оставаться в стороне». Стало быть, либо Пипер, либо крышка.

– Ну, я хоть кстати вынула из Хатчмейера еще двадцать пять тысяч

долларов плюс проездные расходы на турне, – сказала Соня. – Может быть, это решит дело.

– С кем бы другим, – усомнился Френсик, – а у Пипера принципы. Бога ради, не оставляй без присмотра верстку «Девства» – не надо ему видеть, что он якобы написал.

– Когда-нибудь все равно ведь прочтет.

– Когда-нибудь пусть, а сейчас надо, чтоб он согласился на турне и получил какие-то хатчмейеровские деньги. Труднее будет идти на попятную.

– Ты думаешь, он купится на предложение Коркадилов издать «Поиски утраченного детства»?

– Это наш главный козырь, – сказал Френсик. – Ты пойми, что Пипер из той разновидности дуралеев, которых съело dementia novella^[10], иначе говоря – библиомания. Симптом болезни – оголтелое желание попасть в печать. Ладно, протащу в печать и Пипера. Вот ему на подносе тысяча фунтов – невероятно, если припомнить его беспомощную чушь. Вот еще двадцать пять тысяч долларов за турне.

Выложим карты и поглядим, что будет – может, и ничего. Но Коркадил – это наш туз. Пипер ведь мать родную уколошит – лишь бы опубликовать «Поиски».

– А ты говорил, его родителей нет в живых, – удивилась Соня.

– В живых нет, – подтвердил Френсик. – Насколько я знаю, у бедняги нет в живых ни одного родственника. Не удивлюсь, если окажется, что мы – его самая близкая родня.

– Удивительно другое – что делают с человеком двадцать процентов комиссионных от двух миллионов долларов, – сказала Соня. – Ты в роли приемного отца – это и во сне не увидишь.

И еще удивительнее было видеть, как один намек на публикацию романа взбудрил Пипера до неузнаваемости. Он явился на Лань-ярд-Лейн в синем костюме, предназначенном для лондонских поездок, источая неприступное самодовольство. Френсик встревожился: он предпочитал авторов смиренных и опечаленных.

– Познакомьтесь с мисс Футл, моим партнером, – сказал он вошедшему Пиперу. – Она ведет наши дела по ту сторону океана.

– Рад познакомиться, – Пипер отвесил сдержанный поклон, на манер Ганса Касторпа из «Волшебной горы».

– Я прямо в восторге от вашей книги, – объявила Соня. – По-моему, это изумительно.

– Вы полагаете? – сказал Пипер.

– Такая глубина, – не унималась Соня. – Такой подтекст!

На заднем плане сцены поеживался Френсик. Он бы так не напирал, да и Сонина беззастенчивость – недаром она была родом из Джорджии, с рабовладельческого Юга – ему претила. Зато Пиперу, кажется, того и было надо. Он покраснел.

– Спасибо на добром слове, – проговорил он.

Френсик решил вмешаться.

– Та-ак, значит, насчет договора с Коркадилами о публикации «Поисков»... – Он посмотрел на часы. – Пойдемте-ка через улицу, обговорим дело за рюмкой.

В пивной Соня опять взяла быка за рога:

– Коркадилы – одно из старейших лондонских издательств. Они очень чопорные – но мы-то со своей стороны просто обязаны сделать ваш роман достоянием самой широкой аудитории.

– Тут в чем дело, – сказал Френсик, вернувшись с двумя бокалами джина и тоника для себя и Сони и с двойным джином для Пи-пера, – вам нужна известность. Для начала подойдут и Коркадилы, но у них плохо поставлен сбыт.

– Плохо поставлен? – удивился Пипер, никогда не опускавшийся в такие низины жизни.

– Они ведут дела по старинке, а если и возьмут «Поиски» – что еще толком неизвестно, – то сумеют ли продвинуть? Вот в чем вопрос.

– Но вы же сказали – они согласны? – неуверенно возразил Пипер.

– Да, они сделали предложение, хорошее предложение, но примем ли мы его? – сказал Френсик. – Это и стоит обсудить.

– Да, – согласился Пипер. – Да, стоит.

– Как насчет рынка в Штатах? – обратился к Соне Френсик.

– Если уж продавать американцам, – покачала головой Соня, – то не от Коркадилов. От кого-нибудь пошустрее, кто сумеет хотя бы рекомендовать книгу.

– Вот и я думаю, – сказал Френсик. – Престиж – да, он есть у Коркадилов, но подать книгу как надо – этого они не сумеют.

– Но... – заявил вконец растерянный Пипер.

– Разрекламировать в Штатах первый роман – не пустячное дело, – сказала Соня. – Да еще и автор – англичанин: нужен он им, как...

– Как рыбе зонтик, – перехватил Френсик, не любивший пятиногих собак.

– Я как раз об этом, – сказала Соня. – А они, Коркадилы, не желают

этого понимать.

– Не желают? – вопросительным эхом откликнулся Пипер. Френсик пошел за напитками. Вернувшись, он услышал, что Соня начала маневр.

– В Штатах английский автор так просто не пройдет. Разве что автор боевика. Еще лучше – исторического романа. Если бы «Поиски» были про похождения времен регентства или – это уж самое лучшее – про Марию Стюарт, тогда бы никакой проблемы. Такое им только подавай, а «Поиски» с их глубинами...

– Погоди-ка, а вот «Девства ради помедлите о мужчины»? – прервал Френсик. – Перед этой книгой Америка не устоит.

– Никак не устоит, – признала Соня. – Вот если только автор не сможет поехать...

И оба погрузились в угрюмое молчание.

– Почему он не сможет поехать? – спросил Пипер.

– Нездоров, – сказала Соня.

– Робкий, замкнутый, – подхватил Френсик. – Недаром ведь укрылся за *nom de plume*.^[11]

– За *nom de plume*? – переспросил Пипер, пораженный тем, что какой-то автор не хочет видеть своего имени на обложке книги.

– Да, это очень печально, – сказала Соня. – Вот он не поедет – и два миллиона долларов пойдут псу под хвост.

– Два миллиона долларов? – повторил Пипер.

– И все потому, что у него остеохондроз, а американский издатель все равно требует рекламного турне.

– Какой ужас, – сказал Пипер, а Френсик и Соня кивнули еще угрюмее.

– Вдобавок у него ведь жена и шестеро детей, – заметила Соня. Френсик вздрогнул. Жена и шестеро детей возникли помимо сценария.

– Какой ужас, – сказал Пипер.

– Остеохондроз в последней стадии, – продолжил Френсик, – значит, новой книги уже не будет. – Это возникло тоже помимо сценария. Но Соня была тут как тут.

– Ему бы эти два миллиона – может быть, хватило бы на этот, знаешь, новый курс лечения...

Френсик поспешил за другой порцией напитков. Есть риск перестараться.

– Послать бы кого-нибудь вместо него, – сказала Соня, искательно и сурово заглядывая в глаза Пиперу. – Ведь у него *nom de plume*, американский издатель его в глаза не знает... – Она многозначительно

прервалась: авось дойдет.

– А почему нельзя сказать всю правду американскому издателю? – спросил Пипер.

Вмешался Френсик, вернувшийся с двумя одинарными и одной тройной порцией джина.

– Потому что Хатчмейер такой сукин сын, что сразу воспользуется несчастьем и сбавит цену, – сказал он.

– Кто такой Хатчмейер? – любопытно спросил Пипер.

– Это уж ты ему объясни, – сказал Френсик Соне.

– Да как сказать – крупнейший американский издатель. Он продает больше, чем все лондонские издательства, вместе взятые, а уж если покупает, то покупает с потрохами.

– А если нет, то дело плохо, – прибавил Френсик.

– Вот удастся уломать Хатчмейера, чтобы взял «Поиски», – разъяснила Соня, – и конец всем вашим трудностям. Пишите себе спокойно – деньги будут, книги пойдут.

Пипер представил такую лучезарную перспективу и отхлебнул тройного джина. Сколько уж лет он ждал этого самого: увидеть наконец «Поиски» в печати, и вот если Хатчмейер согласится... о, блаженство! В его отуманенном мозгу забрезжило встречное понимание. Соня это заметила и поспешила помочь.

– Если бы, конечно, как-нибудь свести вас с Хатчмейером, – сказала она. – Положим, он думает, что вы написали «Девство».

Пипер уже воспринимал.

– И взял бы «Поиски», – сказал он, слабея под тяжестью немедленных сомнений. – А сам автор этой книги – он не против?

– Против? – сказал Френсик. – Милый человек, вы ему одолжение сделаете. Другой книги он не напишет, а если Хатчмейер откажется...

– Вам только и нужно поехать вместо него в турне, – сказала Соня. – Не более того.

Френсик шлепнул карту покрупнее.

– Заплачено вам будет двадцать пять тысяч долларов плюс проездные расходы.

– А реклама какая! – сказала Соня. – Да заодно и отдохнете.

Пипер был совершенно согласен. Да заодно и отдохнет.

– А это никак не противозаконно? Поехать и притворяться, что написал чужую книгу? – спросил он.

– Разумеется, с позволения подлинного автора: с письменного позволения. Нет, ничего противозаконного. Хатчмейеру знать об этом

необязательно – но куда же ему читать все купленные книги: он бизнесмен! Ему надо, чтоб автор был тут как тут, подписывал книги и показывался публике. И второй роман он закупает на корню.

– Но вы же говорили, что автор второго романа не напишет? – недоуменно спросил Пипер.

– Вот именно, – парировал Френсик, – значит, вторая книга того же автора и будет «Поисками утраченного детства».

– Попадете в обойму, – сказала Соня. – Вы заодно с Хатчмейером – это стопроцентный успех.

Они свернули за угол в итальянский рестораник и продолжили беседу. Пипера все-таки что-то смущало.

– Но если Коркадилы берут «Поиски», значит, все затрудняется? Они же знают автора той, другой книги.

– Нет-нет, в лицо не знают, – заверил Френсик. – Видите ли, все дела он ведет через нас и в Лондон явиться не может, так что это останется между нами троими. Никто другой не узнает.

Пипер с ухмылкой опустил взгляд на спагетти. Как все просто и ясно. Вот оно, признание, рукой подать. Он посмотрел Соне прямо в лицо.

– Ну что ж. В любви и на войне все средства хороши, – сказал он, и Соня улыбнулась ему, поднимая бокал.

– Выпьем за это, – сказала она.

– За новоявленного писателя, – сказал Френсик. Они выпили. К ночи, на квартире у Френсика, Пипер подписал два договора. Первым из них «Поиски утраченного детства» предоставлялись Коркадилам за аванс в тысячу фунтов. Вторым выражал согласие Питера Пипера, автора романа «Девства ради помедлите о мужчины», на рекламное турне по Соединенным Штатам.

– С одним условием, – сказал виновник торжества, когда Френсик откупоривал по этому случаю бутылку шампанского.

– С каким? – спросил Френсик.

– Что мисс Футл поедет со мною, – сказал Пипер. Пробке; выстрелила в потолок. Соня, разлегшаяся на тахте, весело рассмеялась.

– Я «за», – сказала она.

Френсик был тоже «за». Вскоре он переволок осоловело Пипера в другую комнату и уложил его на постель. Во сне Пипер блаженно улыбался.

Глава 5

Проснувшись наутро, Пипер лежал и млеял в тихом ликовании. Его публикуют. Он едет в Америку. Он влюблен. Все его мечтания сбылись разом, как по волшебству. И совесть Пипера не грызла. Он встал, пошел в ванную и одобрительно поглядел на свое отражение: в нем явно проступали черты, прежде незаметные. Что он был обязан своим нечаянным счастьем чужому остеохондрозу – это он уже перешагнул. Гений его заслужил награду и вот получил ее. Долгие годы разочарований несколько притупили принципы, вдохновлявшие его ненапечатанные романы. К тому же недавно ему подвернулась автобиография Бенвенуто Челлини. «Каждый в долгу перед своим талантом», – сказал Пипер, бреясь, затуманенному отражению, мысленно добавив, что упускать удачу – значит пренебрегать фортуной. Да, и ведь еще Соня Футл!

Пипер был столь предан своему таланту, что на чувства к живым людям у него времени почти не оставалось, а какое было – тратилось на увивание от хищных незамужних хозяек пансионатов и на смутное обожание их молоденьких постоялиц. И все девушки, которые ему попадались, со второго слова обнаруживали полное безразличие к литературе. Пипер берег себя для великой любви, такой же, какая обуревала персонажей читанных им великих романов: для общения облагороженных умов. И Соня Футл, чувствовал он, была та самая женщина, которая его поистине оценила и с которой он мог установить подлинные отношения. Последние сомнения насчет поездки в Америку чьим-то дублером отпадали, раз Соня едет с ним. Пипер добрился, пошел на кухню и прочел записку от Френсика: он, мол, ушел в контору, а Пипер чтобы устраивался как дома. Пипер стал устраиваться как дома. Он позавтракал и понес свой дневник с бутылкой полуиспарившихся чернил в кабинет Френсика, где, за широким письменным столом, принялся выписывать лучезарный образ Сони Футл.

* * *

В отличие от Пипера, Френсик был настроен вовсе не лучезарно.
– Того и гляди, лопнет все это дело, – сказал он прибывшей Соне. – Ну, напоили мы бедолагу, ну, подписал он договор, а вот теперь возьмет да

откажется, что тогда?

– Я ему откажусь, – сказала Соня. – Он у нас нынче получит аванс за поездку, а ты веди его к Коркадилам, кончай с договором на «Поиски». Пришьем намертво.

– Таковую бы речь да в уста Хатчмейеру, – сказал Френсик. – Ишь ты, пришьем, говоришь, намертво. Опорное слово – намертво. М-да, а у меня, видишь ли, сомнения.

– Да ведь для него же стараемся, – сказала Соня, – Единственный способ протолкнуть «Поиски» в печать: ты что, знаешь другой? Френсик кивнул в знак согласия: не знает.

– У Джеффри будет припадок, когда он увидит, что ему всучили. «Волшебную гору» в Ист-Финчли – это же глаза на лоб полезут! Почитала бы ты Пипера под Конрада в том же самом Ист-Финчли, поняла бы, чем торгуешь.

– Я подожду рецензий, – сказала Соня. – Пока что мы худо-бедно отхватили четверть миллиона, фунтов, Френзи, не каких-нибудь вшивых долларов. Ты об этом подумай.

– Я об этом и думаю, – сказал френсик. – А ты, наоборот, прикинь, что будет, если дело сорвется. Мы ведь в безработные попадем.

– Ничего не сорвется. Я тут звонила Элеоноре Бизли, заведующей телепрограммой «Книги, которые вы прочтете». С нею у нас расчеты особые. Так вот она согласилась втиснуть Пипера на будущей неделе...

– Нет, – сказал Френсик. – Этого не будет. Не дам я тебе Пипера никуда втискивать.

– Слушай, лапочка, – сказала Соня, – давай ковать железо, пока горячо. Заявит Пипер на всю Англию, что он автор «Девства» – и вляпался обеими ногами.

Френсик бросил на нее осуждающий взгляд.

– Вляпался обеими ногами? Чудесно. Ай да мы, не хуже мафии. И пожалуйста, не зови меня «лапочкой». Как угодно, только не «лапочкой». А насчет заявлений на всю Англию – как, по-твоему, это очень понравится Кэдволладаину и его безымянному клиенту?

– Кэдволладайн в принципе согласился на дублера, – сказала Соня. – Какие у него могут быть претензии?

– Есть, знаешь ли, разница между «в принципе» и «на деле», – заметил Френсик. – Он всего-то навсего обещал снести по этому поводу с клиентом.

– Ну и что же?

– Пока ничего, – сказал Френсик, – и я даже как-то надеюсь, что тот

запретит. По крайней мере хоть перестану разрываться между совестью и корыстью.

Но не суждено ему было перестать разрываться. Через полчаса пришла телеграмма:

КЛИЕНТ СОГЛАСЕН ЗАМЕЩЕНИЕ ТЧК
АНОНИМНОСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО
КЭДВОЛЛАДАЙН.

– Теперь что хотим, то и делаем, – сказала Соня. – Пойду соглашусь за Пипера выступить в среду и попробую устроить очерк о нем в «Гардиан». А ты давай к Джефри, чтоб сегодня обстряпать договор на «Поиски».

– Не так-то это просто, – сказал Френсик. – Джефри ведь думает, что Пипер написал «Девство», а Пипер «Девства» не только не писал, но даже и не читал...

– Вот и поведи его обедать, поднакачай, а там уж...

– Слушай, – сказал Френсик, – ты, может, это – займешься киднэппингом? У тебя получится.

* * *

Между тем Пипера вовсе не нужно было накачивать. Он пребывал в блаженном состоянии духа, обосновался у Сони в кабинете и многозначительно поглядывал на нее, пока она звонила туда-сюда, предлагая ежедневным газетам интервью с автором проданного за неслыханную цену романа «Девства ради помедлите о мужчины». По соседству Френсик занимался обычными делами. Он позвонил Джефри Коркадилу, договорился, что Пипер подъедет во второй половине дня, рассеянно выслушал скулеж двух авторов, бившихся над сюжетом, постарался их убедить, что все образуется, и отмахивался от своей интуиции, которая подсказывала ему, что с Пипером фирма «Френсик и Футл» зарвалась. Наконец, когда Пипер пошел в уборную, Френсик перехватил Соню.

– Чего это? – по-заокеански лаконично спросил он, выдавая тем самым свое смятение.

– «Гардиан» согласилась взять у него интервью завтра, а из «Телеграфа» говорят...

– Я про Пипера. Чего это он ухмыляется и глаза пучит?

Соня улыбнулась.

– А тебе в голову не приходило, что он, может быть, ко мне равнодушен?

– Нет, – сказал Френсик. – Что другое, а это, упаси бог, не приходило.

– Тогда исчезни, – сказала Соня, перестав улыбаться. Френсик исчез и поразмыслил над этой неожиданной и ошеломительной новостью. Он привык твердо полагать, что для нормальных мужчин Соня интереса не представляет, равнодушен к ней один Хатчмейер, а Хатчмейер разбирался в книгах и женщинах, как свинья в апельсинах. Если Пипер в нее скоропалительно влюбился, то это совсем запутывало ситуацию, и без того, на взгляд Френсика, достаточно запутанную. Он сел за стол, соображая, что ему сулит влюбленность Пипера.

– Зато теперь мое дело сторона, – проворчал он и снова сунул нос в соседний кабинет. Но Пипер был уже там и глядел на Соню обожающим взглядом. Френсик вернулся к себе и позвонил ей. – Попался голубок, – сказал он. – Корми его с рук, ставь корытце и укладывай, если угодно, к себе в постельку. Человек одурел.

– Хочешь – ревнуй, не хочешь – не ревнуй, – отозвалась Соня, улыбаясь при этом Пиперу.

– Просто умываю руки, – возразил Френсик. – Не желаю участвовать в растлении невинности.

– Претит? – поддразнила Соня.

– Чрезвычайно, – ответил Френсик и положил трубку.

– Кто это звонил? – спросил Пипер.

– Так, один редактор издательства «Хейнеманн». У него ко мне слабость.

– Хм, – буркнул Пипер.

И пока Френсик обедал у себя в клубе, что бывало лишь, когда ущемляли его личность, тщеславие или остаток мужского достоинства, Соня потащила одурелого Пипера в «Уилерз» и пичкала его мартини, рейнским, лососиной и своим объемистым обаянием. За обедом он успел на разные лады сообщить ей, что она – первая женщина в его жизни, чья неотразимая физическая привлекательность равна духовной, женщина, созданная для него и к тому же сознающая истинную природу творческого акта. Соня отнюдь не привыкла к таким пылким изъяснениям. Дотоле редкие попытки соблазнить ее были немногословны и обычно ограничивались вопросом, даст она или не даст, так что методика Пипера, почти целиком заимствованная у Ганса Касторпа из «Волшебной горы» и

для пущей живости одобренная Лоуренсом, показалась ей обворожительной. Есть в нем что-то старомодное, решила она, и так это мило, так непривычно. К тому же Пипер, изнуренный писательскими трудами, был все же представителен и не лишен угловатого шарма, а Соне с ее комплекцией угловатый шарм требовался в самом неограниченном количестве. Словом, такси до Коркадилов ловила вконец раскрасневшаяся и разомлевшая Соня.

– Только язык там не слишком распускай, – предупредила она, когда машина колесила по лондонским улицам. – Джеффри Коркадил – важная шишка, он привык сам разговаривать. Верно, он закидает комплиментами «Девства ради помедлите о мужчины», а ты знай себе кивай.

Пипер кивнул. В обновленном, радостном мире все было возможно и все позволено. Ему же, как признанному автору, кстати и подобала скромность. У Коркадилов он показал себя с наилучшей стороны. Вдохновившись видом чернильницы Троллопа под стеклом, он пустился описывать свою писательскую технологию, особо подчеркнул значение полуиспарившихся чернил, обменялся договорами на «Поиски» и ответил на похвалы «Девству», которое Джеффри назвал первоклассным романом, очень уместной иронической улыбкой.

– Поразительно, как только он ухитрился написать эту похабную книжонку, – прошептал Джеффри Соне на прощанье. – Я, знаете, ожидал увидеть какого-нибудь патлатого хиппи, а тут – милочка, да он же прямиком с Ноева ковчега!

– Не надо судить по наружности, – заметила Соня. – Дивная будет реклама для «Девства»! Я ему устроила выступление в программе «Книги, которые вы прочтете».

– Ой, какая вы умничка, – сказал Джеффри. – А как американская сделка – это уже точно?

– Точнее некуда, – завершила Соня.

Они опять взяли такси и поехали на Ланьярд-Лейн.

– Бесподобно, – сказала она Пиперу. – Давай и впредь говори про ручки и чернила, рассказывай, как пишешь свои книги, и помалкивай об их содержании – тогда все будет в лучшем виде.

– О содержании, по-моему, и речи не было, – отозвался Пипер. – Я думал, что разговор пойдет совсем иначе, что мы больше коснемся литературы.

Он высадился на Чаринг-Кросс-Роуд и остаток дня листал книги в магазине «Фойлз», а Соня вернулась в контору – доложить Френсику.

– Как по маслу, – сказала она. – Джеффри он оставил в дураках.

– Ничего удивительного, – проворчал Френсик. – Дурацкое дело нехитрое. А вот погоди, как начнет его допрашивать Элеонора Бизли про изображение сексуального «я» восьмидесятилетней женщины... тогда все и ухнет.

– Она не начнет. Я сказала ей, что он избегает разговоров о завершенных вещах: пусть, мол, выпрашивает биографию и как он работает. А про перья и чернила у него выходит очень убедительно. Ты, кстати, знал, что он употребляет полуиспарившиеся чернила и гроссбухи в кожаных переплетах? Правда, странно?

– Скорее странно, что он не пишет гусиными перьями, – сказал Френсик. – Одно бы уж к одному.

– Вот-вот. Завтра утром – интервью Джиму Флосси для «Гардиан»; а «Телеграф» хочет дать очерк о нем в цветном приложении к вечернему выпуску. Я тебе говорю – телега покатила.

Вечером, по пути к себе на квартиру, Френсик мог воочию убедиться, что телега и в самом деле покатила. Газетные киоски оповещали: СДЕЛКА ВЕКА: ДВА МИЛЛИОНА БРИТАНСКОМУ РОМАНИСТУ.

– Какие сети мы сплетаем, когда обманывать решаем, – вздохнул Френсик и купил газету. Рядом с ним Пипер любовно поглаживал новоприобретенное увесистое издание «Доктора Фаустуса» в зеленой обложке и соображал, как использовать манновский симфонизм в своем третьем романе.

Глава 6

На следующее утро телега разогналась не на шутку. Навидавшись Сони во сне, готовый к дальнейшим испытаниям, Пипер явился в контору обсуждать свою жизнь, литературные мнения и творческие установки с Джимом Флосси из «Гардиан». Френсик и Соня были начеку, опасаясь какого-нибудь срыва, но опасались они напрасно. Может, романы Пипера и оставляли желать лучшего, но как мнимый романист он был на высоте. Он поговорил о Литературе вообще, язвительно упомянул двух-трех нынешних корифеев, но большей частью превозносил полуиспарившиеся чернила и обличал вечные перья, препятствующие литературному творчеству.

– Мое писательское кредо – мастеровитость, – объявил он, – я верю в умения былых времен, в ясность и отчетливость письма.

Он рассказал, как Пальмерстон требовал от служащих по международной части прежде всего хорошего почерка, и заклеил презрением шариковые авторучки. Его пристрастие к каллиграфии так подавляло, что мистер Флосси скоренько закруглился, на удивление себе ни словом не обмолвившись о книге – виновнице интервью.

– Да, таких авторов мне пока что встречать не доводилось, – признался он провожавшей его Соне. – Насчет киплингвской-то бумаги, бог ты мой, а?

– Чего же вы хотите от гения? – спросила в ответ Соня. – Чтоб он рекламировал свой собственный блистательный роман?

– А что, этот гений в самом деле написал блистательный роман?

– Купленный за два миллиона долларов. Вот как нынче ценятся откровения.

– Да еще невесть чьи, – сказал мистер Флосси, нечаянно угодив в самую точку.

Даже Френсик, предвидевший неминуемую катастрофу, несколько успокоился.

– Если он дальше так будет держаться, то мы, пожалуй, выйдем сухими из воды, – сказал он.

– Пройдем яко по суху, – подхватила Соня. После обеда поехали в Гринвич-Парк: Пипер мимоходом обронил, что некогда проживал близ места взрыва в «Тайном агенте» Конрада, и фотограф из «Дейли телеграф» хотел непременно заснять его, так сказать, на месте происшествия.

– Это будет драматичнее, – сказал он, явно полагая, будто взрыв

произошел в действительности. Они сели на речной трамвай у моста Чаринг-Кросс, и Пипер сообщил очередному интервьюеру, мисс Памеле Теннистон, что Конрад очень сильно повлиял на него. Мисс Теннистон занесла этот факт к себе в блокнотик. Пипер сказал, что Диккенс на него тоже повлиял. Мисс Теннистон и это записала. По пути от Лондона до Гринвича она исписала влияниями весь блокнот; собственно же о творчестве Пипера было едва упомянуто.

– Насколько мне известно, роман «Девства ради помедлите о мужчины» представляет собой историю любви семнадцатилетнего юноши... – начала было она, но Соня тут же вмешалась.

– Мистер Пипер не намерен обсуждать содержание романа, отрезала она. – Мы его держим в некотором секрете.

– Но он же может сказать...

– Скажем просто, что это книга первостепенной важности, открывающая новые перспективы преодоления возрастных барьеров, – предложила Соня и увлекла Пипера фотографироваться – почему-то на борту «Катти Сарка» у Музея мореходства и возле Обсерватории. Мисс Теннистон уныло плелась за ними.

– На обратном пути только про чернила и гроссбухи, – шепнула Соня Пиперу, и тот внял ее совету. В конце концов мисс Теннистон вернулась к себе в редакцию и сочинила очерк с корабельно-мореходным оттенком, а Соня тем временем отконвоировала поднадзорного в свою контору.

– Превосходно, – сказала она.

– Да, но не лучше ли мне все-таки прочесть книгу, раз уж я будто бы ее написал? Ведь я даже не знаю, о чем она.

– Прочтешь на пароходе, по пути в Штаты.

– На пароходе? – удивился Пипер.

– Плыть куда приятнее, чем лететь, – сказала Соня. – И Хатчмейер готовит тебе в Нью-Йорке гала-прием, а в гавани легче собрать толпы. Ладно, с интервью покончено, а телепрограмма в будущую среду. Поезжайка ты в свой Эксфорт, соберись в дорогу. Возвращайся к вечеру во вторник, я тебя проинструктирую накануне выступления. Отплываем в четверг из Саутгемптона.

– Ты изумительная, – пылко сказал Пипер. – Ты сама не понимаешь, какая ты.

Он успел на вечерний эксфортский поезд. Соня засиделась в конторе: она сладко грустила. Ей еще никогда не говорили, что она изумительная.

* * *

Френсик на следующее утро ей тоже этого не сказал. Он ворвался в белой ярости, размахивая свежим номером «Гардиан».

– Ты, кажется, уверяла, что разговор без меня шел только о чернилах и перьях! – заорал он на изумленную Соню.

– Ну да. И он вел себя просто ангелом.

– Тогда будь добра, объясни мне, откуда взялось вот это про Грэма Грина! – вопил Френсик, тыча ей под нос статью. – Да-да, именно здесь: второсортный писака. Грэм Грин – второсортный писака! Все слышали? Да он у тебя полоумный!

Соня прочла статью и нехотя признала, что это, пожалуй, слишком.

– Зато неплохая реклама, – добавила она. – Такие высказывания сделают ему имя у читателя.

– Скорее составят материал для судебного процесса, – огрызнулся Френсик. – Ты почитай, почитай вот про «Подругу французского лейтенанта»... Да Пипер в жизни слова не написал, достойного публикации, а тут он, извольте видеть, мигом раздраконил с полдюжины первейших романистов! Слушай, что он говорит про Во, цитирую: «... крайне примитивное воображение и низкопробный стиль». Да было б ему известно, что Ивлин Во-один из лучших стилистов нашего времени! Или «примитивное воображение» – сам-то он, идиот собачий, хоть бы что-нибудь мог вообразить! Нет, скажу я тебе, по сравнению с разгулявшимся Пипером ящик Пандоры – это просто зефиры и амуры!

– Он имеет право на свои мнения, – упрямо сказала Соня.

– На такие мнения никто права не имеет, – отрезал Френсик. – Одному богу известно, что скажет клиент Кэдволладайна, когда прочтет приписанные ему изречения, и вряд ли Джеффри Коркадилу будет приятно узнать, что он публикует автора, для которого Грэм Грин – второсортный писака!

Он удалился к себе и мрачно размышлял о том, откуда и что громыхнет теперь. Чутье безобразно подводило его.

Гром грянул незамедлительно, однако с самой неожиданной стороны. Громыхнул сам Пипер. Он вернулся в эксфортский пансион Гленигл, переполненный любовью к Соне, к жизни, к своей новообретенной репутации романиста и предчувствиями будущего счастья, – вернулся и нашел на почтовом столике бандероль. В ней была верстка «Девства ради помедлите о мужчины» и письмо от Джеффри Коркадила с нижайшей

просьбой не задерживать ее. Пипер поднялся с бандеролью к себе и сел за чтение. Это было в девять вечера. К полуночи он дочитал до половины широко раскрытыми глазами. В два он кончил читать роман и начал писать письмо Джеффри Коркадилу, где постарался недвусмысленно выразить свое отношение к «Девству» как роману, как порнографии и как надругательству над человеческим достоинством и интимными переживаниями. Письмо получилось длинное. В шесть утра он опустил его в почтовый ящик и лишь после этого улегся в постель, измученный многочасовым омерзением и терзаемый совсем иными, прямо противоположными вечерним, чувствами к мисс Футл. Прележав без сна несколько часов, он наконец задремал, очнулся после полудня и неверным шагом побрел гулять по берегу – а может быть, и покончить с собой. Женщина, которую он любил и которой доверял, провела, оплела, обманула его. Хитрыми уловками она вынудила его принять на себя авторство гнусной, тошнотворной, порнографической... нет, слов тут не хватало. Никогда он ей этого не простит. Примерно час он тусклым взором созерцал океанскую гладь; потом вернулся в пансион полон решимости и сочинил немногословную телеграмму-оповещение, что он не намерен далее участвовать в комедии и не желает более никогда в жизни видеть мисс Футл. Отправив ее, он поведал дневнику самые свои черные мысли, поужинал и лег спать.

Утром гроза разразилась над Лондоном. Френсик благодумствовал. Пипер убрался из его квартиры, и тем самым отпала необходимость разыгрывать гостеприимство перед типом, чья речь состояла из требований относиться к литературе серьезно и перечисления женских достоинств Сони Футл. И требования и перечисления были Френсику очень не по вкусу, а когда Пипер стал читать за завтраком вслух пассажи из «Доктора Фауста», Френсик убежал из собственного дома даже раньше обычного. Теперь Пипер был в Эксфорте, утро прошло без истязаний; но в конторе его ждали иные ужасы, Бледная как смерть Соня чуть не в слезах комкала какую-то телеграмму, и только он было собрался спросить ее, в чем дело, как зазвонил телефон. Френсик снял трубку: Джеффри Коркадил.

– Вероятно, это у вас такая манера шутить? – грозно любопытствовал он.

– То есть какая? – спросил Френсик, думая о статье в «Гардиан» насчет Грэма Грина.

– Да письмо же! – заорал Джеффри.

– Какое письмо?

– Да от Пипера! Вероятно, это очень смешно, что он поливает грязью собственную книжонку?!

– Что там такое с его книгой? – заорал Френсик в свой черед.
– Как, то есть, «что там такое»? Прекрасно вы знаете, о чем я!
– Понятия не имею! – крикнул Френсик.
– Он тут пишет, что это мерзейшая писанина, которую ему выпало несчастье читать...

– Вот дерьмо, – сказал Френсик, лихорадочно соображая, где же это Пипер раздобыл экземпляр «Девства».

– И про это есть, – сказал Джеффри. – Где же там у него? Ага, вот: «Если вы хоть на миг предполагаете, что я готов по коммерческим мотивам проституировать свой пока что неведомый, но, полагаю, отнюдь не ничтожный талант, приняв самую отдаленную, как бы вчуже, ответственность за то, что по моему и всякому нормальному разумению можно определить лишь как порнографические извращения словесных экскрементов...» Вот оно! Я же помнил, что где-то будет про дерьмо. Ну, и что скажете?

Френсик ядовито поглядел на Соню и подумал, что бы ему такое сказать.

– Н-не знаю, – проямлил он, – в самом деле странно. Откуда он взял эту чертову книгу?

– Как, то есть, «откуда он взял»? – возопил Джеффри. – Он же ее написал, нет, что ли?

– Видимо, да, – сказал Френсик, соображая, не безопасней ли заявить, что он не знает, кто ее написал, а Пипер – мошенник. Не слишком безопасная, впрочем, позиция.

– Что значит «видимо, да»? Я послал ему верстку собственной его книги и получил в ответ дикое письмо. Можно подумать, что он впервые читает эту гадость. Он у вас сумасшедший или как?

– Да, – согласился Френсик, приняв это предположение как ниспосланное с небес, – да, напряжение последних недель... нервозность и все прочее. Очень, знаете ли, перенапряжен. С ним бывает.

Ярость Джеффри Коркадила немного улеглась.

– Не то чтобы я особенно удивился, – признал он. – Если уж кто спит с восьмидесятилетней старухой, он, конечно, должен быть слегка не в себе. Ну, и что мне теперь делать с версткой?

– Пришлите ее мне, я с ним разберусь, – сказал Френсик. – И на будущее: не адресуйте вы к Пиперу без меня, ладно? Я, кажется, его понимаю.

– Рад, что хоть кто-то его понимает, – сказал Джеффри. – Лично я больше таких писем получать не хочу.

Френсик положил трубку и обернулся к Соне.

– Ну, – закричал он, – ну, я так и знал! Так и знал, что это случится! Слышала, что он сказал? Соня печально кивнула.

– Это наша ошибка, – сказала она. – Нужно было предупредить, чтобы верстку прислали нам.

– Черт с ней, с версткой, – скрипнул зубами Френсик, – ошиблись мы раньше, когда вообще связались с Пипером. Ну что нам дался Пипер? На свете сколько угодно нормальных, небрезгливых, по-хорошему озабоченных деньгами авторов, готовых подписаться под любой дребеденью, а ты подсунула мне своего Пипера.

– Уж поздно разговаривать, – сказала Соня, – ты лучше посмотри, какая от него телеграмма.

Френсик посмотрел и рухнул в кресло.

– «Неизбывно твой Пипер»? В телеграмме? Никогда бы не поверил... Ну, что ж, по крайней мере конец нашим скорбям, хотя один дьявол знает, как мы объясним Джеффри, что с Хатчмейером все пошло насмарку...

– Не пошло, – сказала Соня.

– Но Пипер же пишет...

– Плевать, что он пишет. Я его хоть на себе повезу в Штаты. Он получил хорошие деньги, мы запродали его паршивую книжонку, и он обязан ехать. Поздно уже расторгать договоры. Еду в Эксфорт, разберусь на месте.

– Послушайся ты меня, оставь его в покое, – сказал Френсик. – С этим молодым гением... – Но тут зазвонил телефон, и когда через десять минут он дообсудил с мисс Голд новую концовку «Рокового рывка», Сони и в помине не было. – «В аду нет фурии такой»... – пробурчал он и пошел к себе в кабинет.

* * *

Время было послеобеденное, и Пипер прогуливался по набережной, квелый, как запоздавшая перелетная птица, которую подвели ее биологические часы. Летом он обычно переселялся в глубь страны, в места подешевле; но уж очень по душе ему был Эксфорт, маленький курорт, сохранявший эдвардианское, слегка чопорное обличье и как бы объединивший Ист-Финчли с Давосом. Он чувствовал, что Томасу Манну понравился бы Эксфорт: ботанические садики, поле для гольфа, пирс и

мозаичные туалеты, эстрада и пансионатские домики, обращенные на юг, к Франции. В маленьком парке, отделявшем Гленигльский пансион от набережной, росло даже несколько пальм. Пипер прошел под их сенью, поднялся по ступеням и как раз поспел к чаю.

Но вместо чая в холле ожидала его Соня Футл. Она, не переводя дыхания, примчалась из Лондона, дорогой отработала тактику, а короткая стычка с миссис Окли насчет кофе для приезжих еще укрепила Сонину боеготовность. Ведь Пипер отверг в ее лице не только литературного агента, но и женщину, а в этом смысле с нею шутки были плохи.

– Нет, уж ты меня выслушаешь, – заявила она столь громко, что невольными слушателями стали все обитатели пансионата. – Не так все просто, как тебе кажется. Ты взял деньги и теперь...

– Ради бога, – опешил Пипер, – не кричи так. Что люди подумают?

Вопрос был дурацкий. Люди глядели на них во все глаза и явно думали одно и то же, простое и очевидное.

– Подумают, что ты не стоишь женского доверия, – еще громче возгласила Соня, используя момент, – что ты не хозяин своему слову, что ты...

Но Пипер обратился в бегство. Рыдающая Соня не отставала от него ни на ступенях, ни на улице.

– Ты подло обманул меня. Ты воспользовался моей неопытностью, ты внушил мне...

Пипер наобум свернул в парк и там, под пальмами, попробовал перейти в наступление.

– Это я тебя обманул? – возмутился он. – Ты сказала мне, что книга...

– Ничего подобного. Я сказала, что это бестселлер. Я не говорила, что она хорошая.

– Хорошая? Отвратительная! Чистейшей воды порнография! Она подрывает...

– Порнография? Ты шутишь, наверное. Или не читал никого после Хемингуэя, если думаешь, что всякое описание сексуальной жизни – порнография.

– Нет, – запротестовал Пипер, – нет, но я думаю, что такое описание подрывает самые устои английской литературы...

– Не рядись в высокие слова. Ты просто сыграл на том, что Френзи верит в твой талант. Битых десять лет он впустую пытался пробить тебя в печать, и теперь, когда нам чудом это удалось, ты изволишь артачиться.

– Не артачиться. Я не знал, что за ужас эта книга. Я обязан беречь свою репутацию, и если мое имя будет стоять на обложке...

– Твою репутацию? А как с нашей репутацией? – горько спросила Соня. Они чуть не смяли автобусную очередь, но в последний момент исхитрились обойти ее с фланга. – Ты подумал, что ты с нею делаешь?

Пипер покачал головой.

– Ладно, бог с нами, речь о тебе. Какую такую репутацию?

– Писательскую, – сказал Пипер.

– Кто из них слышал о тебе? – воззвала Соня к автобусной очереди.

По-видимому, никто не слышал. Пипер кинулся к берегу боковой аллежкой.

– Больше того – никто и не услышит! – кричала ему вслед Соня. – Ты думаешь, Коркадилы станут теперь публиковать твои «Поиски»? Разуверься. Они затаскают тебя по судам, оберут до гроша и занесут в черный список.

– Меня – в черный список? – не понял Пипер.

– Да, тебя – в черный список авторов, отрезанных от печати.

– На Коркадилах свет все же клином не сошелся, – возразил Пипер, чрезвычайно растерянный.

– Если ты угодил в черный список, тебя никто не станет печатать, – немедленно нашлась Соня. – Ты после этого конченный писатель, *finito*.

Пипер поглядел на морскую рябь и подумал, каково быть конченным писателем, *finito*. Довольно ужасно.

– И ты в самом деле думаешь... – начал он, но Соня уже сменила пластинку.

– Ты говорил, что любишь меня, – прорыдала она, хлопнувшись на песок неподалеку от пожилой четы. – Ты сказал, что мы...

– О господи, – сказал Пипер. – Перестань же, пожалуйста. Ну, хоть не здесь.

Но Соня не перестала: и там, и во всех других местах она то выставляла напоказ сокровенные чувства, то угрожала Пиперу судебным преследованием за нарушение условий договора, то сулила ему славу гениального писателя, если договор будет соблюден. Наконец он начал поддаваться. Черный список огорошил его.

– Что ж, наверное, можно печататься потом под другим именем, – сказал он, стоя у края пирса. Но Соня покачала головой.

– Милый, какой ты наивный, – сказала она. – Неужели ты не понимаешь, что ты сразу виден во всех своих созданиях. Ты же не сможешь скрыть своей единственности, своей яркой оригинальности...

– Наверное, не смогу, – скромно признал Пипер, – это правда.

– Ну конечно, правда. Ты же не какой-нибудь писака, сочинитель по

шаблону. Ты – это ты: Питер Пипер. Френзи всегда говорил, что ты уникален.

– Да? – сказал Пипер.

– Он положил на тебя больше сил и времени, чем на любого другого нашего автора. Он верил в тебя, как ни в кого, – и вот наконец выпал твой случай, твоя возможность пробиться к славе...

– С помощью чьей-то чужой омерзительной книги, – заметил Пипер.

– Ну и пусть чужой, хуже, если б собственной. Вспомни «Святылище» Фолкнера. И изнасилование. Кукурузный початок.

– Ты хочешь сказать, что это написал не Фолкнер? – в ужасе спросил Пипер.

– Да нет, именно что он. Написал, чтобы его заметили, чтобы добиться признания. До «Святылища» его книги не раскупались, а после он стал знаменитостью. Тебе же сам бог послал чужое «Девство»: ты ничуть не отступаешь от своих творческих принципов.

– Под таким углом я об этом не думал, – признался Пипер.

– А потом, уже известным и великим романистом, ты напишешь автобиографию и разъяснишь все про «Девство», – продолжала Соня.

– Да, напишу, – сказал Пипер.

– Так едешь?

– Да. Да, еду.

– Ой, милый.

Они поцеловались на краю пирса, и осеребренная луной волна прибоя мягко всплеснула под их ногами.

Глава 7

Через два дня торжествующая, но изнуренная Соня переступила порог конторы и объявила, что Пипер разубежден и согласен.

– И ты привезла его с собой? – недоверчиво спросил Френсик. – Это после той телеграммы? Господи боже мой, да ты прямо околдовала этого беднягу: ни дать ни взять Цирцея с любимым боровом. Как это тебе удалось?

– Устроила сцену и отослала его к Фолкнеру, – лаконично объяснила Соня.

Френсик пришел в ужас.

– Только не к Фолкнеру. Он уже был прошлым летом. Даже Манна – и того легче примирить с Ист-Финчли. Я теперь всякий раз, как вижу пилон...

– Я ему говорила не про «Пилон»^[12], а про «Святылище».

– Ну, это еще куда ни шло, – вздохнул Френсик. – Хотя представить себе кончину миссис Пипер в мемфисском бардаке, перемещенном в Голдерс-Грин... Так он готов ехать в турне? Невероятно.

– Ты забываешь, что мое призвание – торговля, – сказала Соня. – Мне бы в Сахаре жарой торговать.

– Верю, верю. Да, после его письма Джеффри я уж думал, что дело наше пропащее. И он, значит, вполне примирился с авторством, по его выражению, наиотвратнейшей писанины, какую ему выпало несчастье читать?

– Он считает, что это – необходимый шаг на пути к признанию, – сказала Соня. – Я кое-как убедила его на время поступиться критическим чутьем, чтобы достичь...

– Какое у него к черту критическое чутье, – прервал Френсик, – не морочь мне голову. Только нянчиться я с ним больше не согласен.

– Поживет у меня, – сказала Соня, – и нечего ухмыляться. Я хочу, чтоб он был все время под рукой.

Френсик подавил ухмылку.

– Что же у вас теперь на очереди?

– Программа «Книги, которые вы прочтете». Будет проба перед телевыступлениями в Штатах.

– Пожалуйста, – согласился Френсик. – И уж во всяком случае это способ сделать его автором «Девства» – с помощью, что называется,

максимальной огласки. После этого куда он денется, вляпается, так сказать, обеими ногами.

– Френзи, милочка, – сказала Соня, – ты прирожденный паникер. Все пройдет как нельзя лучше.

– Твоими бы устами да мед пить, – сказал Френсик, – но я успокоюсь, когда вы отбудете в Штаты. А то налить-то нальешь, да мимо рта пронесешь и...

– Не пронесем, – самодовольно сказала Соня, – не тот случай. Пипер у нас пойдет на телевидение...

– Как агнец на заклание? – предложил Френсик.

Эта вполне уместная аналогия пришла в голову и самому Пиперу, которого уже начали мучить угрызения совести.

«Нет, Соню я несомненно люблю, – поведал он своему дневнику; теперь, у Сони на квартире, дневник служил ему средством самовыражения вместо „Поисков“. – Но вот вопрос: не жертвую ли я своей честью художника, что там Соня ни говори о Вийоне?»

К тому же и конец Вийона Пиперу не импонировал. Для самоуспокоения он снова перечел интервью с Фолкнером в сборнике «Писатели о своем труде». Взгляд мистера Фолкнера на творческую личность весьма и весьма обнадеживал. «Художник совершенно аморален, – читал Пипер, – в том смысле, что он берет, заимствует, клянчит и крадет у всякого и каждого, лишь бы завершить свой труд». Пипер изучил интервью с первого до последнего слова: наверное, зря он бросил свою миссисипскую версию поисков, перестраиваясь на «Волшебную гору». Френсик забраковал «Поиски» в Йокнапатофе под тем предлогом, что такая плотная проза как-то не годится для романа об отрочестве. Но ведь Френсик опутан денежными соображениями. Вообще-то Пипера очень удивила неколебимая вера Френсика в его талант. Он уж начал было подозревать, будто Френсик откупается от него ежегодными обедами; но Соня заверила его, что ничего подобного. Милая Соня. Сколько от нее радости. Пипер восторженно отметил этот факт в своем дневнике и включил телевизор. Пора было лепить образ, подходящий для телепрограммы «Книги, которые вы прочтете». Соня сказала, что образ – это очень важно, и Пипер, с его обычным навыком подражателя, решил уподобиться Герберту Гербисону^[13]. Когда Соня вечером явилась домой, он сидел за ее туалетным столиком и снисходительно цедил в зеркальце благозвучные и затертые фразы.

– Тебе нужно всего-навсего быть самим собой, – объяснила она ему. – Копировать кого-то нет ни малейшего смысла.

- Самим собой? – удивился Пипер.
- Ну да, держаться непринужденно. Как со мной.
- Ты думаешь, это будет правильно?
- Милый, это будет бесподобно. Я договорилась с Элеонорой Бизли, чтоб она из тебя жилы не тянула. Можешь рассказывать ей, как ты работаешь, про перья и прочее.
- Лишь бы она не стала меня спрашивать, почему я написал эту чертову книгу, – мрачно сказал Пипер.
- Ты их просто очаруешь, – уверенно сказала Соня. И продолжала настаивать, что все сойдет за милую душу через три дня, когда Пипера повели гримироваться для интервью.

* * *

На этот раз Соня ошиблась. Даже Джеффри Коркадил, чьи авторы редко писали «Книги, которые вы прочтете», так что он эту программу почти никогда не смотрел, – и тот заметил, что Пипер несколько не в себе. Он сообщил это Френсику, к которому был приглашен на случай, если понадобятся новые безотлагательные объяснения, кто же все-таки написал «Девства ради помедлите о мужчины».

– Да, пожалуй, что действительно не очень-то, – согласился Френсик, тоскливо глядя на телеэкран. И то сказать, сидел Пипер напротив Элеоноры Бизли под тающим заглавием передачи с видом умалишенного.

– Сегодня у нас в студии мистер Питер Пипер, – сказала мисс Бизли, адресуясь к телекамере, – чей первый роман «Девства ради помедлите о мужчины» вскоре выходит в издательстве Коркадилов, ценою 3 фунта 95 пенсов. Право его публикации было приобретено за неслыханную сумму в (микрофон, задетый ногою Пипера, сдобно хрюкнул)... американским издателем.

– Что ж, неслыханную – это тоже годится, – сказал Френсик. – Нам и такая реклама отнюдь не помешает.

Но мисс Бизли поспешила восполнить нечаянный пробел. Она обернулась к Пиперу.

– Два миллиона долларов – очень щедрая плата за первый роман, – сказала она. – Вы, надо полагать, были весьма поражены, оказавшись...

Пипер с грохотом скрестил ноги. На сей раз ему удалось не только пнуть микрофон, но заодно и опрокинуть стакан воды на столе.

– Прошу прощения, – выкрикнул он. Вода стекала по ноге мисс Бизли, а она продолжала выжидательно улыбаться. – Да, весьма поражен.

– Вы не ожидали такого потрясающего успеха?

– Нет, – сказал Пипер.

– Господи, да хоть бы он дергаться перестал, – сказал Джеффри. – Можно подумать, что у него пляска святого Витта.

Мисс Бизли ободряюще улыбнулась.

– А вы не хотели бы рассказать нам что-нибудь о том, как возник у вас замысел этой книги? – спросила она.

Пипер дико поглядел в глаза миллионам телезрителей.

– Я не... – начал он, но тут нога его судорожно дернулась и опять сшибла микрофон. Френсик закрыл глаза, а телевизор глухо зарокотал. Когда Френсик отважился снова посмотреть на экран, его заполняла настоящая улыбка мисс Бизли.

– «Девства ради» – очень необычная книга, – говорила она. – Это история чувства, рассказ о том, как молодой человек полюбил женщину гораздо старше его годами. Скажите, а вы долго размышляли над своим сюжетом? То есть давно ли эта тема захватила ваше воображение?

На экране снова крупным планом появился Пипер. Лоб его был усеян бисером пота, челюсти ходили ходуном.

– Да, – простонал он наконец.

– О боже, мне это зрелище просто не по силам, – сказал Джеффри. – Беднягу, кажется, сейчас хватит удар.

– И роман ваш, конечно, потребовал немалых трудов? – спрашивала далее мисс Бизли.

Пипер снова принялся ловить воздух ртом, отчаянно озирая телестудию. Потом глотнул воды и выдавил: «Да».

Френсик отер платком лоб.

– Да, кстати, – сказала неутомимая мисс Бизли с веселой улыбкой, отдававшей помешательством, – насколько я знаю, у вас очень и очень своеобразный стиль работы. Вы ведь, помнится, говорили мне, что пишете всегда набело?

– Да, – сказал Пипер.

– И пользуетесь особыми чернилами?

Пипер по-особому заскрежетал зубами и кивнул.

– А мысль эту подал вам Киплинг?

– Да. «Кое-что про меня». Это там, – отрывисто подтвердил Пипер.

– Ну, кажется, пошло, – сказал Джеффри, однако мисс Бизли обманула его надежды: она слыхом не слыхала об автобиографии Киплинга.

– Кое-что про вас мы найдем в вашем романе? – спросила она, оживляясь. Пипер метнул на нее яростный взгляд. Вопрос ему явно не понравился.

– «Кое-что про меня» – там о чернилах, – сказал он.

– Про вас – о чернилах? – несколько недоуменно заулыбалась мисс Бизли.

– Он готовил чернила по особому рецепту, – сказал Пипер, – вернее, бой ему их готовил.

– Бой? О, как это интересно, – проговорила мисс Бизли, не чая выбраться из дебрей. Но Пипер завел ее еще глубже.

– Если сам готовишь индийские чернила – они темнее.

– Конечно, еще бы. И что же – такие темные, очень густые индийские чернила помогают вам писать?

– Да нет, – сказал Пипер, – они залепляют перо. Я пробовал разбавлять обыкновенными – никакого толку. Канальцы все равно засоряются. – Он вдруг замолк и с ненавистью поглядел на мисс Бизли.

– Канальцы? Вы говорите – канальцы засоряются? – переспросила она, очевидно полагая, что Пипер имеет в виду некие тайные протоки вдохновения. – То есть ваша... – Она тщетно попыталась на ходу приискать какой-нибудь современный кибернетический термин. – Ваша, так сказать, муза...

– Ведьма, – поправил Пипер, верный Киплингу. Мисс Бизли снесла оскорбление как должное.

– Вы говорили о чернилах, – подсказала она.

– Я сказал, что они засорили канальцы. Я не мог написать больше слова за один раз.

– Оно и неудивительно, – заметил Джеффри. – Ужасно было бы странно, если б мог.

По-видимому, это соображение пришло на ум и самому Пиперу.

– То есть приходилось все время прерываться и прочищать перо, – объяснил он. – Так что теперь я... – Он запнулся, – Это глупо звучит.

– Это звучит идиотически, – сказал Джеффри, но мисс Бизли и ухом не повела.

– Продолжайте, продолжайте, – подбодрила она.

– Ну, теперь я беру бутылку Полуночных, даю им наполовину испариться, и когда они становятся такие, знаете, клейкие, я макаю перо и... – Пипер исчерпался.

– О, как это интересно, – сказала мисс Бизли.

– Все-таки хоть что-то высказал, и на том спасибо, – заметил Джеффри.

Сидевший рядом Френсик скорбно смотрел на экран. Теперь он понимал яснее ясного, что затея с Пипером была обречена изначально: черт его дернул согласиться! Раньше или позже все должно было пойти кувырком. Как и телепередача. Тем временем мисс Бизли рискнула вернуться к роману.

– Читая вашу книгу, – сказала она, – я поразилась, как глубоко вы поняли, что сексуальное жизнеощущение зрелой женщины должно выявиться физически. Не ошибусь ли я, предположив, что в вашем творчестве силен автобиографический момент?

Пипер злобно вылупил на нее. Мало того, что он якобы написал «Девства будь оно проклято ради помедлите о мужчины», теперь он же еще оказывается извращенцем-героем этих похабных походов – нет, слуга покорный! Френсик понял его чувства и ушел с головой в кресло.

– Что вы сказали? – взревел Пипер, возвращаясь к прежней взрывной манере выражения, но уже без всякой запинки. – Вы всерьез думаете, будто я могу подписаться под такой гадостью?

– Ну, я, естественно, думала... – начала мисс Бизли, но Пипер отмел ее предположения:

– Все это более чем отвратительно. Юноша и восьмидесятилетняя старуха! Это подрывает самые основы английской литературы. Это гнусные, чудовищные, патологические излияния, которым не место в печати, и если вы полагаете...

Но зрители программы «Книги, которые вы прочтете» опять-таки никогда не узнали, что, по мнению Пипера, полагала мисс Бизли. Собеседников заслонила мощная фигура женщины, явно очень взволнованной, – она кричала: «Прервать! Прервать!» – и бешено махала руками.

– Господи, святая воля твоя, – ахнул Джефри, – это что еще за дьявольщина?

Френсик не отвечал. Он только зажмурился, чтобы не видеть, как Соня Футл неистово мечется по студии, пытаясь уберечь многомиллионную аудиторию от жутких признаний Пипера. Телевизор угрожающе заскрежетал. Френсик открыл глаза: перед его взором мелькнул летящий микрофон и воцарился беззвучный хаос. В понятном предположении, что на студию проник по ее душу какой-то полоумный мститель, мисс Бизли сорвалась со стула и кинулась к дверям.

Пипер ошалело озирался, а Соня, зацепившись ногой за кабель, сшибла стол, покрытый стеклом, и растянулась на полу с задранной юбкой.

Несколько мгновений она брыкалась на виду у публики, затем экран померк и появилась надпись – ПО НЕЗАВИСЯЩИМ ОТ НАС ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ПЕРЕДАЧА ВРЕМЕННО ПРЕКРАЩЕНА. Френсик уныло вперился взглядом в эти слова. Они вполне шли к делу. Да, обстоятельства уже ни от кого не зависели, это было совершенно ясно. Принципиальность Пипера и дикая выходка Сони Футл положила конец его карьере литературного агента. Утренние газеты выйдут с заголовками «Автор – не автор». Хатчмейер расторгнет договор и почти наверняка заставит уплатить неустойку. Словом, предвиделись ужасы без конца и края. Френсик повернул голову и встретил любопытствующий взгляд Джеффри.

– Мисс Футл собственной персоной? – спросил он. Френсик машинально кивнул.

– Чего же ради она крушила телестудию? В жизни не видел ничего удивительнее. Автор, чтоб ему было пусто, принимается честить собственный роман. Как он там выразился? Гнусные, чудовищные, патологические излияния, подрывающие самые основы английской литературы. Не успеваешь опомниться, как откуда ни возьмись является его агент в женском облике, словно гигантский джинн из бутылки, орет «Прервать!» и швыряется микрофонами. Какой-то кошмар.

Френсик лихорадочно подыскивал объяснения.

– Пожалуй, что вернее назвать хэппенингом, – выдавил он.

– Хэппенингом?

– Ну, знаете, ряд происшествий вне причинно-следственных связей, – промямлил Френсик.

– Причинно... следственных?.. – повторил Джеффри. – По-вашему, это не будет иметь последствий?

О последствиях Френсик думать не хотел.

– Ну, во всяком случае такое интервью долго не забудется, – сказал он.

– Не забудется? – воззрился на него Джеффри. – Да, уж я думаю, оно войдет в анналы. – Он осекся и разинул рот. – Хэппенинг? Вы сказали – хэппенинг? Бог мой, так это, значит, ваших рук дело?

– Моих рук что? – спросил Френсик.

– Ваших рук дело. Ах, вы, стало быть, инсценировали весь этот кавардак. Пиперу велели наговорить несурезицы про свой роман, а тут врывается мисс Футл, буйствует перед телеэкраном, и вы делаете громовую рекламу...

Френсик прикинул и счел это объяснение лучше подлинного.

– А что, ведь неплохая реклама, – скромно сказал он. – Нынче, знаете,

все интервью проходят как-то вяло. Джеффри снова подлил виски в стакан.

– Что ж, снимаю перед вами шляпу, – сказал он. – У меня бы духу не хватило измыслить что-нибудь подобное. И кстати, ох как поделом этой Элеоноре Бизли!

У Френсика отлегло от души. Если бы еще перехватить Соню, прежде чем ее арестуют или что там делают с людьми, которые громят телестудии и срывают передачи, – и Пипера, пока он еще не успел все испортить своим литературным гонором, – тогда, может быть, и удастся что-нибудь спасти.

* * *

Но перехватывать было незачем. Соня с Пипером давно сбежали из телестудии под аккомпанемент визгливых проклятий и угроз Элеоноры Бизли и пронзительных заверений режиссера программы, что им это даром не пройдет. Они промчались по коридору, кинулись в лифт и захлопнули дверцы.

– Что ты хотела сказать своим... – начал Пипер по пути вниз.

– Замри, – сказала Соня. – Если б не я, хороши бы мы все были по твоей милости, болтун несчастный!

– Но она же сказала...

– Плевать, что она сказала, – прикрикнула на него Соня, – меня волнует, что сказал ты. Каково: автор сообщает миллионам зрителей, что его роман – дерьмо!

– Но это же не мой роман, – возразил Пипер.

– Нет уж, милый, теперь твой. погоди, увидишь завтрашние газеты. Одних заголовков хватит, чтобы прославить тебя на всю страну. АВТОР ГЛУМИТСЯ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ НАД СОБСТВЕННЫМ РОМАНОМ. Толкуй после этого, что ты не писал «Девства»! Черта с два кто-нибудь поверит!

– Господи боже мой, – сказал Пипер. – Что же нам делать?

– Уносить отсюда ноги, да поживее, – сказала Соня, раскрывая дверцы. Они пробежали через вестибюль и уселись в машину. Двадцатью минутами позже Соня выключила зажигание в своего подъезда.

– Собирай вещи, – сказала она. – Надо удирать, покуда пресса не чухнулась.

Пипер паковал чемоданы, снедаемый противоречивыми чувствами. Ему навязали авторство омерзительной книги, пути назад нет, придется

ехать в турне по Штатам, и он влюблен в Соню. Закончив сборы, он попытался напоследок оказать сопротивление.

– Слушай, я серьезно вряд ли это вынесу, – сказал он Соне, которая волокла чемоданы к двери. – Просто нервов не хватит.

– А у меня, по-твоему, хватит, и у Френзи тоже? Он же мог умереть от потрясения. Ведь он сердечник.

– Он сердечник? – сказал Пипер. – Понятия не имел.

* * *

Не имел об этом понятия и Френсик, через час разбуженный телефонным звонком.

– Я сердечник? – сказал он. – И ты нарочно будишь меня среди ночи, чтобы сообщить мне об этом?

– Единственный был способ образумить его. Никак не мог опомниться от этой паскуды Бизли.

– Это я насилу опомнился от вашей передачи. А тут еще над ухом все время зудел Джеффри Презабавно, конечно, почтенному издателю слушать, как его автор поносит свою книгу, называя ее гнусными, патологическими излияниями. Очень душеполезное переживание. И вдобавок Джеффри решил, что это ты по моему наущению выскочила с воплем «Прервать!».

– По твоему наущению? – переспросила Соня. – Мне пришлось, чтобы...

– Я-то все понимаю, а он думает, что мы ударили рекламой по нервам.

– Но это же прекрасно, – обрадовалась Соня. – Опять, значит, мы вылезли как ни в чем не бывало.

– Если не завязли по самые уши, – мрачно отозвался Френсик. – Ты вообще-то где? Почему звонишь из автомата?

– Едем в Саутгемптон, – сказала Соня. – Без проволочек, пока он снова не начал пятиться. На «Елизавете Второй» есть свободная каюта, отплытие завтра. Я больше рисковать не хочу: мы попадем на борт любой ценой. А если все-таки не выйдет – запрю его от газетчиков в номере какой-нибудь захудалой гостиницы и не выпущу, пока он не выучит назубок все, что ему полагается говорить о «Девстве».

– Полагается? Назубок? Что он тебе – попугай?

Но Соня дала отбой и через минуту уже вела машину дальше по дороге в Саутгемптон.

* * *

Утром оступелый и измотанный Пипер нетвердыми шагами взошел по трапу и спустился в свою каюту. Соня задержалась наверху, чтобы дать телеграмму Хатчмейеру.

Глава 8

В Нью-Йорке Хатчмейеру принес эту телеграмму его главный администратор, некто Макморди.

– Торопимся, значит, – сказал Хатчмейер. – Ну давайте торопитесь. Мы тоже кота за хвост тянуть не будем, только и всего. Так вот, Макморди, мне надо, чтоб вы ему устроили встречу небывалую! Понятно? Выкладываетесь на все сто. На чем думаете сыграть?

– С такой книгой разве что расшевелить Лигу Престарелых Африканок, пусть кидаются на него, как на битла.

– Престарелые на битлов не кидаются.

– О'кей, значит, он не битл, а воскресший Рудольфо Валентино или в этом роде. Какой-нибудь такой киноактер из двадцатых.

– Похоже на дело, – кивнул Хатчмейер. – Ностальгия и тому подобное. Но слабовато. От престарелых особого толку не будет.

– Никакого, – подтвердил Макморди. – Вот если бы этот Пипер был нудист, антисемит и педераст, а с ним любовник-кубинец, негр по фамилии О'Хара – тут бы я расстарался. А такой субъект, охочий до старух...

– Макморди, сколько раз вам говорить, что субъект – это одно, а его подача – другое. Никакой связи тут не требуется. Как хотите, так и подавайте.

– Да, но кому какое дело до английского автора с его первым романом?

– Мне, – сказал Хатчмейер. – Мне до него дело, а я хочу чтоб было дело еще ста миллионам телезрителей. Понятно? Вот так. Через неделю про Пипера должна услышать вся Америка, а уж как – это ваша забота. Делайте что хотите, но на берег чтоб он ступил, как Линдберг после атлантического перелета. Жмите на все кнопки, тормозите все организации, заигрывайте с любыми лобби – и давайте окружайте его ореолом.

– Ореолом? – усомнился Макморди. – Это с такой-то фотографией на обложке еще и ореолом окружить? Да у него вид как из психбольницы.

– Ну и пусть из психбольницы! Мало ли какой у него вид? Главное – за один день сделать его мечтой всех старых дев. Подключите феминисток, и насчет звездоманов у вас неплохая идея.

– Старушонки, феминистки, педерасты, минитмены – этак, чего доброго, мы устроим погром в гавани.

– Погром, – сказал Хатчмейер, – это хорошо. Напустите на него всех

разом. Пришибут полицейского – порядок, хватит какую-нибудь старуху кондрашка – тоже неплохо. Спихнут его в воду – еще лучше. Разделаем его так, что скопом за ним побегут, только он дунет в дудку.

– В дудку? – переспросил Макморди.

– Ну да, как крысы за Крысоловом.

– Крысы? Еще и крыс туда же?

Хатчмейер жалостливо посмотрел на него.

– Иногда, Макморди, вы прямо как неграмотный, – укорил он. – Можно подумать, что вы в жизни не слышали про Эдгара Аллана По. И вот еще что. Когда вы с Пипером как следует разболтаете дерьмо в бочке, шлите его самолетом ко мне в Мэн. Бэби хочет с ним познакомиться.

– Миссис Хатчмейер – познакомиться с этим хануриком?

Хатчмейер грустно кивнул.

– Угу. Вроде как тогда, помните – вынь да положь ей того писателя, который хвастался, что ему женщины без надобности. Как его, похабника, звали-то?

– Портной, – припомнил Макморди. – Но мы его не залучили. Не захотел приехать.

– Чему удивляться? Странно вообще, что он на ногах стоит. Это же вредно, как я не знаю что.

– Он, правда, издавался не у нас, – заметил Макморди.

– Ну да, и это тоже, – согласился Хатчмейер, – но Пипер-то издается у нас, и раз Бэби его хочет, пусть получает. Ей-богу, Макморди, в ее возрасте, после всех операций и вообще на диете, так вроде бы уже и хватит. Вы как, смогли бы два раза в день круглый год без передышки? Вот и я тоже не могу. Неумная женщина. Она этого старушечьего угодника Пипера живьем съест.

Макморди пометил у себя, что Пиперу надо резервировать самолет.

– Там и есть-то, пожалуй, будет особенно нечего после того, как мы его встретим, – мрачно заметил он. – Если сделаем по-вашему, дело может круто обернуться.

– Чем круче, тем лучше. Вот когда моя штопаная супруга с ним разберется, тут он поймет, где круто, где полого. Представляете, на ком теперь она, чертова баба, заклинилась.

– Не представляю, – сказал Макморди.

– На медведях.

– На медведях? – переспросил Макморди. – Не может быть. Как это все-таки, а? На кого другого, а на медведей я бы в случае чего даже не подумал. У одной моей знакомой, правда, была немецкая овчарка, но...

– Да не то! – рявкнул на него Хатчмейер. – Вы, Макморди, все-таки полегче – о жене моей речь, а не о какой-нибудь шлюшонке. Имейте к ней уважение.

– Вы же сами сказали, что она заклинилась на медведях, вот я и подумал...

– С вами, Макморди, та беда, что вы не думаете. Ну, заклинилась, ну, на медведях. Это же не значит, что медведи на ней заклинились. Если женщина на чем-то заклинивается, при чем тут секс? Секс тут ни при чем.

– Не знаю. Я говорю, знал я одну женщину...

– Ну и знакомые у вас, Макморди. Женились бы лучше на порядочной.

– Я и так женился на порядочной. Я по бабам не бегаю. Не тот завод.

– Так принимайте зерновытяжку и витамин «Е», я же принимаю. Вот где подъемная сила. О чем мы говорили?

– О медведях, – причмокнул Макморди.

– Бэби заклинилась на экологии и стала беспокоиться насчет среды. Начиталась, что, мол, животные не хуже людей и вообще. Один такой Моррис написал книгу...

– Морриса я читал, – вставил Макморди.

– Да это не тот Моррис. Этот Моррис работал в зоопарке, возился там с голый обезьяной, вот про нее и написал. Побрил он ее, что ли, хрен его знает. А Бэби прочла – и здарсьте, накупила медведей и прочей сволочи: пусть, мол, бегают. Медведей кругом развелось что собак нерезанных, соседи стали жаловаться, а я как раз подал в яхт-клуб. Нет, Макморди, эти бабы, я вам скажу, у меня вот где сидят.

Макморди пребывал в замешательстве.

– Ежели этот Моррис повредился на обезьянах, так зачем же миссис Хатчмейер медведи? – спросил он.

– Да не голых же обезьян, честное слово, разводить в Мэне! Какой прок! Передохнут после первого снегопада, а надо, чтобы все было как в природе.

– Не знаю, чего тут природного, когда медведи по двору шляются. Я в природе такого не видел.

– Вот и я Бэби сразу сказал. Если, говорю, хочешь завести голого орангутанга – заводи, пес с тобой, а медведей – это извините. И знаете, что она мне на это? У меня, говорит, и так в доме уже сорок лет живет голый орангутанг, а медведей, говорит, надо оберегать. Оберегать? Каждый весом в триста пятьдесят фунтов – и его оберегай? Нет, уж если кого оберегай, так это меня.

– И что же вы сделали? – спросил Макморди.

– Купил пулемет и сказал ей, что первого же медведя, который вопреку в дом, разнесу в клочья. Ну, медведи как-то это дело раскусили, подались в лес, и теперь у нас тихо.

На море тоже было тихо, когда Пипер проснулся утром в плавучем отеле; но поскольку зрелые годы его жизни прошли по приморским пансионам с видами на Ла-Манш, то он и не слишком удивился. Правда, обстановка была куда лучше, нежели в номере Гденигльского пансиона, однако Пипер не обращал внимания на то, что его окружает. Главное. – писать, и на корабле писание продолжалось. Утром он писал за столиком в своей каюте, а после обеда возлежал с Соней на солнечной палубе, обсуждая жизнь, литературу и «Девства ради помедлите о мужчины» сквозь легкую дымку счастья.

«Впервые в жизни я поистине счастлив, – сообщил он своему дневнику и будущим исследователям, которые некогда вникнут в его частную жизнь. – Отношения с Соней придали моей жизни дополнительное измерение и раздвинули в моем уме представление о зрелости. Можно ли это назвать любовью – покажет время, но разве не достаточно уже и того, что наши личности столь взаимосочетаемы? Я сожалею лишь о том, что нас сблизил такая человечески несостоятельная книга, как „Деврадпомомуж“. Но как сказал бы Томас о Манн с одному ему присущей символической иронией: „Всякое облако подбито серебром“ – и невозможно с ним не согласиться, О, если бы случилось иначе! Соня требует, чтобы я перечел книгу и освоил ее слог. Меня это очень затрудняет – оттого, что мне надо казаться автором, и опасаясь к тому же, как бы стиль мой не ухудшился от такого чтения. Однако же, задача есть задача, и „Поиски утраченного детства“ идут отнюдь не хуже, чем могли бы в нынешних трудных условиях».

И много еще чего в том же роде. Вечерами Пипер настоятельно читал вслух свеженарисованные главы «Поисков» Соне, которая предпочла бы танцевать или играть в рулетку. Пипер такого легкомыслия не одобрял, Оно не было слагаемым опыта, образующего осмысленные отношения, на которых зиждется высокая литература.

– А где же действие? – спросила Соня однажды вечером, когда ей были зачитаны итоги дневного творчества. – Как-то у тебя в романе ничего не происходит. Одни описания и раздумья.

– В медитативном романе действительна мысль, – парировал Пипер, в точности воспроизводя текст «Нравственного романа», – Лишь незрелый ум находит пищу во внешней активности бытия. Наши мысли и чувства суть формы протяжения нашей самости, а именно человеческая самость

создает великие жизненные драмы.

– Притяжения? – с надеждой переспросила Соня.

– Нет, протяжения, – возразил Пипер. – Третья буква «о».

– А, – сказала Соня.

– То есть нашей сущностной актуализации. Иначе говоря, *дазайма*.

– Дизайна, что ли?

– Нет, – сказал Пипер, который когда-то заглянул одним глазом в Хайдеггера. – Вторая буква «а».

– С ума сойти, – сказала Соня. – Ну, тебе, конечно, виднее.

– И поскольку роман обязан оправдывать себя как способ художественной коммуникации, то он имеет дело с реальностью опыта. Произвольная же игра воображения помимо параметров личного опыта поверхностна и влечет за собой нереализованность наших индивидуальных потенций.

– А ты себя не чересчур ограничиваешь? – спросила Соня. – Ведь если и можно писать о том, что с тобой самим было, так, в конце концов, останется описывать только как встаешь, завтракаешь, идешь на работу...

– Что ж, это тоже важно, – сказал Пипер, который описывал утром, как он встал, позавтракал и пошел в школу. – Романист наполняет эти факты быта своей неповторимой значительностью.

– Да люди-то вовсе не хотят об этом читать. Они ищут в книгах романтики, секса, волнующих событий. Ищут необычного. Иначе роман не раскупают.

– Ну и пусть не раскупают, – пожал плечами Пипер, – какое это имеет значение?

– Имеет, если ты не намерен бросать литературу и хочешь как-нибудь прокормиться. Возьми то же «Девство»...

– Уже взял, – сказал Пипер. – Я прочитал указанную тобой главу, и, по чести говоря, она просто омерзительна.

– Действительность, знаешь ли, тоже не сахар, – заметила Соня, втайне желая, чтобы Пипер хоть ненадолго спустился со своих высот. – Мы живем в безумном мире. Кругом террор, убийства, насилие, а «Девство» отвлекает от всего этого: оно – о двух людях, которые нужны друг другу.

– И очень плохо, что нужны, – сказал Пипер. – Это противоестественно.

– Летать на Луну тоже противоестественно, а вот летают же. А ракеты, наведенные одна на другую и грозящие обоюдной гибелью? Да куда ни глянь – всюду что-нибудь противоестественное.

– Только не в «Поисках», – сказал Пипер.

– Тогда какое же они имеют отношение к действительности?

– Действительность, – заявил Пипер, снова черпая фразы из «Нравственного романа», – есть актуализация вещей в бытийственном контексте. Сфера человеческого сознания – та область, в которой происходит восстановление в правах традиционных ценностей...

Пипер цитировал, а Соня вздыхала и надеялась, что он и в самом деле восстановит в правах традиционные ценности – сделает ей предложение или хотя бы залезет к ней в постель и докажет свою любовь добрым старым способом. Но Пиперу и тут мешали принципы. Ночью в постели он упорно занимался литературой: прочитывал несколько страниц «Доктора Фауста» и раскрывал свой молитвенник – «Нравственный роман». Затем он выключал свет и, невзирая на Сонины прелести, мгновенно и крепко засыпал.

Соня лежала без сна в некотором недоумении. То ли женщины его не привлекают вообще, то ли она в частности; наконец она пришла к выводу, что связалась с одержимым, и решила отложить обсуждение сексуальных наклонностей Пипера до лучших времен. В конце концов, важнее всего было охранить его спокойствие и сберечь самообладание – а раз уж ему заодно приспичило целомудрие, то пожалуйста.

Джинна из бутылки выпустил средь бела дня сам Пипер – на верхней палубе, в солярии. Он размышлял над тем, что, по словам Сони, ему не хватает жизненного опыта, без которого писателю не обойтись. А опыт, считал Пипер, дается наблюдением. Он разлегся в шезлонге, приняв позицию наблюдателя, и чуть не ткнул носом в женщину средних лет, вылезшую из бассейна. На ее ляжках он заметил сзади вмятинки. Пипер раскрыл свой гроссбух для Нужных Фраз и записал: «Ноги, захватанные хищным временем»; потом – запасной вариант: «Отметины былых страстей».

– Что за отметины? – спросила Соня, заглянув ему через плечо.

– Вмятинки на ногах у этой женщины, – пояснил Пипер, – вон, которая садится.

Соня окинула женщину критическим взглядом.

– Они возбуждают тебя?

– Нет, конечно, – возмутился Пипер. – Я просто зафиксировал факт: может пригодиться для книги. Ты же говорила, что мне не хватает опыта, вот я и пополняю его.

– Хорошенькое пополнение опыта, – сказала Соня, – пялиться на пожилых теток.

– Ни на кого я не пялюсь. Я всего лишь наблюдал. Сексуального

подтекста в этом не было.

– Могла бы и сама сообразить, – проговорила Соня и снова улеглась.

– Что сообразить?

– Что не было сексуального подтекста. У тебя его никогда не бывает.

Пипер посидел, подумал над этим замечанием. В нем был оттенок горечи, и он насторожился. Секс. Секс и Соня. Соня и секс. Секс и любовь. Секс без любви и с любовью. Вообще секс. Сомнительнейший источник нескончаемых фантазий, шестнадцать лет нарушавший мирное течение дней Пипера и противоречивших его литературным принципам. Великие романы обходили секс стороной. Они ограничивались Любовью, и Пипер желал следовать их предначертаниям. Он берег себя для великого любовного свершения, которое сольет воедино секс и любовь в горниле всепожирающей и всевознаграждающей прочувствованной страсти, и все женщины его фантазий, все руки, ноги, груди и ягодицы, мечтавшие ему порознь, сплавятся и образуют идеальную жену. Одушевленный высочайшим чувством к ней, он будет вправе утолять самые свои низменные побуждения. Пропасть между животной натурой Пипера и ангельской природой его возлюбленной исчезнет в обоюдном пламени и тому подобное. Это обещали великие романы. К сожалению, в них не объяснялось, как это произойдет. Любовь, распаленная страстью, куда-то уводила, и Пипер не очень понимал куда. По-видимому, к счастью. Но во всяком случае идеальный брак освободит его из-под власти фантазии, где хищный и похотливый Пипер рыскал по темным улочкам в поисках невинных жертв и подчинял их своим вожделениям; учитывая же, что вожделем он вслепую и в женской анатомии был полный профан, кончиться это могло либо клинкой, либо полицейским участком.

И вот теперь в Соне он, казалось бы, обрел женщину, оценившую его и вполне пригодную на роль идеальной возлюбленной. Но тут были свои загвоздки: женский идеал Пипера, извлеченный из великих романов, отличала чистота помыслов и глубина чувствований. Но глубинным чувствованиям надлежало оставаться глубинными, а Сониным глубины недоставало – это было ясно даже и Пиперу. Соня источала готовность перейти от слов к делу и путала ему все карты. Во-первых, с нею он не мог быть похотливым хищником. Как можно зверем наброситься на ангела, если ангел, на которого набрасываешься, зверем набрасывается на тебя? Хищнику требуется жертва, нужна пассивность, которой в Сониных поцелуях отнюдь не было. Сжатый в ее объятиях, Пипер чувствовал себя во власти могучей, как слон, женщины; и даже если бы он не был обделен воображением, он не сумел бы вообразить себя при этом хищником. Все

предельно затруднялось, и Пипер, глядя с палубы, как разбегаются к горизонту пенные борозды из-под кормы, переживал очередное противоречие Искусства и Жизни. Чтоб разрядить свои чувства, он достал гроссбух и записал: «Зрелые отношения требуют жертвы идеалов в интересах опыта, необходимо встать лицом к лицу с действительностью».

Ближе к ночи Пипер начал становиться лицом к лицу. Перед ужином он выпил две двойные порции водки, за едой осушил бутылку вина с уместным названием «Либфрау-мильх», подкрепил свои намерения чашкой кофе с бенедиктином и в лифте осыпал Соню ласками и обдал перегаром.

– Слушай, это вовсе не обязательно, – сказала она, когда Пипер пустил в ход руки. Но тот был тверд.

– Дорогая, мы же эмоционально зрелые люди, – выговорил он и по стенке добрал до двери каюты. Соня опередила его и включила свет. Пипер свет выключил.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Да успокой ты свою совесть, – сказала Соня. – И к тому же... Пипер перевел дыхание и со страстным упорством обхватил ее, они рухнули на постель.

– Какие у тебя груди, волосы, губы...

– У меня началось, – сказала Соня.

– Началось... – бормотал Пипер. – Какая у тебя кожа, какие у тебя...

– Началось у меня, – сказала Соня.

Пипер приостановился.

– В каком смысле началось? – спросил он, смутно чувствуя какой-то подвох.

– В том самом, – сказала Соня. – Дошло?

До Пипера наконец дошло, и местоблюститель автора «Девства ради помедлите о мужчины» кинулся из постели в ванную. Между Искусством и Жизнью оказались непредвиденные противоречия. Физиологические.

* * *

А в штате Мэн, в огромном доме над Французовым заливом Бэби Хатчмейер, урожденная Зугг, мисс Пенобскот 1935 года, нежилась на необъятной водяной тахте и думала о Пипере. На ее ночном столике кроме «Девства» лежал витамин «С» и стоял стакан шотландского виски. Она перечла книгу третий раз и вполне уверилась, что наконец-то опубликован

молодой автор, способный оценить пожилых женщин. Правда, Бэби трудно было назвать пожилой. В свои сорок, то бишь пятьдесят восемь лет она была сложена как пострадавшая в авариях восемнадцатилетняя девушка и выглядела как забальзамированная двадцатипятилетняя женщина. Словом, у нее было все, что требуется, и это все требовалось Хатчмейеру первые десять лет их брака и оставалось в небрежении следующие тридцать. Он растрчивал свое мужское внимание и бычачий пыл на секретарш, стенографисток, а порою – на стриптизерок в Лас-Вегасе, Париже и Токио. Бэби смотрела на это сквозь пальцы, а он никак не стеснял ее в деньгах и с горем пополам терпел ее художественные, светские, метафизические и экологические увлечения, перед всеми хвастая своим счастливым браком. Бэби нанимала загорелых молодых декораторов и обновляла обстановку и себя даже чаще, чем это было необходимо. Она сделала столько косметических операций, что однажды Хатчмейер, вернувшись из блудной поездки, попросту не узнал ее. Тогда-то впервые и зашла речь о разводе.

– Ах, я тебя больше не задеваю за живое, – сказала Бэби, – ну, ты меня тоже не очень-то задеваешь. Последний раз ты раскачался, помнится, осенью пятьдесят пятого, пьяный в доску.

– Еще бы не пьяный, – съязвил Хатчмейер и тут же пожалел об этом. Бэби живо поставила его на место.

– Я тут вникала в твои делишки, – сказала она.

– А я и не скрываю. В моем положении опасно прослыть импотентом. Если подумают, что мне это дело уже не по возрасту, то и капиталом в случае чего никто не поможет.

– Тебе это дело вполне по возрасту, – сказала Бэби, – только я говорю о другом: о твоих финансовых махинациях. Хочешь развод – пожалуйста. Деньги пополам, выкладывай двадцать миллионов долларов.

– Ты что, спятила? – взревел Хатчмейер. – И думать забудь!

– А ты забудь думать о разводе. Я же тебе говорю: я разобралась в твоей бухгалтерии. И если тебе хочется, чтобы ФБР, Налоговое управление и судейские узнали, как ты уклоняешься от налогов, берешь взятки и субсидируешь преступный мир, то...

Хатчмейеру этого не хотелось.

– Ладно, не будем мешать друг другу, – горько сказал он.

– Только запомни, – посоветовала Бэби, – не дай бог со мной случится что-нибудь внезапное или необъяснимое: фотокопии нужных документов имеются, и у моих поверенных, и в банковском сейфе...

Хатчмейер запомнил. Он распорядился, чтобы к сидению в ее «Линкольне» приделали дополнительный ремень, и велел ей ездить

осторожнее. Дом остался проходным двором для декораторов, актеров, художников и прочих фаворитов Бэби. Однажды вечером ей даже удалось обратять Макморди, после чего она тут же вычла у него из жалованья тысячу долларов – за износ оборудования, как злобно сострил Хатчмейер. Но Макморди такой статьи расходов не признавал и заявил Бэби протест. Хатчмейер возместил ему вдвое и принес свои извинения.

И все же Бэби никак не могла успокоиться на достигнутом. Когда ей не подворачивалось никого и ничего интересного, она читала. Поначалу Хатчмейер даже поощрял ее тягу к печатному слову, решив, что Бэби либо растет над собой, либо сходит на нет. Как обычно в случае с нею, он был неправ. Самоусовершенствование путем косметических операций вкупе с духовными запросами образовало жуткий гибрид. Из недалекой подштопанной шлюхи Бэби стала начитанной женщиной. Это превращение Хатчмейер заметил, вернувшись с франкфуртской книжной ярмарки и застав жену за чтением «Идиота».

– Как ты сказала? – не поверил он своим ушам, услышав, что книга эта увлекательная и полезная. – Для кого это она полезная?

– Для современного общества, пораженного духовным кризисом, – ответила Бэби. – Для нас.

– «Идиот» – для нас? – возмутился Хатчмейер. – Про то, как один малый вообразил себя Наполеоном, пришиб топором старушонку – и это для нас полезно? Большая мне будет польза – как от дырки в голове.

– У тебя и так голова с дыркой. Это же «Преступление и наказание», дуралом. Тоже мне издатель, ничего толком не знает.

– Я знаю, как сбывать книги, читать их я ни хрена не обязан, – заявил Хатчмейер. – Книги – это для тех, кто не находит себя в жизни. Дело делать – кишка тонка, вот и читают.

– Книги нас учат, – сказала Бэби.

– Чему? Апоплексическим припадкам? – спросил Хатчмейер, наконец припомнив, в чем дело в «Идиоте».

– ЭПИПЛЕКТИЧЕСКИМ. Это признак гения. Магомет тоже был припадочный.

– Ну, теперь у меня вместо жены энциклопедия, – сказал Хатчмейер, – да еще арабская. – Чем займешься? Превратишь дом в литературную Мекку или как?

Заронив эту идею, он поспешно улетел в Токио, к женщине, которая и говорить-то по-английски не умела, не то что читать. Когда он вернулся, Бэби уже прочла Достоевского насквозь. Она пожирала книги без разбора, как ее медведи – ежевику.

Эйн Рэнд делила ее душу с Толстым; она на удивление лихо одолела Дос Пассоса, намылилась Лоуренсом, попарилась у Стриндберга и отхлестала себя Селином. Конца этому не было видно; Хатчмейер вдруг оказался женатым на книгоедке. Вдобавок Бэби занялась писателями, а Хатчмейер писателей терпеть не мог. Они болтали о своих книгах, а ему приходилось под угрожающими взглядами Бэби кое-как соблюдать вежливость и даже проявлять интерес. Правда, сама Бэби быстро в них разочаровывалась, но присутствие в доме какого бы то ни было писателя так повышало кровяное давление Хатчмейера, что она не скупилась на приглашения и не переставала надеяться отыскать хотя бы одного, у которого дело не расходилось бы с его печатным словом. И вот наконец объявился Питер Пипер, автор «Девства ради помедлите о мужчины»: тут уж она была уверена, что человек не уступит собственной книге. Она лежала на водяной тахте и наслаждалась предвкушениями. Такая романтическая книга – но романтика не в ущерб содержательности – и такая необычная...

Хатчмейер вышел из ванной, зачем-то напялив бандаж.

– А что, тебе идет, – заметила Бэби, холодно разглядывая его снаряжение. – Носи-ка его почаще. Он придает тебе достоинство.

Хатчмейер отвечал свирепым взором.

– Нет серьезно, – продолжала Бэби. – Как-то он тебя подпирает, что ли.

– Тебя содержать – без подпорки не обойдешься, – сказал Хатчмейер.

– Знаешь, если у тебя грыжа, ты лег бы лучше на операцию...

– Хватит с меня и твоих операций, – Хатчмейер поглядел «Девство» и прошел к себе в спальню.

– Книга не разонравилась? – крикнул он оттуда.

– Первая у тебя стоящая книга за несчетные годы, – отозвалась Бэби. –

Прелесть. Идиллия.

– Иди... куда?

– Идиллия. Тебе объяснить, что такое идиллия?

– Не надо, – сказал Хатчмейер. – Догадываюсь.

Он улегся и подумал. Идиллия? Ну, если она говорит – идиллия, миллион других женщин скажут то же самое. Тут Бэби как барометр. И все ж таки – идиллия?!

Глава 9

Картина, которая открылась глазам Пипера в нью-йоркской гавани, отнюдь не была идиллической. Даже пресловутая береговая панорама со статуей Свободы не произвела на него впечатления обещанного Соней. Густой туман навис над Гудзоном, и небоскребы обрисовались, лишь когда лайнер медленно проплыл мимо Артиллерийского Парка и поравнялся с причалом. К этому времени внимания Пипера переключилось с Манхэттена на разношерстное и разноплеменное людское скопище, волновавшееся за таможнями.

– Ох ты, да Хатч и правда устроил тебе королевский прием, – заметила Соня, спускаясь по трапу. Над головами гомонящей толпы на выездном шоссе колыхались транспаранты, двусмысленные – «Добро пожаловать в город гомосексов» и угрожающие – «Пипман, убирайся домой».

– Какой такой Пипман? – поинтересовался Пипер.

– А я почему знаю. – пожала плечами Соня.

– Пипман? – переспросил таможенник, не удостоивший досмотра их чемоданы, – Мне это неизвестно. Его там встречают миллион оголтелых старух и зевак. Одни хотят линчевать его, другие кричат, что линчевать мало. Счастливо добраться.

Соня подтолкнула Пипера и подтащила чемоданы к барьеру, за которым ожидал их Макморди со свитой газетчиков.

– Рад познакомиться, мистер Пипер, – сказал он. – Вот сюда, пожалуйста.

Пипер шагнул, и его облепили фотографы и репортеры, наперебой выкрикивавшие невразумительные вопросы.

– Отвечайте просто: «Отказываюсь отвечать», – гаркнул Макморди. – Чтоб никто ничего лишнего не подумал.

– Не поздновато ли спохватились? – сказала Соня. – Откуда эти болваны взяли, что он агент КГБ?

Макморди заговорщицки ухмыльнулся, и гудящий рой с Пипером в центре двинулся под вокзальные своды. Отряд полицейских расталкивал прессу, прокладывая Пиперу путь к лифту. Соня и Макморди спустились по лестнице.

– Что это все за чертовщина? – спросила Соня.

– Распоряжение мистера Хатчмейера, – отвечал Макморди, – велено было устроить свалку – вот она и свалка.

– А кто вам велел объявлять его правой рукой Иди Амина? – огрызнулась Соня. – О, господи боже мой!

При выходе на улицу было ясно, что Макморди сервировал Пипера под ста разными соусами. Группа Выходцев из Сибири осаждала подъезд, скандируя: «Солженицын – да, Пиперовский – нет!». На них напирала приверженцы Организации Освобождения Палестины, полагавшие, что Пипер – израильский министр, путешествующий инкогнито с целью закупки оружия; они отбивались с тылу от сионистов, которых Макморди предупредил о прибытии Пипарфата, одного из главарей «Черного Сентября». За ними стайка пожилых евреев размахивала плакатами, обличающими Пипмана; но их вдесятеро превосходили ирландцы, которым было сообщено, что О’Пипер – один из руководителей ИРА.

– Все полицейские – ирландцы, – разъяснил Макморди Соне. – Лучше, чтоб они были на нашей стороне.

– На какой это, черт вас задеря, на нашей? – злобно спросила Соня, но тут растворились двери лифта и окруженного полицейскими пепельнолицего Пипера вывели на всеобщее обозрение. Толпа подалась вперед, а репортеры продолжали назойливо допытываться истины.

– Мистер Пипер, может, вы скажете, кто вы такой и за каким чертом изволили приехать? – перекрикнул галдеж кто-то из них. Но Пипер безмолвствовал. Глаза его блуждали, лицо еще больше посерело.

– Правда, что вы лично застрелили?..

– Верно ли, что ваше правительство не собирается приобретать многоголовчатые ракеты?..

– Так сколько же людей все-таки томится в психичках?..

– Знаю я одного, который сейчас туда попадет, если вы что-нибудь быстро не сделаете, – сказала Соня, выпихнув вперед Макморди. Тот быстро затесался в толпу.

– Мистер Пипер ничего не имеет сообщить! – успел он прокричать, пока его не отшвырнул полицейский, только что получивший по голове пивной бутылкой, брошенной в знак протеста против апартеида и южноафриканца Ван Пипера. Соня Футл выдвинулась вперед.

– Мистер Пипер – знаменитый британский романист, – громогласно заявила она, но для таких прямых высказываний время было потеряно, В стену ударились метательные снаряды, разорванные транспаранты стали оружием, а Пипера оттащили назад.

– Я никого не расстреливал, – вскрикивал он. – Я никогда не был в Польше... – Но его не слушали. Захрюкали полицейские рации: требовались подкрепления. Выходцев из Сибири оттеснили Веселые

Гомосеки, желавшие заявить о себе. Тем временем кордон прорвали восторженные старушки: они кинулись прямо к Пиперу.

– Нет, ничего подобного! – визгнул он, спасаемый от полицейских. – Я самый обыкновенный...

Соня схватила шест бывшего плаката «Чем старше, тем влюбленнее» и сшибла накладные груди одной из самых порывистых поклонниц Пипера.

– Не выйдет! – крикнула она. – Он мой! – и оставила без парика еще одну поклонницу. Веселые Гомосеки шарахнулись от ее всепокрушающего шеста. Пипер с полицейскими прятались за ее спиной, а Макморди кричал и подбадривал. В образовавшейся свалке сторонники палестинцев объединились с радетелями Израиля и начисто ликвидировали Веселых Гомосеков, продолжив затем собственную битву. Соня затащила Пипера обратно в лифт. Макморди присоединился к ним и нажал кнопку. Минут двадцать они ездили вверх-вниз, не участвуя в борьбе за Пипарфата, О'Пипера и Пипмана.

– Нечего сказать, устроили встречу, – сказала Соня Макморди. – А я-то, дура, привезла беднягу на это побоище.

Бедняга съезжился в углу лифта. Не обращая на него внимания, Макморди сказал:

– Нужна реклама – и реклама будет. Первая телепрограмма. Наверное, уже снимают.

– Потрясающе, – сказала Соня, – а дальше чем порадуете? Гибелью «Титаника»?

– Это шарахнет по газетам... – начал было Макморди, но из угла лифта донесся глухой стон: по Пиперу уже шарахнули. Рука его кровоточила. Соня опустилась на колени рядом с ним.

– Что с тобой, миленький? – спросила она. Пипер вяло указал на летающую тарелку с надписью «Долой лагеря!» и бритвенными лезвиями по краям. Соня обернулась к Макморди.

– Это небось тоже ваша идея? – завопила она. – Тарелочки с бритвочками! Да такой штукой можно голову срезать!

– При чем тут я?.. – начал оправдываться Макморди, а Соня остановила лифт.

– «Скорую помощь»! «Скорую помощь»! – кричала она, однако полицейским удалось вывести Пипера из помещения гавани лишь через час. К тому времени заказанное Хатчмейером побоище уже закончилось – и для многих демонстрантов плачевно. Шоссе было усеяно битым стеклом, повсюду валялись изломанные плакаты и канистры из-под слезоточивого газа. По дороге к санитарной машине Пипер изошел слезами. Он крепко

сжимал свою раненую руку, укрепляясь в убеждении, что угодил в сумасшедший дом.

– Что-нибудь я не так сделал? – спросил он у Сони дрогнувшим голосом.

– Нет-нет, милый. Все так.

– Все как надо, все отлично! – утвердил Макморди, поглядывая на порез. – Только вот крови маловато.

– Чего вам еще надо? – цыкнула на него Соня. – Увечий? Может, обойдетесь?

– Крови надо, – сказал Макморди, – По цветному телевидению кетчуп не пройдет. Надо настоящую. – Он повернулся к медсестре: – Кровь для переливания захватили?

– Для переливания? Это с такой-то царапиной переливание? – удивилась та.

– Слушай, – сказал Макморди, – у этого малого гемофилия. Хочешь, чтоб он умер от потери крови?

– У меня нет гемофилии, – запротестовал Пипер, но протест его заглушила сирена.

– В срочном порядке! – орал Макморди. – Давай вон ту бутылку!

– Да вы вконец, что ли, спятили? – крикнула Соня, когда Макморди схватился с медсестрой. – Мало ему досталось без вашего переливания?

– Не хочу переливания, – заверещал Пипер. – Не нужно мне крови!

– Вам – нет, а телекамерам – да, – сказал Макморди. – В цвете, понятно?

– Я не буду делать пациенту переливание, – сопротивлялась медсестра, но Макморди уже завладел бутылкой и ковырялся с пробкой.

– Вы же не знаете его группы крови! – вскрикнула медсестра, когда пробка подалась.

– Делов-то, – отмахнулся Макморди и вылил бутылку на голову Пиперу.

– Ну поглядите, что вы наделали, – завывала Соня. Пипер лишился чувств.

– Это мы сейчас, – заверил Макморди. – Аттика у нас покажется детским праздником! – И он прилепнул на лицо Пиперу кислородную маску. Когда Пипера принесли из машины в носилки, он выглядел мертвее убитого. Залитое кровью и залепленное маской лицо потемнело: в суматохе забыли включить подачу кислорода.

– Он еще жив? – спросил репортер, не отстававший от машины.

– Кто знает? – восторженно отозвался Макморди. Пипера понесли в приемный покой, а испятнанная кровью Соня пыталась унять ошалевшую

медсестру.

– Какой-то ужас! В жизни не видела ничего подобного! И это в моей машине! – кричала она на газетчиков и телерепортеров, пока ее не уволокли вслед за пациентом. Когда окровавленные носилки с телом Пипера были погружены на каталку и увезены, Макморди удовлетворенно потер руки. Кругом жужжали телекамеры. Мистер Хатчмейер будет доволен. Товар лицом.

Мистер Хатчмейер был доволен. Он наблюдал побоище по телевизору с явственным одобрением и со всем пылом любителя драк.

– Давай, малый! – заорал он, когда молодой сионист сшиб с ног безвинного пассажира-японца плакатом с надписью: «Помни и не забывай». Сбоку возник полицейский, но его тут же повергла чья-то невидимая рука. Телеизображение затряслось: оператор получил пинка под зад. Потом стало отчетливо видно пожилую женщину, простертую в крови.

– Здорово, – сказал Хатчмейер, – молодец Макморди. Умеет парень проворачивать дела.

– По-твоему умеет, – неодобрительно отозвалась Бэби.

– Что значит по-моему? – отвлекся от экрана Хатчмейер. Бэби пожалала плечами.

– Я вообще насилия не одобряю.

– Как так не одобряешь? Без насилия не обойтись. Жизнь есть жизнь: кто кого. Не разбив яиц, яичницы не сделаешь.

Бэби пристально смотрела на экран.

– Из тех двоих уже сделали.

– А это человеческая природа, – сказал Хатчмейер, – человеческую природу не я изобрел.

– Ну да, ты ее просто эксплуатируешь.

– Жить-то надо.

– Кому как, – возразила Бэби. – Тебе надо, а вон та – умирай.

– С тобой говорить – что дерьмо толочь, – рассердился Хатчмейер.

– Самое для тебя подходящее занятие, – сказала Бэби. Хатчмейер уставился на экран, чтоб не видеть и не слышать жены. Из таможни появился отряд полиции с Пипером.

– Вот он, – сказал Хатчмейер. – Видать, обделался с перепугу, Бэби глянула и вздохнула. Затравленно озирающийся Пипер вполне отвечал ее надеждам: молодой бледный, чувствительный и ужасно уязвимый. Как Китс под Ватерлоо.

– Кто эта толстуха рядом с Макморди? – спросила она, когда Соня заехала в пах живописному украинцу, плюнувшему ей на платье.

– Да это моя девочка! – радостно вскричал Хатчмейер. Бэби недоверчиво поглядела на него.

– Шутишь. Этой медведице только штанги выжимать, а если тебя разок обожмет – из бандаж выскочишь.

– К дьяволу мой бандаж! – опять рассердился Хатчмейер. – Я тебе просто говорю, что эта лапочка-малышечка торгует книгами, как богиня.

– Торговать, может, и торгует, – сказала Бэби. – Но какая она «лапочка-малышечка» – видней тому русскому, который из-за нее корячится на мостовой. Как, ты сказал, ее зовут?

– Соня Футл, – мечтательно ответил Хатчмейер.

– Похоже на то, – согласилась Бэби. – Ишь ведь как она отфутболила того дюжего ирландца. Спасибо, если бедняга когда-нибудь на ноги встанет.

– А ну тебя знаешь куда, – сказал Хатчмейер и удалился в свой кабинет, чтоб не расстраиваться от язвительных комментариев Бэби. Он позвонил в нью-йоркское отделение и велел сделать машинный перерасчет тиража романа «Девства ради помедлите о мужчины», исходя из того, что автор заново разрекламирован. Потом заказал в типографии плюс полмиллиона. Наконец выторговал в Голливуде пятипроцентную надбавку за телесерийный показ. И все это время его осаждал соблазнительный образ Сони Футл и донимали размышления, как бы естественным путем отправить на тот свет останки мисс Пенобскот 1935 года, не расставаясь с двадцатью миллионами долларов. Может, Макморди что-нибудь придумает. Задавить бы ее, гадюку, тем же сексом. А что, это как раз естественно. И кстати, Пипер прямо кидается на старух. Да, это, пожалуй, мысль.

* * *

В травматологическом отделении Рузвельтовской больницы терапевты и хирурги боролись за жизнь Пипера. С виду было понятно, что он истек кровью от раны в голове, а между тем налицо все симптомы удушья – словом, отчаянная путаница. И от медсестры никакого толку.

– Тот сказал, что этот кровью обольется, – говорила она главному хирургу, который и так видел, что крови хватает. – И говорит, нужно, мол, переливание. Я-то не хотела, и этот говорит, что не хочет, она тоже: нет, мол, а тот хватать бутылку, этот вырубился, его на реанимацию, а я...

– Ее – на транквилизатор, – громогласно распорядился главный хирург,

и визжащую сестру утащили куда надо. Обритый Пипер лежал на операционном столе. Его побрили, пытаясь, выяснить, где же рана.

– Куда же она делась, зараза такая? – изумлялся хирург, высвечивая пространство за левым ухом Пипера в поисках кровоточащей раны. Пипер очнулся, но ясности не внес. Порез на руке промыли и забинтовали, а из правой его кисти торчала игла: переливание, которого он страшился, все-таки произошло. Иглу наконец вынули, и Пипер слез со стола.

– Ну, повезло тебе, – сказал главный хирург. – Не знаю уж, в чем с тобой дело, только пока давай ходи тихо. А понять, куда тебя ранило, – это нужен великий хирург. Нам это не под силу.

Пипер, лысый как колено, нашел выход в коридор. Соня, увидев его, разрыдалась.

– О господи боже мой, да что же они с тобой сделали, солнышко мое! – кричала она. Макморди задумчиво оглядел бритый череп Пипера.

– М-да, плоховато, – заметил он и пошел разговаривать. – Проблема у нас, – сказал он хирургу.

– Это у вас-то проблема? Мы и сами не знаем, в чем дело.

– Дело, – сказал Макморди, – вот в чем. Голову быстро и как следует забинтовать. Он, понимаете, знаменитость, кругом телерепортеры, а он выйдет словно и не отсюда, неправильно получится.

– Правильно, неправильно – это ваша забота, – сказал хирург, – а нам хоть бы разобраться, что у него.

– Вы ему голову обрили? – сказал Макморди. – Теперь бинтов наvertите. Лица чтоб вообще было не видно. Пусть он будет неизвестно кто, пока волосы не отрастут.

– Не пойдет, – сказал хирург, верный заветам своей профессии.

– Тысяча долларов, – сказал Макморди и пошел за Пипером. Тот явился нехотя, по-детски повиснув на руке у Сони. Когда его вывели после врачебной обработки – Соня справа, медсестра слева, – видны были только испуганные глаза и раздутые ноздри.

– Мистер Пипер сообщить ничего не имеет, – впустую сообщил Макморди.

Миллионы телезрителей это и так понимали: рот его был перебинтован и вообще он мог сойти за человека-невидимку. Телекамеры, жужжа, приблизились, и Макморди опять заговорил:

– Мистер Пипер уполномочил меня заявить, что он и в мыслях не имел, как его замечательный роман «Девства ради помедлите о мужчины» разволнует публику и вызовет столь горячие дебаты еще до начала лекционного турне...

- Его чего – подсунулся недоуменный репортер.
- Мистер Пипер – крупнейший романист Великобритании. Его роман «Девства ради помедлите о мужчины», опубликованный издательством «Хатчмейер Пресс» по семь долларов девяносто...
- Это что, все из-за романа? – не поверил репортер. Макморди кивнул.
- «Девства ради помедлите о мужчины» – одна из самых противоречивых книг нашего столетия. Прочтите ее – и вы поймете, чем пожертвовал мистер Пипер, чтоб...
- Рядом с ним качающегося Пипера кое-как усаживали в машину.
- А сейчас-то вы его куда везете?
- В частную клинику для врачебного обследования, – ответил Макморди, и машина тронулась. С заднего сиденья доносилось сквозь бинты хныканье Пипера.
- Что такое, ласточка? – проворковала Соня. Но забинтованный Пипер мычал что-то невнятное.
- Какое там врачебное обследование? – спросила Соня у Макморди. – Зачем оно ему?
- Да просто надо сбить со следа прессу и прочих. Мистер Хатчмейер желает, чтобы вы погостили у него в Мэне. Мы сейчас в аэропорт – там ждет личный аэроплан мистера Хатчмейера.
- Я этому мистеру Хатчмейеру, сукиному коту, лично скажу кое-что, – пообещала Соня. – Как это еще всех нас не укукошили.
- Макморди повернулся к ним.
- Слушайте, – сказал он, – попробовали бы вы подать иностранного писателя, который не лауреат Нобелевской премии и нигде его не пытали. С такими-то просто. А что ваш Пипер? Ни то ни се. Вот и стараемся: свалка, мало-мало крови и раз – он у нас уже знаменитый. И перебинтованный: это уж на всякого телезрителя. Теперь его физия миллион стоит.
- Они приехали в аэропорт: Соня и Пипер взошли на борт самолета «Первоиздание». И только когда они оторвались от земли, Соня стала высвобождать лицо Пипера.
- А голову оставим так, пока волосы не отрастут, – сказала она. – Пипер кивнул забинтованной головой.

* * *

Хатчмейер поощрил Макморди из Мэна телефонным способом. –

Возле больницы вышло на пять с плюсом, – сказал он, – миллион телезрителей как минимум обалдели. Да он же у нас вышел мученик! Жертвенный агнец на алтаре великой литературы. Ну, что я вам скажу, Макморди, – получите прибавку.

– Стараемся, – скромно заметил Макморди.

– А он-то как? – спросил Хатчмейер.

– Да он как-то так, квелый, – сказал Макморди. – Авось перебьется.

– Перебьется как-нибудь, – сказал Хатчмейер. – Авторы – они вообще народ квелый.

Глава 10

Квельый Пипер к концу полета так и не разобрался – почему ему чуть не снесли голову, кто такие О'Пипер, Пипарфат, Пипман, Пиперовский и тому подобные; и все это в дополнение к проблемам, предстоящим ему как автору «Девства». Но в качестве подставного гения Пипер примерил уже столько ролей, что прошлые стали мешаться с теперешними, И сами собой следовали: потрясение, кровопролитие, удушение и воскрешение – и недаром его неповрежденная голова покачивалась на спинке в марлевом тюрбане. Он тупо глядел в окно и думал, что бы такое сделали на его месте Конрад, Лоуренс или Джордж Элиот. Ясно было только, что они на его месте отнюдь не оказались, а больше ничего. И от Сони помощи не было: она размышляла, как бы обратить происшествие себе на пользу.

– Как ни крути, а мы его поддели не хуже, чем он нас, – сказала она, когда самолет пошел на посадку над Бангором. – Тебе расшатали нервы, и ты для турне не годишься.

– Совершенно согласен, – подтвердил Пипер.

Соня тут же обезнадежила его.

– Это ты брось, – сказала она. – У Хатчмейера договор дороже денег. Он и с операционного стола вытащит тебя на публику. Нет, мы к нему подъедем насчет компенсации. Тысяч так в двадцать пять.

– Я бы лучше домой поехал, – сказал Пипер.

– И поедешь, только я уж постараюсь, чтоб на полста косых богаче.

– Так ведь мистер Хатчмейер рассердится? – возразил Пипер.

– По-твоему, просто рассердится? Да он головой потолок пробьет!

Пипер представил, как мистер Хатчмейер пробивает головой потолок, и ему это ничуть не понравилось. Еще один ужас, как будто ужасов и без того не хватает. Когда самолет сел, Пипера просто трясло, и Соня еле-еле вытащила его на трап и с трапа в подъехавший автомобиль. Вскоре они мчались мимо нескончаемых сосен в гости к человеку, которого Френсик как-то по неосторожности наградил титулом «Аль Капоне печатного мира».

– Теперь все разговоры предоставь мне, – сказала Соня, – помни, что ты тихий, застенчивый автор. Скромность, скромность и скромность.

Автомобиль развернулся и въехал в ворота, украшенные надписью: «К Усадьбе Хатчмейера».

– Скромности маловато, – заметил Пипер, окинувши взглядом дом в окружении пятидесяти акров сада и парка, берез и сосен – роскошный

памятник романтической неразберихи конца прошлого столетия, деревянное изделие архитекторов Пибоди и Стирнса. Шпили, мансарды, башенки с голубятнями, решетчатые верандочки в круглых оконцах, витые трубы и зубчатые балконы – словом, Усадьба самая внушительная. За въездными воротами автомобили уже стояли друг на друге. Огромные двери растворились, и дюжий краснолицый мужчина сбежал с крыльца.

– Соня, детка, – заорал он, прижимая ее к гавайской безрукавке, – а это небось мистер Пипер? – Он стиснул руку Пипера и окинул его бешеным взглядом.

– Великая честь, мистер Пипер, вы у нас предорогой гость! – галдел он, затаскивая предорогого гостя вверх по ступеням и вталкивая в дверь. Внутри дом был ничуть не менее примечателен, чем снаружи. Необъятный холл вмещал камин XII века, ренессансную лестницу, средневековые хоры и сатанинский портрет Хатчмейера в миллиардерской позе Дж. Моргана на знаменитой фотографии Э. Стейкена; пол устилала мозаика, во всех деталях изображавшая процесс изготовления бумаги. Пипер осторожно миновал падающие деревья, пробрался между распиленными бревнами, обошел котел кипящей целлюлозы и шагнул на ступеньки, с которых ему улыбалась божественно сложенная женщина.

– Бэби, – сказал Хатчмейер, – познакомьтесь с мистером Пипером. – Мистер Пипер, моя супруга, Бэби.

– Дорогой мистер Пипер, – томно проворковала Бэби, коснувшись его руки и улыбаясь ничуть не более, чем разрешили хирурги. – Я просто сил нет как хотела с вами повидаться. Лучше вашего романа я вообще в жизни ничего не читала, спасибо вам.

Пипер глянул в яснолазурные контактные линзы мисс Пенобскот 1935 года и обомлел.

– Вы очень добры, – пролепетал он. Бэби подхватила его под руку и прошествовала с ним в гостиную.

– Он что, всегда в тюрбане? – спросил Хатчмейер у Сони.

– Не всегда, нет, только если его долбанет летающей тарелкой, – холодно объяснила Соня.

– Только если долбанет летающей тарелкой, – зашелся хохотом Хатчмейер. – Слыхала, Бэби? Мистер Пипер надевает тюрбан, если его долбанет летающей тарелкой. А, каково?

– С бритвами по краям, Хатч. С бритвами, это заметь! – сказала Соня.

– Ну, если с бритвами, тогда конечно, – потух Хатчмейер. – С бритвами – это другое дело.

В гостиной было около сотни людей: все с бокалами и все

перекрикивали друг друга.

– Гости, – проревел Хатчмейер, перекрыв гомон, – привет вам всем от мистера Питера Пипера, главного английского романиста после Фредерика Форсайта!

Пипер кое-как улыбнулся и тряхнул головой с неподдельной скромностью. Он все-таки был не главный английский романист. Пока что не главный, и ему очень хотелось это сказать столпившимся поклонницам его таланта. Бэби знала, кого приглашать. На фоне их старческих прелестей ее собственные были как нельзя более привлекательны. Кругом были катаракты и лукавые бельма. Свисали груди, в отличие от бюстов; изобиловали вставные челюсти, пояса-корсеты, лечебные чулки; открытые части тела были исчерчены варикозными венами. И вокруг всякой дряблой шеи и пятнистого запястья сверкали камни, жемчужно-бриллиантовый доспех в золотой оправе, болтавшийся, брэнчавший и отвлекавший глаз от проигранной битвы со временем.

– О мистер Пипер, я всего лишь хотела сказать – какое наслаждение...

– Не могу выразить, сколько для меня значило...

– Какая радость встретиться с настоящим...

– Сколько вы сделали, чтобы сблизить... – И Пипера и Бэби подхватила восторженная толпа.

– Ух, дают, – сказал Хатчмейер, – и это всего-то в Мэне. А что будет в столицах?

– И думать не хочу, – отозвалась Соня, беспокойно следя за тюрбаном Пипера, то и дело исчезающим за высокими прическами.

– Да ну их всех в болото. Ишь накинулись. Ну, два-то миллиона мы, видать, шутя продадим. По машинному расчету после нью-йоркской встречи...

– Встречи? Это побоище ты называешь встречей? – мрачно осведомилась Соня. – Как только нас обоих не прикончили.

– Это было да, – сказал Хатчмейер. – Макморди я дам прибавку. С огоньком работает малый. Да, кстати, у меня к тебе предложение.

– Слышала я твои предложения, Хатч, и сказано тебе – нет.

– А у меня новое, – сказал он и увлек Соню к бару.

* * *

К тому времени, как Пипер подписал пятьдесят экземпляров

«Девства» и невзначай выпил четыре мартини, все его опасения куда-то делись. Восторг, с которым его приветствовали, отзыва не требовал. Восторг обуревал его с двух сторон: тощие женщины поднапряглись, толстые нежно ворковали. Им было довольно и улыбки Пипера. Только одна женщина с намеком упомянула о романе, и то Бэби тут же вмешалась.

– С тобой, говоришь, попробовать, Хлоя? А зачем бы это пробовать мистеру Пиперу? У него каждая минута на счету.

– Не всякой, стало быть, киске встряска, – заметила Хлоя, отвратительно подмигнув Пиперу. – А судя по книге мистера Пипера, он у нас такой кошкодав!..

Но Бэби оттащила Пипера, прежде чем тот услышал, какой он кошкодав.

– Почему кошкодав? – спросил он.

– Тоже мне киска выискалась, – сказала Бэби, а Пипер простодушно недоумевал, почему в Америке так по-живодерски относятся к кошкам.

– Я отвела вам спальню-будуар, – сообщила Бэби, когда они на пару с Соней эскортировали Пипера по ренессансной лестнице, – оттуда дивный вид на залив.

Войдя в спальню-будуар, Пипер осмотрелся. Первоначально это было сочетание удобства со средневековой простотой, но Бэби обставила спальню так, чтобы она будила чувственность. Сердцевидное ложе стояло на ковре радужной расцветки, почти таком же ярком, как кресло с оторочкой и трельяж в декоративном стиле. В дополнение ансамбля пышная и буйная гитана, топчась в танце на тумбочке, вздымала абажур с кистями, а у фарфорово-синей стены тускло поблескивал комод черного стекла. Пипер сел на постель и поднял глаза к массивным потолочным балкам. Они все-таки обнадеживали, как бы вопреки мишурному спальному убранству. Он разделся, почистил зубы, улегся и через пять минут заснул.

Однако через час он лежал с широко раскрытыми глазами. Сквозь стену за его стеганым изголовьем слышались голоса. Сначала Пипер не мог вспомнить, где он находится: голоса поведали ему об этом. Должно быть, супружеская опочивальня Хатчмейеров соседствовала со спальней-будуаром, а ваннные комнаты их сообщались. За следующие полчаса Пипер с отвращением узнал, что Хатчмейер носит бандаж, что Бэби не позволяет ему мочиться в умывальную раковину, что Хатчмейер плевать хотел на ее позволение и что покойница – мать Бэби, а ей самое место в могиле, – зачавши дочь, совершенно напрасно не сделала аборта; наконец, что однажды бедная Бэби запила снотворное из стакана с искусственной

челюстью Хатчмейера, который, может быть, соблаговолит все-таки не совать свои челюсти в аптечный стакан. От этих удручающих семейных неурядиц разговор перешел на чужие личности. Хатчмейер считал, что Соня – сногшибательная женщина, а Бэби не видела ничего сногшибательного в бабище, которая нагло прибрала к рукам одаренного милого несмышленища. Пипер не сразу узнал себя в этом описании и не успел решить, нравится ли оно ему, как Хатчмейер возразил, что он – сопля и английский хмырь, который случайно попал в струю и накатал ходкую книжонку. Такое мнение о себе Пиперу определенно не понравилось. Он сел в постели, запустил руку под юбки гитане и включил свет. Но супруги уже отвоёвались и заснули.

Пипер вылез из-под одеяла и, утопая в ковре, прошел к окну. Внизу, возле длинной узкой пристани, темнели силуэты яхты и большого прогулочного катера; по ту сторону залива смутно виднелась гора под звездным небом и мерцали огни ближнего городка. Волны плескали о каменистый берег; во всякое другое время Пипер непременно поразмыслил бы о красотах природы и о том, как пристроить их в будущий роман. Однако из-за Хатчмейера мысли его направились в другое русло. Пипер достал дневник и записал там, что Хатчмейер – это воплощение вульгарности, низости, глупости и всеобщей продажности современной Америки, а Бэби Хатчмейер, наоборот, обаятельная, тонко чувствующая женщина, прискорбный удел которой – быть замужем за грубым скотом. Потом он снова забрался в постель, прочел главу из «Нравственного романа», чтобы восстановить веру в человечество, и уснул.

* * *

За завтраком начались новые испытания. Соня еще не вышла, а Хатчмейер был донельзя дружелюбен.

– Что верно, то верно – читателя надо брать за причинное место, – сказал он Пиперу, который гадал, какой бы кашей лучше позавтракать.

– Зерновытяжка богаче всего витамином «Е», – заметила Бэби.

– Это для повышения полового тонуса, – сказал Хатчмейер. – А у Пипера он и так дай бог всякому, а, Пипер? Ему, наоборот, нужна пища поглубже.

– Всяческой грубости мистер Пипер отведаст твоими стараниями более чем достаточно, – сказала Бэби. Пипер опорожнил себе в тарелку

банку зерновытяжки.

– Словом, я говорю, – продолжал Хатчмейер, – читатель любит, чтобы его...

– Мистер Пипер и без тебя знает, что любит читатель, – сказала Бэби. – За завтраком ему слушать твои разглагольствования необязательно.

– Так вот, – старался не замечать жены Хатчмейер, – приходит малый с работы – что ему делать? Хлопнул пивка, посмотрел телевизор, поужинал – и в постель: на жену сил не хватает, ну и берешься за книгу...

– Зачем же за книгу, если не хватает на жену? – перебила Бэби.

– Так устал, что и спать неохота. Надо как-то вырубиться. Вот он берет книгу и воображает, что он не в Бронксе, а... где там у вас дело происходит?

– В Ист-Финчли, – сказал Пипер, давясь кашицей.

– В Девоне, – сказала Бэби. – Действие происходит в Девоне.

– В Девоне? – недоверчиво переспросил Хатчмейер. – С какой стати в Девоне, если он говорит, что в Ист-Финчли. Он писал, ему виднее.

– И в Девоне и в Оксфорде, – упорствовала Бэби. – У нее там большой дом, а он...

– Верно, верно, в Девоне, – подтвердил Пипер. – Я думал о своей второй книге.

– Да ладно, плевать где, – озлился Хатчмейер. – Стало быть, тот малый из Бронкса воображает, что он в Девоне, со старушенцией, которая от него без ума, и – хлоп! – сам не заметил, как уснул.

– Великое дело, подумаешь, – сказала Бэби. – Вряд ли мистер Пипер пишет затем, чтобы кому-то в Бронксе лучше спалось. Он изображает развитие отношений...

– Конечно, изображает, но...

– Неуверенность и колебания молодого человека, чьи чувства и эмоциональные реакции отклоняются от норм, принятых в среде его ровесников.

– Это само собой, – сказал Хатчмейер. – Он ненормальный и...

– Ничего в нем нет ненормального, – возразила Бэби. – Просто он очень одаренный юноша на стадии формирования личности, а Гвендолен...

И пока Пипер управлялся с зерновытяжкой, перепалка насчет замысла «Девства» не смолкала. Пипер «Девства» не писал, а Хатчмейер не читал, так что последнее слово осталось за Бэби. Хатчмейер ретировался к себе в кабинет, оставив Пипера наедине с женщиной, которая, как и он сам, считала его гением, но считала на ложном основании. Гением и милым несмышленьшем. Пипер не знал, так ли уж это хорошо, что он – милый

несмышленьш в глазах женщины, чьи прелести столь пугающе несогласны между собой. Накануне, при вечернем освещении, он дал ей лет тридцать пять. Теперь его взяли сомнения. Не стесненная лифчиком грудь была впору двадцатилетней; руки выглядели гораздо старше. А главное – лицо, напоминавшее маску, лишённое всякой индивидуальности, абсолютно правильное, неотличимое от тех двухмерных лиц, которые застывшим взглядом преследуют читателя со страниц журналов мод; напряжённое, безличное, отглаженное, оно странно притягивало его. И эти лазурные глаза... Пиперу невольно припомнилось «Византийское плавание» Йейтса – самоцветные певчие птицы-игрушки. Чтобы остановить головокружение, он прочел надпись на жестянке из-под зерновытяжки и обнаружил, что ввел в организм 740 мг. фосфора, 550 мг. калия, невероятное количество прочих насущно необходимых веществ плюс все разновидности витамина «Б».

– Витамина «Б» здесь, кажется, очень много, – заметил он, избегая ее влекущих глаз.

– Б-комплекс тонизирует, – проговорила Бэби.

– А что делает А-комплекс? – спросил Пипер.

– Витамины комплекса «А» размягчают слизистую, – отозвалась Бэби, и Пипер снова смутно ощутил опасный подтекст разговоров о питании. Он поднял взгляд от жестянки и опять оказался во власти неподвижного лица и лазурных глаз.

Глава 11

Соня Футл встала поздно. Она и вообще была не из ранних пташек, но в этот день заспалась дольше обычного. Вчерашняя усталость взяла свое. Соня спустилась по лестнице и обнаружила, что в доме никого нет, кроме Хатчмейера, который рычал в телефон у себя в кабинете. Она выпила кофе и пошла к нему.

– Не знаешь, где Пипер? – спросила она.

– Бэби его куда-то утащила. Скоро вернутся, – отмахнулся Хатчмейер. – Значит, насчет моего предложения...

– Да брось ты. «Френсик и Футл» – фирма надежная. Дела у нас идут хорошо. От добра добра не ищут.

– Я же тебе предлагаю замещение, – напомнил Хатчмейер, – и ты все-таки еще прикинь.

– Пока что я прикидываю, – перешла в наступление Соня, – сколько ты должен моему клиенту за увечье, психическую травму и публичный скандал, жертвой которого он вчера оказался по твоей вине.

– Увечье? Травму?! – не поверил ушам Хатчмейер. – Я ему сделал рекламу на весь мир, и я же еще ему должен?

– Да, компенсацию, – кивнула Соня. – Примерно двадцать пять тысяч.

– Двадцать пять... Да ты в уме? Я плачу за книгу два миллиона, а ты хочешь нагреть меня еще на двадцать пять тысяч?

– Хочу, – сказала Соня. – Согласно контракту мой клиент не обязывался претерпевать насилие, побои и смертельную опасность. И поскольку ты организовал это безобразие....

– Бог подаст, – сказал Хатчмейер.

– В таком случае я посоветую мистеру Пиперу отказаться от турне.

– Только попробуйте, – заорал Хатчмейер. – Я с вас семь шкур спущу за нарушение контракта! Я его без штанов оставлю! Я ему такую козью морду...

– Деньги на бочку, – сказала Соня, усаживаясь и выставив коленки на обозрение.

– Вот, ей-богу, – восхищенно сказал Хатчмейер, – ну, у тебя и хватка.

– Есть кое-что и кроме хватки, – сообщила Соня и поддернула юбку выше. – Имеется второй роман Пипера.

– Который запродаан мне на корню.

– Это еще вопрос, Хатч, сумеет ли он его дописать. Будешь так с ним

обращаться – обмишуришься почище, чем твои собратья со Скоттом Фитцджеральдом. Он очень ранимый и...

– Ладно, слышали уже от Бэби. Робкий, ранимый, как же! Что-то он пишет без особой робости: похоже, шкура у него толще, чем у носорога.

– Да ты же не читал, что он пишет, – сказала Соня.

– Мне и незачем читать. Макморди – тот читал и говорит, что чуть не стравил. А чтобы Макморди стравил...

Они смачно бранились до самого обеда, наращивая и сравнивая ставки в том торгашеском покере, который был их обоюдным призванием.

Хатчмейер, конечно, не раскошелился, а Соня на это ничуть не рассчитывала. Она просто отвлекала его внимание от Пипера.

* * *

Зато вниманием Бэби Пипер обделен не был. После завтрака они прогулялись по берегу до павильона, и она утвердилась во мнении, что наконец-то напала на гениального писателя. Пипер не смолкая говорил о литературе, и по большей части столь невразумительно, что Бэби была потрясена до глубины души и ощутила прикосновенность к заветным таинствам культуры. Пипер вынес иные впечатления: он радовался, что у него такая внимательная, увлеченная слушательница, и одновременно недоумевал, как эта понимающая женщина может не видеть всей омерзительности якобы написанной им книги. Он поднялся к себе и хотел было извлечь дневник, когда вошла Соня.

– Надеюсь, ты не сболтнул лишнего, – сказала она. – Эта Бэби – просто упырь.

– Упырь? – удивился Пипер. – Она глубоко чувствующая...

– Упыриха в парчовых штанах. И чем же вы занимались все утро?

– Пошли погулять, и она говорила мне, как важно беречь себя.

– Да уж, с первого взгляда видно, что себя она бережет пуце всего на свете. Одно лицо чего стоит.

– Она говорит, что все дело в том, чтобы правильно питаться, – сказал Пипер.

– И стряхивать пыль с ушей, – сказала Соня. – В следующий раз, как она улыбнется, посмотри на ее затылок.

– На затылок? Зачем это?

– А увидишь, как натянута кожа. Если эта женщина засмеется, с нее

скальп слезет.

– Ну, во всяком случае она гораздо приятнее Хатчмейера, – заключил Пипер, не забывший, как его честили прошлой ночью.

– Хатч – это моя забота, – сказала Соня, – тут все просто. Пока что он у меня в руках, а ты вот как бы не напортил, если будешь строить глазки его жене и разглагольствовать о литературе.

– Не строил я никаких глазок миссис Хатчмейер, – возмутился Пипер. – Мне бы это никогда в голову не пришло.

– Зато ей пришло, и она тебе строила, – сказала Соня. – И вот еще что: не снимай-ка ты тюрбана. Тебе идет.

– Может и идет, но мне очень неудобно.

– Будет куда неудобнее, если Хатч заметит, что никакой тарелкой тебя не задело, – сказала Соня.

Они спустились к обеду, который прошел гораздо легче завтрака, потому что Хатчмейеру позвонили из Голливуда, и он явился, лишь когда они уже пили кофе, явился и с подозрением поглядел на Пипера.

– О такой книге «Гарольд и Мод» – слышали? – спросил он.

– Нет, – сказал Пипер.

– А в чем дело? – вмешалась Соня.

– А дело в том, – ответил Хатчмейер, зловеще взглянув на нее, – что есть, к вашему сведению, такая книга «Гарольд и Мод», где ему восемнадцать, а ей восемьдесят, и эту книгу, между прочим, уже экранизировали. Вот в чем дело. И хотел бы я знать, как это никто не сказал мне, что я выкладываю денежки за роман, который написан без всякого Пипера и...

– Ты хочешь обвинить мистера Пипера в плагиате? – спросила Соня. – Если да, то учти...

– В плагиате? – взревел Хатчмейер. – Я вам дам – в плагиате! Я говорю – вся история содрана, а меня провели как последнего сопляка и подсунули...

Бэби прервала Хатчмейера, полиловевшего от ярости.

– Если ты собираешься стоять тут и оскорблять мистера Пипера, то я не намерена сидеть и слушать тебя. Пойдемте, мистер Пипер. Оставим этих двоих...

– Стой! – завопил Хатчмейер. – За свои два миллиона я желаю знать, что на это скажет мистер Пипер. Как он будет...

– Уверяю вас, что я не читал романа «Гарольд и Мод», – сказал Пипер, – и даже впервые слышу о нем.

– Могу за это поручиться, – поддержала Соня. – Да и разница

огромная. Там вовсе не о том...

– Пойдемте, мистер Пипер, – повторила Бэби и повела его к дверям. Хатчмейер и Соня остались кричать друг на друга; Пипер шагом лунатика пересек гостиную и рухнул в кресло, бледный как смерть.

– Я знал, что это сорвется, – пробормотал он. Бэби недоуменно поглядела на него.

– Что сорвется, деточка? – спросила она. Пипер уныло потряс головой. – Вы же не списывали из этой книги?

– Нет, – сказал Пипер. – Я о ней даже впервые слышу.

– Ну, тогда и беспокоиться не о чем. Мисс Футл с ним сама все утрясет. Они друг другу под стать. А вы бы лучше пошли отдохнули.

Пипер скорбно побрел навверх вслед за нею. Бэби задумчиво отправилась к себе в спальню и включила всю свою интуицию. Она села на тахту, так и сяк обдумывая его слова: «Я знал, что это сорвется». Странно. Что сорвется? Одно было ясно: про «Гарольда и Мод» он слышал впервые. Тут его устами говорила сама искренность, а Бэби Хатчмейер наслушалась довольно фальшивых речей, чтоб распознавать искренние по первому звуку. Немного погодя она выглянула в коридор, подошла к двери Пипера и тихонько приотворила ее. Пипер сидел спиной к ней за столиком у окна. Возле его локтя стояла чернильница, перед ним была раскрыта большая книга в кожаном переплете: он писал. Бэби прониклась этим зрелищем, бесшумно прикрыла дверь и вернулась на свою водяную тахту. Она видела подлинного гения за работой. Современного Бальзака. Снизу все еще доносились раскаты голосов Хатчмейера и Сони Футл. Бэби откинулась на подушку и уставилась в пространство, исполненная ужасающего сознания собственной бесполезности. В комнате рядом одинокий писатель трудился, чтобы передать ей и миллионам ей подобных всю значительность своих мыслей и чувств, трудился над созданием мира, укрупненного его воображением, где возникали и плыли в будущее «красы творенья на радость людям». А внизу эти два торгаша вздорили, грызлись и волокли его труды на рынок. Она же бездействовала. Никчемное она существо, эгоистичное и жалкое. Она повернулась лицом к гравюру Тречикова и вскоре уснула.

Пробудившись через час, она услышала разговор в соседней комнате, глухой и невнятный. Говорили Соня и Пипер. Она прислушалась, но ничего не разобрала. Потом стукнула дверь, и удаляющиеся голоса зазвучали в коридоре. Бэби встала с тахты и прошла в ванную, а оттуда к Пиперу. Книга в кожаном переплете была оставлена на столе, из-за которого получасом позже Бэби встала другой женщиной. Она вернулась опять через ванную,

заперла ее за собой и села перед зеркалом, лелея чудовищный замысел.

* * *

Замыслы Хатчмейера тоже были довольно чудовищны. После перебранки с Соней он отправился к себе в кабинет, чтобы вытрясти по телефону душу из Макморди за «Гарольда и Мод»; но день был субботный, и Макморди вместе со своей душой болтался неизвестно где. Хатчмейер даже позвонил ему домой – телефон не отвечал. Он бросил трубку, пыхтя от злости и пытаясь раскусить Пипера. Что-то с ним было неладно, а что – никак не ухватишь; не такой он автор, который сочиняет тухлую похабщину; чудной он, что ли, какой-то. У Хатчмейера зародились неясные подозрения. Сколько он перевидал писателей – ни один не был похож на Пипера, то есть ничуть. Все они как заведенные болтали о своих книгах. А этот Пипер... надо бы потолковать с ним с глазу на глаз, заправить его как следует – может, язык и развяжется. Но, выйдя из кабинета, он застал Пипера в женском окружении: Бэби, наново размалеванной, и Сони, которая тотчас сунула ему книгу.

– Что это такое? – отпрянул Хатчмейер.

– «Гарольд и Мод», – сказала Соня. – Мы с Питером купили ее для тебя в Белсуорте. Прочти – и сам увидишь...

– Он? Прочтет?! – Бэби издала визгливый смешок.

– Заткнись, – сказал Хатчмейер. Он налил полный стакан виски и протянул его Пиперу. – Виски, Пипер?

– Спасибо, не надо, – сказал Пипер. – Сегодня нет настроения.

– В первый раз вижу писателя, который не пьет, – поразился Хатчмейер.

– В первый раз видишь настоящего писателя – и точка, – сказала Бэби. – Думаешь, Толстой пил?

– Отвяжись, – сказал Хатчмейер. – Откуда я знаю?

– У тебя там стоит прекрасная яхта, – попыталась сменить тему Соня. – Я и не знала, что ты яхтсмен, Хатч.

– Какой он яхтсмен? – фыркнула Бэби прежде, чем Хатчмейер успел заявить, что быстrophодней его яхты ни за какие деньги не купишь и что он обставит на пари любого, кто скажет, будто это не так. – У него все показное. И дом, и соседи, и...

– Заткнись, – сказал Хатчмейер.

Пипер удалился в свой будуар записать еще несколько убийственных фраз о Хатчмейере. Когда он спустился к ужину, лицо Хатчмейера было багровее обычного и настроен он был сверхсклочно. Особенно взъярила его откровенность Бэби насчет их семейной жизни: она обсуждала с Соней, как женщина с женщиной, что это значит, когда пожилой муж вдруг ни с того ни с сего напяливает бандаж, и как это влияет на мужской климакс. Его обычное «заткнись» не сработало. Бэби отнюдь не заткнулась, а перешла к другим, еще более интимным подробностям, и когда Пипер вошел в гостиную, Хатчмейер как раз советовал ей пойти утопиться. Пипер же был вовсе не намерен мириться с хатчмейеровским хамством. За годы холостяцкой жизни и чтения великих романов он проникся почтением к Женщине и усвоил очень твердый взгляд на мужские обязанности в браке: совет жене пойти утопиться явно шел вразрез с этими обязанностями. К тому же откровенное торгашество Хатчмейера и его заявление, будто читателей только и надо подзуживать снизу, возмутили его еще с утра. Пипер, напротив, полагал, что надо стимулировать читательское восприятие и что подзуживание снизу восприятие никак не стимулирует. Он решил подчеркнуть это за обедом, и случай вскоре представился: Соня, опять же чтобы сменить тему, упомянула «Долину кукол». Хатчмейер, в надежде избежать дальнейших постыдных разоблачений, сказал, что это великая книга.

– Совершенно с вами не согласен, – возразил Пипер. – Она потакает вкусу публики к порнографии.

Хатчмейер подавился холодным омаром.

– Она – чего? – переспросил он, откашлявшись.

– Потакает вкусу публики к порнографии, – повторил Пипер, который книги не читал, но видел ее суперобложку.

– Вкусу потакает? – сказал Хатчмейер.

– Да.

– Ну, и чем же плохо потакать вкусам публики?

– Это деморализует, – сказал Пипер.

– Деморализует? – спросил Хатчмейер, обмеривая его взглядом и все больше накаляясь.

– Именно.

– Так, а что же прикажете публике читать, если не то, чего она хочет?

– Ну, я думаю, – сказал Пипер и осекся, получив под столом пинок от Сони.

– Я думаю, мистер Пипер думает... – сказала Бэби.

– Плевать, что ты думаешь, что он думает, – рявкнул Хатчмейер. – Я

хочу слышать, что Пипер думает, что он думает. – И он выжидательно посмотрел на Пипера.

– Я думаю, что не следует подвергать читателей воздействию книг, лишенных интеллектуального содержания, – сказал Пипер, – и распалющихся воображение сексуальными фантазиями, которые...

– Распалющихся сексуальные фантазии? – взревел Хатчмейер, прерывая цитату из «Нравственного романа». – Это вы здесь сидите и говорите мне, что вы против книг, которые распалют сексуальные фантазии – написав самую похабную книгу со времен «Последней вылазки в Бруклин»?

– Да, если на то пошло, сижу и говорю, – принял вызов Пипер. – И опять-таки, если на то пошло...

Соня решила, что пора действовать. С мгновенной находчивостью она потянулась за солонкой и опрокинула кувшин воды на колени Пиперу.

– Нет, ты что-нибудь подобное слышала? – спросил Хатчмейер, когда Бэби пошла за новой скатертью, а Пипер отправился переодевать брюки. – Это у него-то хватает наглости говорить мне, что я не имею права издавать...

– Да не обращай ты на него внимания, – сказала Соня. – Он не в себе. Это все вчерашняя передряга. Ему же голову задело – вот он слегка и повредился.

– Ах, ему голову повредило? А я вот ему задницу почию! Я, значит, издаю порнографию? Да я ему покажу...

– Ты лучше покажи мне свою яхту, – сказала Соня, облокотившись сзади Хатчмейеру на плечи, чтобы, во-первых, помешать ему вскочить и кинуться за Пипером, а во-вторых, намекнуть на свою готовность заново послушать его уговоры. – Почему бы нам с тобой не о прокатиться по заливу?

Хатчмейер подчинился ее тяжеловесной умильности.

– Кого он вообще из себя строит? – задал он неведомо для себя крайне уместный вопрос. Соня не ответила: она ухватила его под руку, обольстительно улыбаясь. Они вышли на террасу и спустились по тропке к пристани.

Бэби стояла у окна гостиной и задумчиво смотрела им вслед. Она понимала теперь, что Пипер – тот самый человек, которого она ждала, писатель неподдельного достоинства, настоящий мужчина, способный даже втрезве постоять за себя и сказать в лицо Хатчмейеру, что он думает о нем и его издательской кухне. Человек, который признал в ней тонкую, умную и восприимчивую женщину: это она своими глазами прочла у него в

дневнике. Пипер восторгался ею так же безудержно, как поносил Хатчмейера – грубого, тупого, неотесанного и своекорыстного кретина. Правда, упоминания о «Девстве» несколько озадачили Бэби: особенно фраза, где оно было названо отвратительной книжонкой. Поскольку речь шла о собственном детище, то это звучало чересчур беспристрастно; и хотя Бэби была здесь не согласна с Пипером, но оценила его еще выше. Он, стало быть, недоволен собой: верный признак преданного своему делу писателя. Глядя сквозь лазурные контактные линзы на медленно отчаливавшую яхту, Бэби Хатчмейер сама исполнилась преданности поистине материнской, почти восторженной. С бездельем и бессмыслицей покончено. Отныне она заслонит собою Пипера от изуверской тупости Хатчмейеров мира сего. Она была счастлива.

Чего никак нельзя сказать о Пипере. Прилив отваги, бросивший его на Хатчмейера, схлынул; им овладела жуткая и горестная растерянность. Он снял мокрые брюки и сел на постель, раздумывая, что же теперь делать. Не надо было покидать пансион Гленигл в Эксфорте. Не надо было слушаться Френсика и Сони. Не надо было ехать в Америку. Не надо было предавать свои литературные принципы. Закат померк, и Пипер наконец пошел искать сменную пару брюк, когда в дверь постучали и вошла Бэби.

– Вы были изумительны, – сказала она, – просто изумительны.

– Очень приятно это слышать, – отозвался Пипер, заслоня роскошным креслом свои подштанники от миссис Хатчмейер и понимая при этом, что если можно еще больше взбесить мистера Хатчмейера, то именно такой сценой.

– И я хочу, чтоб вы знали, как я ценю ваше мнение обо мне, – продолжала Бэби.

– Мнение о вас? – переспросил Пипер, копаясь в шкафу.

– Записанное в вашем дневнике, пояснила Бэби. – Я знаю, я не должна была...

– Что? – пискнул из-за дверцы шкафа Пипер. Он как раз отыскал подходящие брюки и влезал в них.

– Я не устояла, – сказала Бэби. – Он лежал раскрытый на столе, и я...

– Значит, вы все знаете, – проговорил Пипер, появляясь из шкафа.

– Да, – сказала Бэби.

– Господи, – вздохнул Пипер и опустился на тумбочку. – И вы ему расскажете?

– Нет, это останется между нами, – покачала головой Бэби. Пипер подумал над этим заверением и нашел его не слишком надежным.

– Это ужасно гнетет, – сказал он наконец. – То есть гнетет, что некому

выговориться. Не Соне же – какой в этом толк?

– Да, вероятно, никакого, – согласилась Бэби, ничуть не сомневаясь, что мисс Футл вряд ли будет приятно слышать, как умна, тонка и восприимчива другая женщина.

– Хотя она все-таки в ответе, – продолжал Пипер. – Ведь это же была ее идея.

– Вот как? – сказала Бэби.

– Ну да, и она сказала, что все прекрасно обойдется, но я-то знал с самого начала, что не выдержу притворства.

– По-моему, это лишь делает вам честь, – заметила Бэби, усиленно пытаясь сообразить, что имела в виду мисс Футл, уговаривая Пипера притвориться, что он... Нет, выходила головоломная путаница. – Знаете, пойдете-ка вниз, выпьем чего-нибудь, и вы мне все расскажете.

– Да, мне нужно выговориться, – сказал Пипер, – но разве их там нет, внизу?

– Нет, они уплыли на яхте. Нас никто не потревожит.

Они спустились по лестнице и прошли в угловую комнатку с балконом над скалами, которые обдавал прибой.

– Это мое потаенное гнездышко, – сказала Бэби, указывая на книжные ряды вдоль стен. – Здесь я могу быть самой собой.

Она налила виски в два бокала, а Пипер окинул корешки печальным взглядом. На полках царила такая же неразбериха, как в его жизни; всеядность хозяйки была поразительной. Мопассан склонился на Хейли, а тот подпирал Толкиена, и Пипер, взрастивший свое «я» на нескольких великих писателях, не мог себе представить, как можно быть самим собою в этой мешанине книг. К тому же среди них преизобиловали детективы и прочие боевики, а Пипер относился к развлекательной беллетристике очень сурово.

– Расскажите же мне все по порядку, – вкрадчиво попросила Бэби, пристраиваясь на софе. Пипер отхлебывал из бокала и думал, с чего бы начать.

– Видите ли, я пишу уже десять лет, – сказал он наконец, – и...

За окнами сгущалась ночь, когда Пипер повел свой рассказ. Бэби сидела и слушала как зачарованная. Это было лучше всяких книг. Это была жизнь, не та жизнь, какую она знала, а та, о какой всегда мечтала: волнующая и таинственная, рискованная и ненадежная, тревожащая воображение. Она подливала в бокалы, и Пиперу, возбужденному ее сочувствием, говорилось куда более складно, чем обычно писалось. Он рассказывал историю жизни непризнанного гения, одиноко ютящегося в

мансарде за мансардой, созерцающего беспокойное море, недели, месяцы и годы выводящего виденные ею в дневнике восхитительные завитушки, чтобы изъяснить пером на бумаге смысл жизни, раскрыть ее тайные глубины.

Бэби смотрела ему в лицо и окружала рассказ иным ореолом. Желтые туманы заволакивали Лондон. По набережным, где вечерами прогуливался Пипер, зажигались редкие и тусклые газовые фонари. Бэби черпала из полузабытых романов все новые и новые подробности. Наконец появились злодеи, мишурные диккенсовские негодяи, Феджины литературного мира, именуемые нынче Френсик и Футл с Ланьярд-Лейна: они выманили гения из мансарды лживыми посулами. Ланьярд-Лейн! Одно это название переносило Бэби в легендарный Лондон. И «Ковент-Гарден». Но главное – сам Пипер, одиноко стоящий на скале над буйством волн с ветром в волосах и устремляющий взор за Ла-Манш. Вот он сидит перед нею во плоти, с изможденным печальным лицом и измученными глазами, такой же пока неведомый миру гений, как Ките, Шелли и многие-многие другие поэты, которых смерть настигла в молодости. А между ним и грубой, жестокой действительностью – хатчмейерами, френсиками, футлами – только она, Бэби. Впервые в жизни она почувствовала себя нужной. Без нее его загонят, затравят, доведут до... Бэби мысленно предрекла самоубийство или безумие и уж наверняка – беспросветное, безнадежное будущее, ведь Пипер неминуемо станет добычей всех этих ненасытных торгашей, которые сговорились опорочить его. В воображении Бэби разворачивались мелодрамы.

– Этого нельзя допустить, – порывисто сказала она, когда Пипер истощил запасы самосострадания. Он скорбно поглядел на нее.

– Что же мне делать? – спросил он.

– Вы должны бежать, – сказала Бэби, подошла к балконным дверям и распахнула их настежь. Пипер с сомнением поглядел на ночной пейзаж. Ветер разбушевался; волны обрушивались на скалы у подножия дома – природа словно подыгрывала нехитрой повести Пипера. Порыв ветра подхватил шторы и взметнул их к потолку. Бэби стояла между ними, озирая темную морскую даль. В душе ее вспыхивали романтические образы. Ночное бегство. Лодчонка во власти морской пучины. Огромный дом, сверкающий в ночи, и влюбленные в объятиях друг друга. Она видела себя в новом обличье: не постылой женой богатого издателя, созданием рутины и хирургических ухищрений, а героиней великого романа: «Ребекка», «Джейн Эйр», «Унесенные ветром». Она обратила к Пиперу лицо, преображенное решимостью. Глаза ее сверкали, рот был сурово поджат.

– Бежим вместе, – сказала она и протянула руку, которую Пипер осторожно взял.

– Вместе? – спросил он. – То есть...

– Да, вместе, – сказала Бэби. – Ты и я. Сейчас же. И повлекла Пипера за собой через гостиную.

Глава 12

Посреди залива Хатчмейер боролся со штурвалом. Вечер выпал не слишком удачный. Мало ему было оскорблений от собственного автора – чего не случилось ни разу за все двадцать пять лет его издательской карьеры, – нет, теперь он и вовсе оказался непроглядной ночью на яхте в хвосте тайфуна с экипажем навеселе – пьяной женщиной, которой море было по колено.

– Ура! – закричала она, когда яхту вскинуло и волна разбилась о палубу, – Англия, встречай сынов!

– Нет уж, дудки! – сказал Хатчмейер и бросил штурвал, чтобы, чего доброго, и в самом деле не уплыть в Атлантику. Он стал вглядываться в темноту, потом посмотрел на компас. В этот миг «Ромэн дю Руа» круто развернуло; поток воды обрушился на палубу и хлынул в кубрик. Хатчмейер с руганью припал к штурвальному колесу. В темноте рядом с ним завизжала Соня, от страха или от восторга – Хатчмейер не знал и знать не хотел. Он был профан в мореходстве, но все же смутно припомнил, что в шторм вроде бы убирают паруса. Штормы надо пережить.

– Держи колесо! – крикнул он Соне и пошлепал в каюту за ножом. Когда он вылезал, новая волна накрыла кубрик и хлестнула ему в лицо.

– Это тебе зачем? – спросила Соня. Хатчмейер взмахнул ножом и схватился за леер.

– Чтоб нам в берег не врезаться! – прокричал он, когда яхта вдруг бешено понеслась вперед. Он прополз по палубе, рубя канаты направо и налево, и вскоре забарахтался среди обвисшей парусины. Когда он высвободился, яхту уже не мчало; она плясала на месте.

– Ну и зря, – сказала Соня. – Мне все это здорово нравилось.

– А мне нет, – сказал Хатчмейер, вперившись взглядом в темноту. Понять, где они находятся, было невозможно. Небо нависло черным пологом, а огни вдоль берегов куда-то подевались. Деться им было некуда: стало быть, яхта в открытом море.

– Господи, – угрюмо сказал Хатчмейер. Соня весело играла со штурвалом. Шторм, океан, темная ночь – приключение хоть куда. Это будило в ней боевой настрой – есть с чем помериться силами. Кроме того, уныние Хатчмейера было ей на руку. Вот она и отвлекла наконец его мысли от Пипера, а заодно и от самой себя. Шторм на море не благоприятствует соблазнительям, и попытки Хатчмейера в этом направлении были довольно

неуклюжи, тем более что Соня сразу налегла на шотландское виски. И теперь, когда их вздымало и опускало на волнах, она была в море как дома.

Пересидим шторм и осмотримся, – сказал Хатчмейер, но Соня жаждала действия.

– Запусти мотор, – сказала она.

– За каким чертом? Мы же не знаем, где мы. Еще угодим на мель.

– Мне нужно, чтоб ветер трепал мои волосы и пенные брызги летели в лицо, – продекларировала Соня.

– Пенные брызги? – сипло переспросил Хатчмейер.

– И чтоб настоящий мужчина твердо стоял у руля...

– Мужчина у руля – это можно, – сказал Хатчмейер, отбирая у нее штурвал.

– Да, настоящий мужчина – соль в жилах и сердце как парус. Чтоб заиграла кровь.

– Кровь чтоб заиграла, – проворчал Хатчмейер. – Погоди, вот напоремся на скалу – заиграет у тебя кровь. Черт меня дернул тебя послушаться. Это же надо – выйти в море в такую ночь.

– А ты бы не меня слушал, а прогноз погоды, – сказала Соня. – Прогноз погоды надо слушать, а не меня. Я всего-то и сказала...

– И так помню, что ты сказала. «Давай покатаемся по заливу». Называется «все-то».

– Вот и катаемся. Бросаем вызов стихиям. По-моему, так просто все замечательно.

Хатчмейер не видел в этом ничего замечательного. Мокрый, иззябший и замызганный, он держался за штурвал и выискивал глазами в темноте береговую линию. Ее нигде не было.

«Шла бы ты к стихиям со своим вызовом», – горько думал Хатчмейер и удивлялся, почему женщины вообще так легко отрываются от действительности.

* * *

Его размышления нашли бы отклик в душе Пипера. Бэби и впрямь преобразилась. Вместо чуткого и восприимчивого существа, описанного в его дневнике, перед ним была необычайно хваткая, напористая женщина, во что бы то ни стало решившая вытащить его из дому среди ненастной, совершенно не располагающей к бегству ночи. Вдобавок она твердо

вознамерилась бежать вместе с ним; а такой поступок, на взгляд Пипера, настолько ухудшил бы его натянутые отношения с мистером Хатчмейером, что тут, пожалуй, и бегством не спасешься. Он излагал это Бэби по пути вслед за нею из гостиной в холл.

– Но ведь не можем же мы так просто уйти вдвоем среди ночи? – возражал он, остановившись на мозаичном изображении котла кипящей целлюлозы. Хатчмейер сверлил его глазами с громадного портрета на стене.

– Почему не можем? – спросила Бэби, чей мелодраматический накал под этими возвышенными сводами, казалось, еще усилился.

Пипер поискал убедительный ответ и не нашел ничего лучше, чем сказать, что Хатчмейеру это, очевидно, не понравится. Бэби злоеце расхохоталась.

– Ничего, проглотит, – сказала она, и прежде чем Пипер успел заметить в ответ, что такое испытание глотательных способностей Хатчмейера чревато убытками лично для него, Пипера, и что он все же предпочел бы дальше морочить Хатчмейеру голову насчет авторства «Девства», нежели рисковать куда больше, сбежав с его женой. Бэби снова схватила его за руку и потащила вверх по ренессансной лестнице.

– Собирайся как можно скорее, – сказала она шепотом перед дверью спальни-будуара.

– Конечно, однако... – Пипер тоже невольно перешел на шепот. Но Бэби уже исчезла. Пипер вошел в спальню и зажег свет. Его чемодан, привалившийся к стене, был чужд всякой мысли о бегстве. Пипер затворил дверь и стал размышлять, как быть дальше. Эта женщина просто с ума сошла, если думает, что он... Пипер побрел через комнату к окну, пытаясь убедить себя, что все это происходит не с ним. Жуткое ощущение галлюцинации возникло у него, еще когда он ступил на берег в Нью-Йорке. Кругом какие-то оголтелые безумцы, тут же претворяющие в действие любой свой бред. «Стреляют с первого взгляда» – это выражение, пришедшее ему на ум, претворилось в действительность через пять минут, когда Пипер, оставив раскрытый чемодан, открыл дверь будуара, высунул голову в коридор и завидел Бэби с большим револьвером в руке. Он живо попятился; еще миг – и она вошла.

– Положи-ка это к себе, – сказала она.

– Это положить? – спросил Пипер, не отводя глаз от револьвера.

– На всякий случай, – сказала Бэби. – Мало ли, кто знает.

Пипер знал. Он боком обошел ложе и замотал головой.

– Поймите же... – начал он, но Бэби уже выдвигала ящики туалетного

столика и бросала его белье на постель.

– Не трать время на разговоры. Бери чемодан, – сказала она. – Ветер стихает. Они могут вернуться в любую минуту.

Пипер с надеждой поглядел на окно. Если бы они вернулись сейчас, пока еще не поздно...

– Я все-таки думаю, нам это нужно еще обсудить, – сказал он. Бэби оставила ящики и повернулась к нему. Ее туго натянутое лицо было озарено светом несбыточных мечтаний. Она стала сразу всеми героинями всех прочитанных романов, всеми женщинами, которые гордо следовали за мужьями в Сибирь или по пепелищам опустошенного Гражданской войной Юга. Она их превосходила: она вдохновляла и охраняла этого несчастного юношу и отнюдь не собиралась упустить свою единственную возможность самоутверждения. Позади оставался Хатчмейер, годы, проведенные в рабстве у скуки и фальши, годы косметических операций и наигранных увлечений; впереди был Пипер, сознание своей нужности, новая жизнь, наделенная смыслом и значением, посвященная молодому гениальному писателю. И в этот наивысший жертвенный миг, венчающий долгие годы ожидания он заколебался. Глаза Бэби наполнились слезами; она с мольбой воздела руки.

– Неужели ты не понимаешь, что это значит? – спросила она. Пипер беспомощно глядел на нее. Он отлично понимал, что это значит. Он был один на один в огромном доме с ополоумевшей женою самого богатого и самого влиятельного американского издателя, и она предлагала ему, Пиперу, совместное бегство. Если он не согласится, она почти наверняка расскажет Хатчмейеру подлинную историю «Девства» или изобретет что-нибудь не менее устрашающее – например, что он ее пытался соблазнить. А тут еще и револьвер, лежавший на постели, куда она его бросила. Пипер искоса глянул на него; тем временем Бэби шагнула вперед, роняя слезы и обронив вместе с ними одну контактную линзу. Она пошарила рукой по покрывалу и наткнулась на револьвер. Пипер больше не колебался. Он схватил чемодан, шлепнул его на постель поверх револьвера и принялся торопливо укладываться. Он не останавливался, пока не было уложено все: рубашки, брюки, гроссбухи, ручки и бутылка Уотерменовских Полуночных чернил. Наконец он сел на чемодан, замкнул его и только тогда повернулся к ней. Бэби все еще шарилась по постели.

– Не могу найти, – сказала она. – Никак не могу найти.

– Оставим, нам это не понадобится, – сказал Пипер, надеясь избежать хотя бы близкого знакомства с огнестрельным оружием.

– Нет, надо найти, – сказала Бэби. – Я не могу без этого.

Пипер убрал чемодан с постели, и Бэби тут же нашла контактную линзу. И револьвер. Одной рукой сжимая оружие, другой вправляя линзу, она последовала за Пипером в коридор.

– Снеси чемодан вниз и возвращайся за моими вещами, – велела она и пошла к себе в спальню. Пипер сошел по лестнице, выдержал горящий взор портрета Хатчмейера и вернулся. Бэби стояла в манто возле своей водяной тахты. Рядом с нею стояли шесть больших дорожных чемоданов.

– Слушайте, – сказал Пипер, – вы уверены, что вам это в самом деле...

– Да, сто раз да, – сказала Бэби. – Я всегда об этом мечтала – оставить эту... эту фальшь и начать заново.

– А вы не думаете?.. – попытался опять Пипер, но Бэби не думала. Великолепным прощальным жестом она подняла револьвер и выстрелила по тахте – раз, другой, третий... Взметнулись фонтанчики воды и комната огласилась гулким эхом выстрелов.

– Символически, – сказала она и швырнула револьвер в угол. Но Пипер этой реплики уже не слышал. Он схватил по три чемодана в каждую руку и поволок их в коридор; от револьверной пальбы ему заложило уши. Теперь-то он точно знал, что она свихнулась; а истекавшая водой тахта напомнила ему о собственной брэнности. У подножия лестницы он остановился, тяжело пыхтя. Бэби следовала за ним – призрак в манто.

– Что теперь? – спросил он.

– Возьмем катер, – сказала она.

– Катер?

Бэби кивнула, и перед ее мысленным взором снова зажглись романтические картины. Бежать ночью по воде было совершенно необходимо.

– Но ведь они... – начал Пипер.

– Они собьются со следа, – сказала Бэби. – А мы пристанем южнее и купим машину.

– Машину? – переспросил Пипер. – Но у меня нет денег.

– У меня есть, – сказала Бэби и прошла через гостиную к боковой двери, от которой был сход на пристань. Пипер волок чемоданы за нею. Ветер приутих, но пенистая вода тяжело вздымалась, хлюпая у свай, плеща о скалы и обдавая брызгами Пипера.

– Грузи чемоданы, – сказала Бэби. – Я сейчас вернусь.

Пипер помедлил, оглядывая залив со смешанным чувством. Он и сам не знал, хочется ему или нет, чтобы среди волн появилась яхта с Хатчмейером и Соней. Но яхта не появлялась. Наконец он сбросил чемоданы на катер и увидел Бэби с саквояжем в руках.

– То, что мне причитается, – объяснила она. – Из сейфа.

Подобрав манто, она спустилась на катер и подошла к щитку.

– Мало горючего, – сказала она. – Может не хватить.

Вскоре Пипер курсировал между катером и бензохранилищем в дальнем конце заднего двора. Было темно, он то и дело спотыкался.

– Может быть, хватит? – спросил он после пятого похода, передавая Бэби канистры с бензином.

– Как бы не просчитаться, – ответила она. – А то еще кончится бензин посреди залива.

Пипер снова побрел к бензохранилищу. Он ничуть не сомневался, что совершил ужасную ошибку. Надо было слушать Соню. Она сказала, что Бэби – упырь, и была права. Полоумный упырь. Вот он теперь таскает посреди ночи на катер канистры с бензином – как это понимать? Романисту это даже отдаленно не пристало. Томас Манн скорее умер бы, чем опустился до такого. Д. Г. Лоуренс – тоже. Вот я разве что Конрад – но и тот вряд ли. Пипер мысленно просмотрел «Лорда Джима» и не нашел там ничего утешительного, ничего оправдывающего его безумное занятие. Да, именно безумное. Стоя в бензохранилище с двумя канистрами в руках, Пипер заколебался. Нет, всякий порядочный романист погнушался бы участвовать в таком деле. Так-то так, но ведь в его положение они не попадали. Правда, Д. Г. Лоуренс сбежал, помнится, с чьей-то женой Фридой, но сбежал по собственному почину и вообще был в нее влюблен Питер безусловно не был влюблен в Бэби и делал то, что делал, не по собственному почину. Отнюдь. Перебрав предшественников, Пипер стал раздумывать, как бы не посрамить их. В конце концов, не зря же он десять лет жизни пробыл великим романистом. Он займет нравственную позицию. Что, однако, легче сказать, чем сделать. Бэби Хатчмейер – не из тех женщин, которые такую нравственную позицию оценят. А объясняться времени нет. Лучше всего, пожалуй, остаться здесь и к катеру больше не ходить. Пусть Хатчмейер и Соня, вернувшись, застанут ее там. Трудновато ей будет объяснить, что она делает на борту катера с упакованными чемоданами и десятью пятигаллонными канистрами бензина возле рубки. По крайней мере, она не сможет утверждать, будто он пытался увлечь ее – если сбежать с чужой женой, значит ее увлечь. Нет, не сможет – раз его с нею нет. Однако же, на борту его чемодан – надо его как-то оттуда выволить. Но как? И конечно же, не дождавшись его там, она придет сюда его искать, а тогда... Пипер выглянул из хранилища и, убедившись, что во дворе никого нет, прокрался к дому, обогнул его и вошел в парадную дверь. Вскоре он уже смотрел на катер из-за стекол гостиной. Огромный

деревянный дом глухо поскрипывал. Пипер взглянул на часы. Час ночи. Куда запропастились Соня с Хатчмейером? Им уже давно пора быть.

На борту катера Бэби думала то же о Пипере. Почему он задержался? Она включила двигатель, проверила уровень горючего и приготовилась к отплытию: дело было только за ним. Через десять минут она не на шутку встревожилась.

И тревога росла с каждой новой минутой. Море успокоилось, и если он сейчас же не вернется...

– Гении такие непредсказуемые, – пробормотала она и вылезла обратно на пристань. Она прошла за дом, через двор к бензохранилищу и включила свет. Пусто. Две канистры на полу безмолвно свидетельствовали об изменившихся намерениях Пипера. Бэби вышла во двор.

– Питер! – позвала она, и тонкий голос ее заглох в ночном воздухе. Трижды она звала, и трижды никто не отзывался.

– О, бессердечный мальчишка! – воскликнула она и на этот раз получила ответ. Он донесся из дома: грохот и сдавленный крик. Пипер сшиб декоративную вазу. Бэби кинулась к дому, взбежала по ступенькам – и снова позвала. Напрасно. Стоя среди парадного зала, Бэби поглядела на портрет своего ненавистного мужа, и ее переутомленное воображение искривило ему жирные губы высокомерной усмешкой. Он опять выиграл. Он всегда будет в выигрыше, а ей навсегда суждено остаться потехой его праздности.

– Нет! – выкрикнула она в ответ на избитые словеса, которые буйно роились у нее в голове, и на несказанное презрение портрета. Не затем она зашла так далеко, чтобы малодушие литературного гения отняло у нее право на свободу, на романтику и значительность. Она совершит что-нибудь, какой-нибудь символический поступок в знак своей новообретенной независимости. Из праха прошлого родится она заново, как некий феникс из... пламени? Пепла? Символика подталкивала ее. Нужен поступок, после которого нет возврата. Нужно сжечь свои корабли. И Бэби, взбодряемая многосотенным хором героинь романов, бросилась назад, к бензохранилищу, открыла канистру – и бензиновый след потянулся за нею в дом. Она облила крыльцо, плеснула через порог, на мозаичные изображения производства бумаги, на ступеньки гостиной, обдала бензином ковер и вылила остаток в кабинете. Потом, с безоглядной решимостью, которая так пристала ей в новой роли, щелкнула настольной зажигалкой. Язык пламени облизал комнату, огонь пробежал через гостиную, заметался по залу и вырвался наружу. Тогда, и только тогда, Бэби распахнула дверь на террасу.

Между тем Пипер, оправившись от столкновения с вазой, был занят делом. Он слышал зов Бэби и спешил выручить свой чемодан. Пробежав по тропке к причалу, он перебрался на борт катера. Громадный дом высился над ним со смутной, знакомой по книгам угрозой. Его шпили и башенки в духе Раскина и Морриса, крытые дранкой в стиле Пибоди и Стернса, утопали в черном, нависшем небе. Только сквозь окна гостиной пробивался тусклый свет, и так же тускло освещена была внутренность рубки. Пипер никак не мог отыскать свой чемодан среди канистр и багажа Бэби. Куда он, к черту, мог деться? Наконец чемодан обнаружился под норковым манто, и Пипер как раз вытаскивал его, когда вдруг со стороны дома послышался гул и огненный треск. Пипер уронил манто, выбрался из рубки и остолбенел.

Усадьба Хатчмейера пылала. Языки пламени рвались из кабинета хозяина; другие плясали за решетчатыми окнами гостиной. С оглушительным звоном лопались объятые жаром стекла; почти в тот же миг из-за дома взметнулся огненный гриб, и раздался страшный взрыв. Пипер глазел, разинув рот, пораженный грандиозностью происходящего. Тем временем от черной сердцевины дома отделилась легкая фигурка и метнулась через террасу. Да, это Бэби. Эта чертова баба, должно быть... но он не стал выстраивать мысли цепочкой к очевидному заключению, тем более что из-за дома появилась другая цепочка, огненная, и понеслась к берегу вслед за Бэби – по бензиновому следу, оставленному Пипером. Он смотрел, как огоньки, приплясывая, мчатся вниз, и с неожиданным присутствием духа, собственным, а не почерпнутым из «Нравственного романа», выкарабкался на пристань и попробовал отшвартовать катер.

– Надо отплыть, прежде чем огонь... – прокричал он Бэби, оказавшейся рядом с ним. Та глянула через плечо на огневую вереницу.

– О, боже мой! – вскрикнула она. Пляшущие огоньки приближались. Она спрыгнула на катер и кинулась в рубку.

– Поздно! – крикнул Пипер. Огоньки подобрались к самому причалу. Сейчас они перебросятся на груженный бензином катер и... Пипер оставил канат и побежал прочь. В рубке Бэби судорожно схватила манто, бросила его и наконец наткнулась на саквояж. Она обернулась к выходу: огоньки уже доплясали до края пристани и перескакивали на катер. Надежды не было. Бэби глянула на щиток, включила полный вперед и, когда катер рванулся с места, прыгнула в воду, прижимая саквояж к груди. Катер удалялся, набирая скорость. Мелькали огоньки на его борту; потом они исчезли, а катер скрылся в темноте залива; рев огня заглушил рычание мотора. Бэби подплыла к берегу и выкарабкалась на камни. Пипер отошел

от пристани и, стоя на лугу, в ужасе следил за пожаром. Пламя достигло верхнего этажа; окна сверкнули багровым блеском, звонко посыпались стекла, и огненные полотнища захлестнули драпку. Через минуту полыхал весь фасад. Бэби горделиво стояла подле Пипера.

– Прощай, прошлое, – вымолвила она. Пипер обернулся к ней. Волосы облепили ее голову, краска слезла с лица, Одни глаза были живые, и при свете пожара Пипер увидел, что они блестят безумной радостью.

– Умишком повредила, – сказал он с необычайной прямоотой. Пальцы Бэби сжали его локоть.

– Я сделала все это ради тебя, – заявила она. – Тебе ведь понятно? Мы должны были стряхнуть бремя прошлого, отсечь путь назад актом свободной воли и совершить экзистенциальный выбор.

– Экзистенциальный выбор? – вскричал Пипер. Пламя охватило декоративные голубятни, воздух раскалился. – Поджог своего дома ты называешь экзистенциальным выбором? Это никакой не выбор, а настоящее преступление.

Бэби светло улыбнулась ему.

– Прочти Жана Жене, милый, – посоветовала она и потащила его под руку в рощу за лугом. Издали донесся вой сирен. Пипер прибавил шаг. Они как раз добрались до леса, когда ночь снова прорвало грохотом. Где-то в заливе взорвался катер. Грохнуло еще раз. И за огненным клубом второго взрыва Пипер как будто различил мачту яхты.

– О боже мой, – простонал он.

– О мой дорогой, – проворковала Бэби в ответ и обратила к нему счастливое лицо.

Глава 13

Хатчмейер был в гнусном настроении. Его оскорбил автор он опозорился с яхтой, паруса пропали, а теперь еще Соня Футл никак не хотела признать его мужчиной и отнестись серьезно к его домогательствам.

– Да ладно тебе, Хатч, лапочка, – говорила она, – давай отложим, сейчас не время. Ну да, ты мужчина, а я женщина, слышала и не сомневаюсь. Честное слово, не сомневаюсь. Поверь мне, пожалуйста. Оденься и...

– Во что одеваться, все мокрое, – сказал Хатчмейер. – Нитки сухой нет. Хочешь, чтоб я схватил воспаление легких и умер?

Соня покачала головой:

– Вот сейчас вернемся домой, переоденешься – и сразу тебе станет тепло и сухо.

– Домой, это, конечно, раз-два – и вернулись, на парусе, перевешенном через борт. Мы же ходим кругами, и все. Перестань упрямиться, милая...

Но Соня упрямилась. Она вышла на палубу и окинула глазами горизонт. Хатчмейер, малиново-голый и дрожащий, торчал в двери каюты; он все-таки еще раз попробовал добиться своего.

– Ну, ты женщина, – сказал он, – женщина на все сто. Я тебя по-настоящему уважаю. В смысле, что я...

– Ты женат, – сказала Соня напрямик, – вот тебе и смысл. А у меня жених.

– У тебя кто? – потерялся Хатчмейер.

– Слышал, слышал. Жених. Зовут Питер Пипер.

– Этот полуду... – Но Хатчмейер не закончил: берег вдруг стало хорошо видно. При свете горящего дома.

– Смотри-ка, – сказала Соня, – вон кто-то здорово дом обогревает.

Хатчмейер схватил бинокль и уставился в него.

– Что значит «кто-то»? – тут же заорал он. – Это не кто-то! Это мой дом!

– Это был твой дом, – поправила Соня и вдруг сообразила, что происходит. – О, господи боже мой!

– Вот именно! – рывкнул Хатчмейер и бросился к стартеру. Мотор зарычал, и яхта двинулась. Хатчмейер вертел штурвал, пытаясь держать на пожар. Но с левого борта свисал парус, и «Ромэн дю Руа» забирала влево. Пыхтящий голый Хатчмейер напрасно силился спрямить курс.

– Надо парус долой! – крикнул он, и в этот миг на фоне пожара возник полыхавший огнем черный катер: он мчался прямо на них. – Сейчас нас этот ублюдок протаранит! – завопил Хатчмейер, но катер доказал его неправоту, взорвавшись. Сначала вспыхнули канистры в рубке, и по воздуху полетели горящие обломки; потом взорвались баки с горючим, и взлетел остов. Взрыв озарил длинную черную массу, подброшенную в воздух; она с грохотом обрушилась на бак яхты. «Ромэн дю Руа» вскинула корму, осела и стала погружаться. Соня, вцепившаяся в леер, оглянулась вокруг. Корпус катера тонул и шипел. Хатчмейер куда-то исчез, и секундой позже Соня была в воде, а яхта перевернулась и боком пошла ко дну. Соня отплыла подальше. Ярдов на пятьдесят море было освещено пылающим бензином, и в этих жутких отблесках Соня увидела Хатчмейера, колыхавшегося позади. Он держался за деревянный обломок.

– Ты как, в порядке? – позвала Соня.

Хатчмейер заскулил. Он явно был не в порядке. Соня подплыла к нему и остановилась, держась на воде без малейшего усилия.

– Помогите, помогите! – вскрикивал Хатчмейер.

– Спокойно, – сказала Соня, – без паники. Ты плавать-то умеешь?

Хатчмейер вылупил на нее глаза.

– Плавать? Что значит «плавать»? Конечно, умею. Сейчас я что, по-твоему, делаю?

– Стало быть, все в порядке, – сказала Соня. – Только и надо доплыть до берега.

Но Хатчмейер в ужасе забултыхался.

– До берега? Не доплыву. Утону. В жизни не доплыву. Я...

Соня бросила его и поплыла к месту крушения. Может, там найдется спасательный пояс. Пояса не было, зато пустых канистр сколько угодно. Она прихватила одну из них и вернулась к Хатчмейеру.

– Держись за нее, – велела она. Хатчмейер выпустил свой обломок и вцепился в канистру. Соня сплавала и пригнала еще две. И подвернулся кусок каната. Она связала канистры, опоясала Хатчмейера и сделала надежный узел.

– Теперь не утонешь, – сказала она. – Торчи давай здесь, и все будет просто замечательно.

Спасенный Хатчмейер бешено поглядел на нее.

– Замечательно? – дурным голосом крикнул он. – Что замечательно? Дом мой сожгли, какой-то полоумный кретин чуть не угробил меня горящим катером, моя прекрасная яхта потонула – и все это, по-твоему,

замечательно?

Но Соня уже не слышала его: она ровными гребками плыла к берегу – на боку, чтоб не утомиться. Ее волновал Пипер. Он ведь остался дома, а от дома осталось... Она поглядела через плечо на красно-желтую громаду, рассыпающую искры и вдруг изрыгнувшую гигантский язык пламени. Наверное, рухнула крыша. Соня поплыла саженками. Надо скорее выяснить, что случилось. Может быть, бедный милый Пипер опять угодил в беду. Она готовилась к худшему, по-матерински уверяя себя, что он не так уж и виноват, если что-нибудь натворил, но потом сообразила, что натворил не обязательно Пипер. Встречу в Нью-Йорке им устроил Макморди: Пипер тут ни при чем. Уж если кого винить, то...

Соня перестала винить себя самое, задумавшись о катере, который вылетел на них из темноты и тут же взорвался. Хатчмейер считает, что это его хотели угробить. Странно, конечно, однако странно не более чем подожженный дом. Одно к одному – и получается организованная, обдуманная акция. Значит, обошлось без Пипера: организовывать, обдумывать – это не по его части. На него все просто обрушивается. С этой утешительной мыслью Соня коснулась ногами дна и выбралась на берег. Минуту-другую она полежала, чтоб собраться с силами, и тем временем ей пришло на ум ужасное предположение. Если Хатчмейер прав и кто-то на него покушался, то едва ли не вернее всего, что они нашли в доме Пипера и Бэби и... Соня с усилием поднялась и пошла на огонь через рожицу. Надо скорее выяснить, в чем дело. А вдруг это все же был несчастный случай, и Пипер, потрясенный зрелищем нечаянно подожженного дома, выболтал кому-нибудь, что он – не автор «Девства»? Тогда, конечно, они погорели вместе с домом. Вместе с домом?! И она спросила, есть ли жертвы, у первого попавшегося пожарного, который поливал из шланга горящий куст.

– Если и есть, то от них одни уголья остались, – сказал тот. – Какой-то чокнутый малый открыл жуткую пальбу, когда мы приехали, но тут крыша грохнулась, и он больше не стрелял.

– Пальбу? – спросила Соня. – Какую пальбу?

– Пулеметную, – объяснил пожарный, – из подвала. Только я же говорю: его накрыло, и он больше не стреляет.

Соня поглядела на уголья. Жар обдавал ей лицо. Пулеметная стрельба из подвала? Чепуха какая-то. Вообще все чепуха – если не согласиться с Хатчмейером, что его хотели убить.

– И вы уверены, что никто не спасся? – спросила она.

– Никто, – покачал головой пожарный. – Я приехал с первой машиной – и из дома никто не спасался, только стреляли. А который стрелял – тот

верный покойник.

В глазах у Сони потемнело, она качнулась и рухнула замертво. Пожарный перекинул ее через плечо и, крихтя, отнес к санитарной машине. Еще полчаса – и Соня Футл крепко спала на больничной койке: ей вкатили изрядную дозу транквилизатора.

* * *

Зато Хатчмейер отнюдь не спал. Он сидел голый, в одних канистрах, на борту катера береговой охраны и никак не мог объяснить патрулю, чем он занимался посреди залива в третьем часу утра. Ему внимали с недоверием.

– Ладно, мистер Хатчмейер, значит, вас не было на борту вашего катера, когда он взорвался?

– Катера? – заорал Хатчмейер. – Какого еще катера! Я был на яхте!

Патрульный смерил его скептическим взглядом и показал на подобранный бортовой обломок с отчетливой надписью «Фолиант III».

– «Фолиант III» – да, это мой катер, – пробормотал Хатчмейер.

– Ну да, я тоже так думал, – сказал патрульный. – Но раз вы говорите, что вас на катере не было...

– Меня? На катере? Да тот, кто был на этом катере, изжарился заживо. Я что, похож...

На это никто не ответил. Вскоре они ткнулись в берег возле бывшей усадьбы Хатчмейера; владельцу ее, обернутому в одеяло, помогли сойти, и процессия гуськом двинулась через рожицу к подъездной дороге, где сгрудилась дюжина полицейских, пожарных и санитарных машин.

– Подобрали мистера Хатчмейера, плавал в обнимку с этими штуками, – сказал патрульный шефу полиции, показывая на канистры.

Шеф полиции Гринсливз с нескрываемым интересом посмотрел на Хатчмейера, на канистры и снова на Хатчмейера.

– И еще вот, – добавил патрульный, предъявляя обломок доски с надписью «Фолиант III». Шеф полиции Гринсливз внимательно изучил надпись.

– «Фолиант III», а? Это говорит вам что-нибудь, мистер Хатчмейер?

Хатчмейер, кутаясь в одеяло, глядел на огненные руины своего дома.

– Я спрашиваю: вам знакомо название «Фолиант III», а, мистер Хатчмейер? – повторил шеф полиции, задумчиво проследив направление

хатчмейеровского взгляда.

– Конечно, знакомо, – сказал Хатчмейер, – Это мой катер.

– Может, вы нам скажете, что вы делали на своем катере в такой час?

– Я был не на катере. Я был на яхте.

– «Фолиант III» – это катер, – наставительно сказал патрульный.

– Я знаю, что это катер, – сказал Хатчмейер. – Я говорю, что во время взрыва меня на катере не было.

– Какого взрыва, мистер Хатчмейер? – поинтересовался Гринсливз.

– Что значит «какого взрыва»? Их что, было несколько?

Шеф полиции Гринсливз снова поглядел на догоравший дом.

– Дельный вопрос, – сказал он, – очень дельный вопрос. Я его сам все время задаю себе. И еще мне интересно, почему никто не вызвал пожарных, как только дом загорелся? И кому это так не понравилось, когда мы приехали, что он открыл из подвала пулеметный огонь и разнес к чертям пожарную машину?

– Кто-то стрелял из подвала? – недоверчиво спросил Хатчмейер.

– Да, вы не ослышались. Из крупнокалиберного пулемета, кстати.

Хатчмейер угрюмо потупился.

– Эти я, пожалуй, могу объяснить, – начал он и осекся.

– Можете объяснить? Рад буду выслушать ваше объяснение, мистер Хатчмейер.

– Я держу пулемет в оружейной...

– Держите в оружейной крупнокалиберный пулемет? А вас не затруднит сказать мне, зачем вам пулемет в оружейной?

Хатчмейер сглотнул слюну в некотором замешательстве. Его это затрудняло.

– Для самозащиты, – выдавил он наконец.

– Для самозащиты? От кого?

– От медведей, – сказал Хатчмейер.

– От медведей, мистер Хатчмейер? Я верно вас расслышал – «от медведей»?

Хатчмейер тоскливо озирался, подыскивая вразумительный ответ. В конце концов он решил говорить все как есть.

– Видите ли, жена моя одно время задвинулась на медведях, вот я и... – Он уныло смолк.

Шеф полиции Гринсливз смотрел на него все пристальнее.

– Миссис Хатчмейер задвинулась на медведях? Я верно вас расслышал – «миссис Хатчмейер задвинулась на медведях»?

Но Хатчмейер потерял всякое терпение.

– Нечего меня переспрашивать, – рявкнул он. – Если я говорю, что миссис Хатчмейер задвинулась на медведях, значит задвинулась. Соседи вам подтвердят, спросите у них.

– Обязательно спросим, – заверил шеф Гринсливз. – Ну, и вы, стало быть, обзавелись артиллерией? Чтобы стрелять по медведям?

– Я не стрелял по медведям. Я просто на всякий случай купил пулемет.

– А по пожарным машинам вы тоже не стреляли?

– Конечно нет. За каким чертом мне стрелять по пожарным машинам?

– Не знаю, мистер Хатчмейер, равно как не знаю и того, за каким чертом вы обвязываетесь канистрами и плаваете нагишом посреди залива, когда ваш дом горит и никто почему-то не вызывает пожарных.

– Никто не вызывает... Так вы не по звонку моей жены?.. – Хатчмейер растерянно уставился на шефа полиции.

– Как, то есть, вашей жены? Вы хотите сказать, что жены вашей не было с вами на борту катера?

– Нет, конечно, – сказал Хатчмейер. – Я уже говорил вам, что я был не на катере. Мой катер хотел протаранить мою яхту и взорвался, а...

– Так где же миссис Хатчмейер?

Хатчмейер снова тоскливо огляделся.

– Понятия не имею, – сказал он.

– Ладно, забирайте его в участок, – приказал шеф полиции. – Там разберемся поподробнее.

Хатчмейера запихнули на заднее сиденье полицейской машины и помчались в Белсуорт. До участка его довели в ступоре.

* * *

В ступоре был и Пипер. Пожар, взрыв катера, прибытие пожарных и полицейских машин с воющими сиренами и наконец беглый пулеметный огонь из оружейной – все это, вместе взятое, истощило небольшой запас его самообладания. Когда пожарные кинулись врассыпную, а полицейские залегли, он покорно последовал за Бэби через лес. Тропка вывела их к саду соседнего поместья.

Перед большим домом толпились люди, глазевшие на клубы дыма и зарево за деревьями. Бэби с минуту поколебалась, потом потащила Пипера кустарником в обход дома.

– Куда мы идем? – спросил Пипер через полмили. – Нельзя же ведь так

просто уйти, будто ничего не случилось.

– Хочешь вернуться? – прошипела Бэби.

Пипер ответил, что нет, не хочет.

– А раз нет, так надо отойти подальше, – сказала Бэби. Они миновали еще три поместья. Мили через две Пипер опять заартачился.

– Они же будут выяснять, куда мы пропали, – сказал он.

– Пусть их выясняют, – сказала Бэби.

– Не предвижу для нас ничего хорошего, – возразил Пипер. – Они обнаружат, что ты своими руками подожгла дом, да и катер – тоже улика. Там все мои вещи.

– Были там твои вещи. Сейчас их там нет. Либо они на дне залива, либо плавают вместе с моим манто. Знаешь, что они подумают, когда их найдут?

– Нет, – сказал Пипер.

– Подумают, что где вещи, там и мы, – хихикнула Бэби.

– Как то есть?

– То есть погибли, – сказала Бэби, снова зловеще хихикнув.

Пипер не видел, над чем тут смеяться. Смерть, даже и ненастоящая, все же дело нешуточное, а вдобавок он остался без паспорта: паспорт был в чемодане вместе с его бесценными гроссбухами.

– Тем более, вот они и подумают, что ты погиб, – объяснила Бэби. – Я же говорила: надо порвать с прошлым. Мы и порвали – напрочь. Мы свободны. Можем ехать куда угодно, делать что хотим. Мы разбили оковы обстоятельств.

– Можно, конечно, и так смотреть, – сказал Пипер, – но это не мой взгляд. По-моему, теперь обстоятельства сковывают нас гораздо больше, чем прежде.

– Пессимист, да и только, – сказала Бэби. – А ты постарайся увидеть светлую сторону.

Пипер постарался. Пламя далеко озаряло залив; по нему плавали лодки с зеваками.

– Ну, и как же ты собираешься все это объяснить? – любопытствовал он, опять забывая, что он свободен и что пути назад нет. Бэби резко повернулась к нему.

– Кому объяснять? – спросила она. – Мы умерли. Понимаешь – умерли. В том мире, где это случилось, нас нет. Это прошлое, которое нас уже не касается. Мы принадлежим будущему.

– Кто-то все-таки должен отвечать, – сказал Пипер. – Что же, так вот и можно поджигать дома, взрывать лодки и вдобавок надеяться, будто с тебя

за это не спросят? А что будет, когда наших тел не найдут на дне залива?

– Подумают, что трупы унесло в море, что их сожрали акулы – вообще что-нибудь да подумают, нам-то какое дело. Перед нами открыта новая жизнь.

– Да уж, нечего сказать, открыта, – не поддавался утешениям Пипер; но Бэби упорно волокла его за руку сквозь лес.

– Навстречу общей судьбе, – весело сказала она. Пипер застонал. Меньше всего на свете он хотел общей судьбы с этой безумной женщиной. Скоро они опять вышли из лесу к большому дому с темными окнами и без признаков жизни.

– Переторчим здесь хипеж, – сказала Бэби на жаргоне, который Пипер дотоле слышал лишь в детективных фильмах.

– А хозяйева? – спросил он. – Может, они нам не слишком обрадуются?

– Они не узнают. Хозяйева – Ван дер Гугены, они сейчас в кругосветном путешествии. Мы здесь будем как дома.

Пипер снова застонал. После того, что произошло с домом Хатчмейера, это заверение Бэби отнюдь не обнадеживало. Они прошли по лугу; тропка, посыпанная гравием, вела к боковой двери.

– Они всегда оставляют ключи в теплице, – сказала Бэби. – Постой тут, я за ними схожу.

Оставшись один, Пипер неуверенно переминался с ноги на ногу. Вот наконец и случай спастись бегством. Но он этим случаем не воспользовался. Он так долго копировал других авторов, что от собственных поступков просто отвык. Когда Бэби вернулась, Пипер дрожал всем телом: наступила нервическая реакция. Шатаясь, он последовал в дом за нею, и она заперла дверь.

* * *

В Хампстеде Френсик встал рано. Завтра «Девство» выйдет из печати, и нынешние воскресные газеты должны встретить его рецензиями. Он поднялся проулком к киоску и закупил по экземпляру каждой, даже «Ньюс оф уорлд», которая рецензий не публиковала, но могла сгодиться в утешение, если рецензии будут плохие или если их, чего доброго, не будет вовсе. Потом, гордясь своей выдержкой, он вернулся к себе, не заглянув ни в одну газету, и занялся завтраком. Тосты и мармелад, а рецензии – в придачу. Он готовил кофе, когда зазвонил телефон и в трубке послышался

голос Джеффри Коркадила.

– Рецензии видели? – возбужденно спросил он. Френсик сказал, что еще нет.

– Я только-только встал, – сказал он, досадуя, что Джеффри лишает его удовольствия прочесть свежим глазом, по-видимому, превосходные отзывы. – Судя по вашему тону, рецензии положительные.

– Положительные? Вздох, просто вздох. Вот послушайте, как высказывается в «Тайме» Фрида Кормли: «Первая серьезная попытка проломить стену заговора, которая окружает сексуальное табу, столь долго отделявшее юность от зрелости. „Девства ради помедлите о мужчины“ – это в своем роде шедевр».

– Дура недокормленная, – проворчал Френсик.

– Бесподобно, правда? – сказал Джеффри.

– Скорее бессмысленно, – отозвался Френсик. – Если «Девство» – первая попытка проломить стену заговора, какого и какую – один бог ведает, то оно не может быть «шедевром в своем роде». Рода-то нет, книжонка уникальная.

– Про это в «Обсервере», – сказал Джеффри, не давая себя обескуражить. – Шийла Шельмердайн пишет: «„Девства ради траля-ля“ не только потрясает нас своими недюжинными литературными достоинствами, но и являет собой пример сочувственной озабоченности судьбами престарелых и общественно изолированных людей. Этот уникальный роман пытается приподнять занавес над сторонами жизни, которые слишком долго игнорировались теми, в чьи обязанности входит раздвижение границ социальной ответственности. Прекрасная книга, заслуживающая внимания самого широкого круга читателей». Ну, как?

– По чести, – сказал Френсик, – мне это кажется чушью несусветной, но все равно я рад, что мисс Шийла Шельмердайн соизволила так выразиться. Я всегда говорил, что мы на этой книге не прогадаем.

– Говорили, безусловно говорили, – подтвердил Джеффри, – и я готов признать вашу полную правоту.

– Вообще-то еще посмотрим, – сказал Френсик, торопясь пресечь восторги Джеффри. – Рецензии рецензиями, но надо, чтоб книга пошла. Это, правда, предвещает хорошие американские тиражи. Все, больше нет?

– Есть довольно пакостная статейка Октавиана Дорра.

– А, это неплохо, – сказал Френсик. – Он обычно пишет по делу, и я люблю его слог.

– Я не люблю, – сказал Джеффри. – На мой взгляд, он чересчур вольничает и далеко отходит от книги. Ему за рецензию платят, не за

фельетон, и нечего бросаться разными ехидными сравнениями. Впрочем, там есть кой-какие фразочки, годные на суперобложку следующей книги Пипера, а это главное.

– Вот-вот, – сказал Френсик и не без удовольствия развернул «Санди телеграф», – ну что ж, будем теперь уповать на еженедельники.

Он положил трубку, разогрел тосты и уселся читать колонку Октавиана Дорра, озаглавленную «Старческая вседозволенность».

Начиналась она так: «Весьма характерно, что издатели романа Питера Пипера „Девства ради помедлите о мужчины“ напечатали свою первую книгу в царствование Екатерины Великой. Так называемая героиня их новой публикации наделена не лучшими чертами знаменитой русской императрицы: особенно маниакальной приверженностью к молодым мужчинам и страстью к словоизлияниям на сексуальные темы, по меньшей мере прискорбной. Столь же прискорбно, что издатели романа Коркадилы...»

Френсик отлично понял, почему рецензия обозлила Джеффри; ему она, напротив, пришлась очень по вкусу. Она была длинная и неприязненная; но как ни доставалось издателям и публике, чей спрос на извращенный эротизм вызывает приток подобных романов на рынок, однако рецензент привлекал к книге внимание. Бичуя извращенный эротизм, мистер Дорр создавал ему рекламу. Френсик дочитал рецензию со вздохом облегчения и взялся за другие газеты. Их похвалы, их неуклюжее состязание в передовых взглядах на половую жизнь, натужное, напыщенное и подловато-заискивающее – все это окружало «Девство» ореолом респектабельности, что и требовалось Френсику. Роман приняли всерьез, и если еженедельники подпоют, то дело в шляпе.

– Главное – значительность, – пробормотал Френсик, начиная ноздри табаком. – Макулатура с подливой из словесных помоев.

Он откинулся в кресле и соображал, как бы еще поддать жару и обеспечить «Девству» максимальный резонанс. Вот если бы хорошенькую сенсацию на первые полосы...

Глава 14

Между тем все уже было сделано, как на заказ. За Атлантикой, где жили на пять часов позже, сенсационное известие о смерти Пипера только начало расползаться. Хатчмейер тоже расползлся на глазах. Он сидел в кабинете шефа полиции, глядел на него мутным взором и в десятый раз повторял свой рассказ, не вызывая ни малейшего доверия. Особенно портили дело пустые канистры.

– Я уже говорил вам: мисс Футл привязала меня к ним, а сама поплыла за помощью.

– Она поплыла за помощью, мистер Хатчмейер? Вы отправляете за помощью слабую женщину...

– Нашли слабую, – сказал Хатчмейер. – Да она покрупнее вас будет.

В ответ на такую невежливость по отношению к женщине шеф Гринсливз укоризненно покачал головой.

– Значит, вы катались по заливу с этой мисс Футл. А что делала тем временем миссис Хатчмейер?

– Я-то почему знаю? Наверное, дом поджи... – Хатчмейер вовремя остановился.

– Любопытно, очень любопытно, – сказал Гринсливз. – Вы, стало быть, намекаете, что поджигательница – миссис Хатчмейер?

– Ничего я не намекаю! – крикнул Хатчмейер. – Я знаю только... – Но его прервал заместитель Гринсливза, внесший чемодан и груду мокрой одежды.

– Найдено среди обломков катера, – сказал он, подняв манто для обозрения. Хатчмейер в ужасе уставился на него.

– Это манто Бэби, – сказал он. – Норковое. Стоило бешеных денег.

– А это чье? – спросил заместитель, указывая на чемодан.

Хатчмейер пожал плечами. Заместитель открыл чемодан, обнаружил там паспорт и передал его Гринсливзу.

– Британский, – сказал тот. – Британский паспорт на имя Пипера, Питера Пипера. Знаете такого?

– Да, это писатель, – кивнул Хатчмейер.

– Ваш друг?

– Нет, просто один из моих авторов. Другом я бы его не назвал.

– В таком случае, может быть, друг миссис Хатчмейер?

Хатчмейер заскрежетал зубами.

– Не разобрал, мистер Хатчмейер. Вы что-то сказали?

– Нет, – буркнул Хатчмейер.

Шеф Гринсливз задумчиво поскреб в затылке.

– Похоже, у нас тут возникает еще одна маленькая проблема, – изрек он наконец. – Катер ваш взрывается, будто динамитом груженный, и что же мы находим на месте происшествия? Норковое манто миссис Хатчмейер и чемодан мистера Пипера, с которым она, по-видимому, в дружбе. Связи никакой не замечаете?

– Что значит «никакой связи»? – спросил Хатчмейер.

– Ну как, ведь они были на катере в момент взрыва?

– Откуда мне, к дьяволу, знать, где они были? Я знаю только, что кто был на катере, тот пытался меня убить.

– Очень у вас любопытно получается, – заметил шеф полиции Гринсливз, – очень любопытно.

– Не вижу здесь ничего любопытного.

– А наоборот не могло быть?

– Что наоборот? – не понял Хатчмейер.

– Что вы их убили?

– Я – что? – заорал Хатчмейер и выпростался из одеяла. – Вы МЕНЯ обвиняете?..

– Просто спрашиваю, мистер Хатчмейер. Не надо так волноваться.

Но Хатчмейер вскочил на ноги.

– Мой дом сожгли, катер взорвали, яхту потопили прямо подо мной, я сам еле спасся вплавь, а вы тут сидите и спрашиваете, не убил ли я... ах ты, жирная скотина, да ты у меня голым из суда выйдешь! Да я...

– Сядьте и заткнитесь! – гаркнул Гринсливз. – Говорить буду я. Может, я и жирная скотина, но слышать это от нью-йоркского гангстера не желаю. Мы про вас слышаны, мистер Хатчмейер. Мы тут не зря штаны просиживаем, и нам отлично известно, что вы купили у нас хорошее имение на доллары, от которых так и несет мафией. Это вам не Хиксвилл и не Нью-Йорк. Это штат Мэн, и вы тут ведите себя потише, а то нам и так не по нутру, когда субчики вроде вас прилипают к нашей земле со своими вонючими деньгами. Может, мы штат и небогатый, но дураков у нас нет. Так вот давайте рассказывайте, что на самом деле случилось с вашей женой и ее дружкой – или нам сначала придется обшарить залив и просеять золу на месте вашего дома?

Голый Хатчмейер плюхнулся обратно в кресло, потрясенный неожиданным откровением о своем социальном статусе на берегу Французова залива. Он вдруг понял не хуже Пипера, что в штате Мэн ему

быть вовсе не надо, и лишний раз убедился в этом, когда заместитель внес дорожные баулы Бэби и ее сумочку.

– Там внутри куча денег, – сказал он Гринсливзу. Тот пошарил в бауле и вытащил пачку мокрых кредиток.

– Похоже, что миссис Хатчмейер перед смертью собралась куда-то и прихватила с собой малость долларов, – заметил он. – Да, вот и вырисовывается загадочная картинка. Миссис Хатчмейер, значит, на катер со своим другом, мистером Пипером, при багаже и деньгах. А катер-то вдруг «бах!» – и взрывается. Пошлем-ка мы, пожалуй, водолазов, пусть поищут тела.

– Поскорее надо, – сказал заместитель. – Отливом их могло уже унести в море.

– Сейчас и пошлем, – сказал Гринсливз и вышел в приемную, где поджидали репортеры.

– Разъяснили дело? – кинулись они к нему.

Гринсливз покачал головой.

– Два человека пропали без вести, предположительно погибли в море. Миссис Бэби Хатчмейер и некий мистер Питер Пипер, британский писатель. Пока все.

– А куда делась мисс Футл? – спросил заместитель. – Она ведь тоже пропала.

– А дом отчего загорелся?

– Экспертиза покажет, – отвечал Гринсливз.

– Подозреваете поджог?

– Сопоставьте события, может, и сами догадаетесь, что я подозреваю, – пожал плечами Гринсливз и удалился. Через пять минут по гудящим проводам понеслось известие, что Питер Пипер, знаменитый писатель, погиб при загадочных обстоятельствах.

А в особняке Ван дер Гугена, в полумраке спальни на верхнем этаже, жертвы трагедии внимали транзистору, сообщавшему об их смерти. Причиной полумрака отчасти были опущенные шторы, отчасти же, на взгляд Пипера, безрадостная перспектива, которую открывала перед ним его смерть. Ненастоящий автор – это уже достаточно скверно, но ненастоящий мертвец – это просто какой-то ужас. Зато Бэби новостям обрадовалась.

– Вот и все в порядке, – сказала она, – значит, по окрестностям даже проверять не станут. Слышал, что они сказали? Отлив начался, и водолазам вряд ли удастся отыскать тела.

Пипер окинул спальню унылым взглядом.

– Хорошо тебе говорить, – сказал он. – Ты словно не понимаешь, что я теперь никто. Паспорта у меня нет, все рукописи пропали. Как, по-твоему, мне вернуться в Англию? Не могу же я пойти в посольство за новым паспортом. И вообще появись я на люди – меня тут же арестуют за поджог, взрыв катера и покушение на убийство. Ужас, что ты натворила.

– Я освободила тебя от прошлого. Можешь теперь стать кем хочешь.

– Я всего-навсего хочу быть самим собой, – сказал Пипер.

Бэби с сомнением поглядела на него.

– Судя по твоему вчерашнему рассказу, тебе это не очень-то удавалось, – сказала она. – Или ты был самим собой, изображая автора чужой книги?

– Я хоть знал, что я – не он. А теперь я непонятно кто.

– Ты не мертвец. Уже неплохо.

– Может, и мертвец, – сказал Пипер, угрюмо глядя на зачехленную мебель: казалось, чехлы, как саваны, облачают безжизненные тела авторов, которым он когда-то столь ревностно подражал. Тусклый свет сочился сквозь прорези штор, точно проникал в склеп, в гробницу его писательских упований. На него напала тяжкая грусть; припомнился Летучий Голландец, обреченный скитаться по морям до того дня... но и Пиперу избавления не было. Он – соучастник преступления, целого ряда преступлений, и если даже пойти в полицию, ему все равно не поверят. Как ему верить? Разве похоже на правду, что Бэби, богатая женщина, подожгла собственный дом, взорвала прогулочный катер и потопила яхту своего мужа? Пусть даже она сама признает, что кругом виновата, – суда не миновать, и юристы Хатчмейера непременно заинтересуются, почему на катере оказался его чемодан. Всплывет и то, что он не автор «Девства», и все заподозрят... да нет, все наверняка сочтут его мошенником. Кстати, Бэби стащила четверть миллиона из сейфа в хатчмейеровском кабинете. Пипер покачал головой и, подняв глаза, увидел, что она с интересом наблюдает за ним.

– Не выйдет, детка, – сказала она, очевидно читая его мысли. – Теперь у нас общая судьба. Только выкинь какой-нибудь фортель, я живо объявлюсь и скажу, что ты меня похитил.

Но Пипер не собирался выкидывать фортелей.

– Как же нам быть теперь? – спросил он. – Нельзя ведь навечно засесть в чужом доме.

– Пробудем здесь дня два-три, – сказала Бэби, – потом двинемся дальше.

– Как? Ну вот как мы двинемся?

– Очень просто, – сказала Бэби. – Вызову такси, доедем до Бангора, а

там самолетом. Тут и мудрить нечего. На суше нас искать не будут...

Ее прервал хруст гравия на дорожке. Пипер подошел к зашторенному окну и глянул вниз. Возле дома стояла полицейская машина.

– Полиция, – прошептал Пипер. – Вот тебе и не будут искать.

Бэби встала рядом с ним. Двумя этажами ниже раздавался безответный звонок.

– Проверяют, нет ли Ван дер Гугенов, вдруг они слышали что-нибудь подозрительное прошлой ночью, – сказала она. – Сейчас уедут.

Пипер смотрел на двух полицейских. Стоило только крикнуть – и... но Бэби впиалась в его предплечье, и Пипер не издал ни звука. Полицейские обошли дом, сели в машину и уехали.

– Что я тебе говорила? – сказала Бэби. – Не мудри. Я спущусь на кухню, посмотрю, чем бы перекусить.

Пипер одиноко расхаживал по сумрачной комнате и думал, почему же он все-таки не, окликнул полицейских. Простых, понятных объяснений было недостаточно. Крикни он – и это доказывало бы, что к пожару он непричастен... ну, хоть какое-то свидетельство невиновности. Но он промолчал – почему? Промолчал – и упустил случай покончить со всем этим безобразием. Нет, не только от страха: тревожило, что он согласился, почти захотел остаться в пустом доме наедине с этой поразительной женщиной. Что ему помешало, когда он успел стать ее сообщником? Бэби – сумасшедшая, в этом он ничуть не сомневался, и все же его почему-то тянуло к ней. Он в жизни не встречал никого на нее похожего. Она точно и знать не хотела условностей, подсказывающих обычные человеческие поступки: она могла спокойно посмотреть на полицию сверху вниз и сказать: «Сейчас уедут», будто это простой соседский визит. И они уехали. А он подчинился ей и будет впредь подчиняться: может быть, он действительно станет кем захочет в пределах той свободы, которую она сотворила для него мановением руки. Кем захочет? Он подумал о любимых писателях, но никто из них в его ситуации не бывал, а не имея перед глазами образчика, Пипер мог с грехом пополам рассчитывать только на себя. И на Бэби. Он станет таким, как она хочет. Вот оно в чем дело. И Пипер начал понимать, почему она его привлекает. Она знает, кто он такой. Она сказала это вчера вечером, еще до того, как начался кавардак. Она сказала, что он гениальный писатель, и это не пустые слова. Впервые он встретил человека, которому известно, кто он такой на самом деле, – и раз уж встретил, то расставаться им незачем. Сделав это пугающее открытие, Пипер в изнеможении лег на постель и закрыл глаза. Когда пришла Бэби с подносом, он крепко спал. Она нежно поглядела на него, потом поставила

поднос, сняла чехол с кресла и укрыла Пипера. Он продолжал спать, завернувшись в чужой саван.

В полицейском участке Хатчмейер тоже с радостью бы уснул, да ему не давали. Все еще голый, кутаясь в одеяло, он отвечал на бесчисленные вопросы о его отношениях с женой и мисс Футл, о Пипере и миссис Хатчмейер; наконец о том, почему он выбрал для прогулки по заливу такую ненастную ночь.

– Вы всегда пускаетесь в плавание невзирая на погоду?

– Слушайте, я уже сказал вам: мы просто решили прокатиться. Мы никуда плыть не собирались, мы просто...

– Встали из-за стола и сказали: «Почему бы нам не проехаться?..»

– Мисс Футл это предложила, – сказал Хатчмейер.

– Ах вот как, она предложила? А миссис Хатчмейер никак не задело, что вы отправились на прогулку с другой женщиной?

– Мисс Футл не «другая женщина». То есть не в том смысле. Она – литературный агент. У нас общие дела.

– И вы ими занимаетесь нагишом на яхте во время мини-тайфуна? Что же это за дела?

– На яхте мы делами не занимались. Мы отдыхали.

– Я так почему-то и подумал. В голом виде хорошо отдыхается.

– Сначала я был одетый. Потом промок и разделся.

– Промокли, потом разделись? А не наоборот?

– Конечно нет. Слушайте, мы еле успели отплыть, как разразился шторм...

– А дом загорелся. А катер взорвался. А миссис Хатчмейер случайно разорвало на части вместе с мистером Пипером...

Но тут взорвался сам Хатчмейер.

– Ну что ж, мистер Хатчмейер, вам, видно, хочется крутого разговора, – сказал Гринсливз, когда Хатчмейера затолкали обратно в кресло. – Так и быть, теперь держитесь.

Его прервал сержант, что-то прошептавший ему на ухо. Гринсливз испустил тяжелый вздох.

– Уверен?

– Так она говорит. Говорит, прямо из больницы. Гринсливз вышел посмотреть на Соню.

– Мисс Футл? Это вы – мисс Футл?

– Да, – кивнула Соня. Шеф полиции мог заметить, что в одном Хатчмейер был прав: назвать мисс Футл слабой женщиной язык не поворачивался.

– Ладно, снимем с вас показания, – сказал он и повел ее в другой кабинет. Показания с Сони снимали два часа. Гринсливз составил совсем новое понятие о деле: мисс Футл ему в этом очень помогла.

– Так, – сказал он Хатчмейеру, – давайте расскажите-ка нам, что было в Нью-Йорке со встречей Пипера. Вы там, кажется, побоище устроили?

Хатчмейер поднял затравленный взгляд.

– Да нет, вы не поняли. Мы просто делали ему рекламу. То есть мы...

– То есть вы, – сказал Гринсливз, – науськали на этого мистера Пипера всех, кого удалось. Арабов, сионистов, педерастов, ИРА, черных, старух, кого там еще, словом, всех скопом – и это вы так рекламу делаете?

Хатчмейер попробовал собраться с мыслями.

– Вы хотите сказать, что кто-нибудь из них?.. – спросил он.

– Я ничего не хочу сказать, мистер Хатчмейер. Я спрашиваю.

– Что спрашиваете?

– Спрашиваю у вас: долго вы думали, прежде чем бросить мистера Пипера на растерзание только за то, что этот бедняга написал для вас книгу? Хорошо обернулась ваша затея – и для вас, и для него?

– Да я ни о чем подобном...

Гринсливз облокотился на стол.

– Вот что я вам скажу, мистер Хатчмейер, для вашего же блага. Выметайтесь из наших мест к чертям собачьим и дорогу назад забудьте, если не хотите больших неприятностей. А в следующий раз, когда будете делать рекламу своему автору, наймите ему сначала телохранителя.

Хатчмейер, шатаясь, побрел к двери.

– Мне нужна одежда, – сказал он.

– Домой за ней можете не ездить. От дома остались одни головешки.

На скамье в приемной рыдала Соня Футл.

– Что с ней такое? – спросил Хатчмейер.

– Переживает из-за смерти этого Пипера, – сказал Гринсливз, – а вот вы что-то не торопитесь оплакивать покойную миссис Хатчмейер.

– Это потому, что я умею сдерживать свои чувства, – сказал Хатчмейер.

– Оно и видно, – заметил Гринсливз. – Пойдите успокойте ее и заодно поблагодарите за ваше алиби. Какое-нибудь тряпье для вас сейчас раздобудем.

Хатчмейер поправил на себе одеяло и подошел к скамье.

– Мне очень жаль... – начал он, но Соня в ярости вскочила на ноги.

– Жаль? – вскрикнула она. – Ты убил моего дорогого Питера и теперь говоришь, что тебе очень жаль?

Гринсливз оставил их объясняться и пошел за одеждой.

– Все, дело закрываем, – сказал он заместителю, – пусть федеральные власти потеют. Террористы в Мэне, а? Кому рассказать?

– Так, значит, не мафия?

– А не один ли черт кто? Нам за это и братья незначем: работа для ФБР. Я в такие омуты не заплываю.

Наконец Хатчмейера в черном костюме, который сидел на нем как на корове седло, и безутешную Соню отвезли в аэропорт; в Нью-Йорк их доставил хатчмейеровский самолет.

Их встречал Макморди с прессой. Хатчмейер вперевалку сошел по трапу и сделал заявление.

– Джентльмены, – сказал он надтреснутым голосом, – для меня это двойная трагедия. Я потерял самую замечательную, самую любящую женушку. Сорок лет счастливой брачной жизни лежат на дне... – Он смолк и высморкался. – В общем, ужасно. Я не могу выразить всей глубины моих переживаний.

– А как насчет Пипера? – спросил кто-то. Хатчмейер снова нырнул в глубину своих переживаний.

– Питер Пипер был молодым романистом непревзойденного таланта. Его гибель – страшная потеря для литературного мира. – Он опять вытащил платок, но Макморди подтолкнул его сзади.

– Скажите что-нибудь о романе, – шепнул он.

Хатчмейер перестал шмыгать носом и сказал несколько слов о книге «Девства ради помедлите о мужчины», опубликованной издательством «Хатчмейер Пресс» и доступной всем по цене семь девяносто в розницу... За его спиной в голос плакала Соня; ее отвели в машину, и она продолжала рыдать, когда они поехали.

– Ужасная трагедия, – сказал Хатчмейер, тронутый собственным красноречием, – совершенно ужасная.

Его перебила Соня, начавшая лупить Макморди.

– Убийца! – кричала она. – Это все ты! Ты наговорил всяким бешеным террористам, что он из ООП, из ИРА и гомосексуалист – любуйся, чем это кончилось!

– Да что за черт! – взвыл Макморди. – Ничего я не...

– Вшивые ищейки в Мэне думают, что это дело рук не то какой-нибудь Симбиозной армии освобождения, не то минитменов, не то еще кого-то в этом роде, – сказал Хатчмейер, – прячьте концы в воду.

– Понял, – сказал Макморди, мигая подбитым глазом. Соня отвергла гостеприимство Хатчмейера и потребовала, чтобы ее везли в Грамерси-

парк отель.

– Ты не волнуйся, – сказал Хатчмейер, когда она вылезла из машины, – Бэби и Пипер предстанут перед создателем по всей форме. Цветы там, процессия, бронзовый гроб...

– Два гроба, – сказал Макморди, – а то в один...

Соня резко обернулась.

– Они же умерли! – крикнула она. – Умерли, понимаете? Что у вас, совсем совести нет? Были два человека, живые люди, теперь их убили, а вы мелете чушь про похороны, гробы...

– Само собой, прежде надо, чтобы были тела, – успокоительно заметил Макморди. – Чего, действительно, толковать о гробах, когда тел-то нет.

– Не можете заткнуться? – рявкнул на него Хатчмейер, но Соня без оглядки бросилась в гостиницу.

Они ехали молча, и Хатчмейер прикидывал даже, не уволить ли ему Макморди, но потом раздумал. Кстати же, он терпеть не мог этот деревянный домище в Мэне, а раз Бэби больше нет...

– Жуткое переживание, – сказал он. – Ужасная потеря.

– Еще бы, – сказал Макморди, – сколько красоты пропало зря.

– Музейный экспонат, памятник прошлого. Люди из Бостона приезжали, чтоб только полюбоваться.

– Я про миссис Хатчмейер, – сказал Макморди. Хатчмейер язвительно покосился на него.

– Узнаю вас, Макморди. В такую минуту – и думать про секс.

– Я не в том смысле, – возразил Макморди. – С характером была женщина.

– Вот это верно, – сказал Хатчмейер. – И я хочу увековечить ее память в книгах. Она, между прочим, очень любила читать. Надо издать «Девства ради» в кожаном переплете с золотым тиснением, шрифт декоративный. Назовем его «Мемориальным изданием памяти Бэби Хатчмейер».

– Будет сделано, – сказал Макморди.

* * *

А пока Хатчмейер заново входил в роль издателя, Соня Футл плакала в номере Грамерси-парк отеля, лежа ничком на постели. Ее терзало горе пополам с виной. Единственный человек, который ее любил, погиб из-за нее. Она посмотрела на телефон и подумала, не позвонить ли Френсику, но

в Англии сейчас было за полночь И она послала телеграмму:

ПИТЕР ПОГИБ ВИДИМО УТОНУЛ МИССИС
ХАТЧМЕЙЕР ТОЖЕ ПОЛИЦИЯ РАССЛЕДУЕТ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОЗВОНЮ КОГДА СМОГУ СОНЯ.

Глава 15

Утром Френсик явился на Ланьярд-Лейн в чудном настроении. Все на свете было замечательно, солнце сияло, «Девство» начнут раскупать, как только откроются магазины, а главное – хатчмейеровские два миллиона долларов благополучно лежат на текущем счете фирмы «Френсик и Футл». Перевод пришел на прошлой неделе; надо только вычесть четыреста тысяч комиссионных и переправить остаток минус куш Джеффри мистеру Кэдволладаину и его загадочному клиенту. Френсик как раз и собирался это сделать, не откладывая. Он забрал почту из ящика и поднялся к себе. Там он уселся за стол, заправил в ноздрю первую дневную понюшку и разобрал письма, под конец обнаружив среди них телеграмму.

– Ну и ну, телеграмма! – ворчливо подивился он спешке напористого автора и развернул бланк. Радужная панорама мира вмиг распалась; на ее месте возникли разрозненные и жуткие образы, порожденные загадочными телеграфными словами. Пипер погиб? Видимо, утонул? Миссис Хатчмейер тоже? Скупые слова стали в его мозгу вопросами, и он попытался с ними справиться. Лишь через минуту до Френсика целиком дошел смысл телеграммы, который вызвал у него сомнение, а затем спасительное недоверие. Пипер не мог погибнуть. В уютном мирке Френсика смерти не было, о ней только писали. Смерть – это что-то нереальное, отдаленное, вымышленное. Но вот несколько слов, не разделенных знаками препинания и напечатанных на клочках бумажной ленты, принесли с собой смерть. Пипер погиб. Миссис Хатчмейер тоже, но она Френсика не волновала, за нее он не был в ответе. А за Пипера был. Френсик сам отправил его на смерть. И ПОЛИЦИЯ РАССЛЕДУЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЕ – значит, на несчастный случай не свалишь. Преступление и гибель – читай убийство, а убийство Пипера – это был уж какой-то невыносимый ужас. Френсик обмяк, посерел и съезжился.

Через некоторое время он заставил себя перечитать телеграмму. Но в ней стояли те же самые слова. ПИПЕР ПОГИБ. Френсик отер лицо платком и попытался представить, что же случилось. ВИДИМО УТОНУЛ. Если Пипер погиб, то откуда сомнения, утонул он или нет? Про погибшего обычно известно, что он погиб. И почему не звонит Соня? ПОЗВОНЮ КОГДА СМОГУ – еще одна загадка в придачу к загадочному посланию. Где же она, если не может сразу позвонить? Френсик представил себе Соню на больничной койке, но тогда бы она так и сообщила. Он потянулся

к телефону, чтобы позвонить в «Хатчмейер Пресс»; потом сообразил, что в Нью-Йорке еще ночь и на службе никого нет. Придется подождать двух часов. Он сидел уставившись на бланк и пытался мыслить практически. Раз полиция расследует преступление, значит, они обязательно станут копаться в прошлом Пипера и в два счета докопаются, что он – не автор «Девства». Затем... о, господи, узнает Хатчмейер, и расплата будет дьявольская Вернее, хатчмейеровская. Он потребует назад свои два миллиона долларов, а вдобавок потянет в суд за нарушение контракта или за мошенничество. Слава богу, хоть деньги еще в банке. Френсик перевел дух.

Чтобы отвлечься от мыслей о жутких последствиях, которыми грозила телеграмма, он пошел в Сонин кабинет и отыскал в секретере письмо мистера Кэдволладайна, выражающее согласие на замещение автора Пипером в американском турне. Френсик тщательно изучил письмо и положил его обратно. Все-таки есть какое-то прикрытие на случай неприятностей с Хатчмейером: мистер Кэдволладайн и его клиент – сообщники фирмы «Френсик и Футл». Если придется вернуть два миллиона – вернут свою долю как миленькие. Углубившись в будущее, Френсик постепенно перестал винить себя и переадресовал вину анонимному автору. Вот из-за кого погиб Пипер. Если бы этот мерзавец не скрывался под *nom de plume*, то Пипер был бы жив.

Тянулись утренние часы, Френсик не мог работать и все больше расстраивался. Ведь Пипер был ему по-своему дорог. А теперь его нет в живых. Френсик печально сидел за столом, глядел на ковент-гарденские крыши и безмолвно оплакивал Пипера. Бедняга, прирожденный мученик, а вернее сказать – мученик от литературы. Скорбное зрелище: человек, который не смог бы ничего написать ради спасения собственной жизни...

Френсик даже подскочил в кресле: уж очень точно подумалось. Да, Пипер погиб, так и не живши. Все отпущенные ему годы он угробил на то, чтобы пробиться в печать, и не пробился. Почему же людей вроде него так тянет к писанию, что за одержимость печатным словом приковывает их к письменным столам? В эту самую минуту тысячи других Пиперов сидят во всем мире над кипами чистой бумаги и заполняют ее словами, которые никто никогда не прочтет, но в которых им, от наивного самомнения, чудится глубокая значительность. И Френсику стало еще грустнее. Это все его вина. Ему надо было проявить решительность и здравый смысл – и сказать Пиперу, что никакой он не романист. А он вместо этого ободрял его. Скажи он нужные слова – и Пипер был бы жив, может, даже нашел бы свое истинное призвание – клерка или слесаря, – женился бы и зажил, так сказать, своим домом. Во всяком случае, не было бы этих пустопорожних

лет в полупустых пансионах на пустынных приморских курортах, где Пипер жил Конрадом, Лоуренсом и Генри Джеймсом – бледный призрак обожаемых мертвецов. Он ведь и умер подставным лицом, автором романа, которого не писал. Зато где-то живет как ни в чем не бывало человек, подставивший его вместо себя.

Френсик снял трубку. Нет, не жить ему, подлецу, как ни в чем не бывало. Уж мистер Кэдволладайн его допечет. Он набрал оксфордский номер.

– Боюсь, что у меня для вас довольно плохие новости, – сказал он мистеру Кэдволладайну.

– Плохие новости? Не понимаю, – отозвался мистер Кэдволладайн.

– О том молодом человеке, который поехал в Америку в качестве автора присланного вами романа, – пояснил Френсик.

Мистер Кэдволладайн озабоченно кашлянул.

– Что же он... э-э... проявил неосторожность?

– Можно выразиться и так, – сказал Френсик. – Короче говоря, нам, должно быть, придется иметь дело с полицией. – Мистер Кэдволладайн еще старательнее прочистил горло – к пущему злорадству Френсика. – Да, с полицией, – повторил он. – Вскоре, видимо, предстоит расследование.

– Расследование? – встревожено переспросил мистер Кэдволладайн. – Какого рода расследование?

– Пока трудно сказать, но я счел нужным поставить вас и вашего клиента в известность, что Питер Пипер погиб.

– Погиб? – скрипнул мистер Кэдволладайн.

– Погиб, – подтвердил Френсик.

– Боже мой. Как это неудачно.

– Согласен, – сказал Френсик. – Хотя слово «неудачно» здесь вряд ли подходит, поскольку Пипер вернее всего убит.

Тут мистер Кэдволладайн встревожился уже не на шутку.

– Убит? – ахнул он. – Вы сказали «убит»?

– Именно это я и сказал. Убит.

– Господи боже мой, – сказал мистер Кэдволладайн. – Как это ужасно.

Френсик ничего не ответил, предоставив мистеру Кэдволладайну проникнуться ужасом происходящего.

– Право, не знаю, что вам и сказать, – наконец пробормотал тот.

– В таком случае, – воспользовался Френсик его замешательством, – скажите мне имя и адрес вашего клиента, и я сам информирую его.

Мистер Кэдволладайн отрицательно помычал.

– В этом нет надобности. Ему будет сообщено.

– Как угодно, – сказал Френсик. – Сообщите ему заодно, что американского аванса придется подождать.

– Подождать? Но неужели вы предполагаете...

– Я ничего не предполагаю. Я просто хочу обратить ваше внимание на тот факт, что мистер Хатчмейер не был в курсе подмены вашего клиента-анонима мистером Пипером, и поэтому если полиция в ходе следствия обнаружит наш маленький трюк... вы уловили?

Мистер Кэдволладайн уловил.

– Вы полагаете, мистер... э-э... Хатчмейер может... э-э... потребовать неустойку?

– Или подать в суд, – без обвиняков сказал Френсик, – и тогда лучше быть готовыми тут же вернуть ему всю сумму.

– О, разумеется, – подтвердил мистер Кэдволладайн, которому явно очень мало импонировала роль ответчика. – Предоставляю это целиком на ваше усмотрение.

Френсик положил трубку с облегченным вздохом. Взвалив часть ответственности на мистера Кэдволладайна и его треклятого клиента, он немного повеселел. Он даже не без удовольствия набил себе нос табаком, но тут зазвонил телефон: Соня Футл из Нью-Йорка. Голос у нее был совершенно подавленный.

– Ох, Френзи, я в таком горе, – сказала она, – и я во всем виновата. Если б не я, никогда бы этого не случилось.

– Что значит – ты виновата? – спросил Френсик. – Ведь не ты же...

– Зачем я его сюда повезла? Он был так счастлив... – голос ее прервался и послышались рыдания.

Френсик сглотнул ком в горле.

– Бога ради расскажи мне, что случилось, – попросил он.

– Полиция считает – убийство, – сказала Соня и снова зарыдала.

– Это я уже понял из телеграммы. А что случилось – пока не понимаю. Как он погиб?

– Неизвестно, – сказала Соня, – и это ужаснее всего. Они шарят по дну залива, перекапывают золу на пожарище...

– Какую золу? – удивился Френсик, силясь понять, зачем Пипера ищут в золе, если он утонул.

– Понимаешь, Хатч и я, мы поехали на яхте, разыгрался шторм, дом загорелся, и кто-то стрелял в пожарных, а катер Хатча налетел на нас и взорвался, мы чудом уцелели и...

Рассказ ее был невнятный и сбивчивый, и Френсик, прижимая трубку к уху, тщетно пытался составить картину происшествия. Казалось,

хаотические образы были частями бредовой головоломки, сцеплявшимися без малейшего подобия общего рисунка Огромный деревянный дом изрыгает пламя в ночное небо. Кто-то, укрывшись в пылающем доме, обстреливает пожарных из крупнокалиберного пулемета. Медведи. Хатчмейер и Соня на яхте во время урагана. Горящие катера бороздят залив – и наконец самое чудовищное: Пипер отлетает в лучший мир вместе с миссис Хатчмейер в норковом манто. Какое-то адское видение.

– Кого подозревают? – спросил он.

– Какую-нибудь террористическую группу, – сказала Соня. Френсик судорожно сглотнул.

– Террористическую группу? Зачем террористам убивать бедного Пипера?

– Ну, вокруг него был устроен такой шум – вышло целое побоище, – сказала Соня. – Когда мы сошли на берег в Нью-Йорке... – И она рассказала об их прибытии, а Френсик в ужасе слушал.

– Ты говоришь, Хатчмейер нарочно это устроил? Да он сумасшедший!

– Он хотел, чтоб вышла большая шумиха, – объяснила Соня.

– Тут он преуспел, ничего не скажешь, – заметил Френсик. Но Соня опять разрыдалась.

– Ты просто бессердечный, – выговорила она. – Словно ты не понимаешь, что это значит...

– Понимаю, – сказал Френсик, – это значит, что полиция станет выяснять личность Пипера и...

– Что это наша вина, – проплакала Соня, – мы его послали сюда, из-за нас...

– Ну уж нет, – сказал Френсик, – если б я знал, какая ему уготована встреча, я бы в жизни не отправил его на закланье. Что же касается террористов...

– Полиция не вполне уверена, что это террористы. Сначала они думали, что его убил Хатчмейер.

– Вот это больше похоже на правду, – сказал Френсик. – А судя по твоему рассказу – просто сущая правда. Он подстрекатель. Пусть не он сам...

– А потом они, кажется, подозревали мафию.

Френсик опять сглотнул. Еще того не легче.

– Мафию? Чем Пипер мог насолить мафии? Да бедняга вообще...

– Не Пипер, Хатчмейер.

– Ты имеешь в виду, что мафия совершила неудачное покушение на Хатчмейера? – огорченно спросил Френсик.

– Ничего я в виду не имею, – сказала Соня. – Я рассказываю тебе, что слышала от полиции: по их словам, Хатчмейер якшался с преступным миром.

– Если они хотели прикончить Хатчмейера, при чем тут Пипер?

– Ну ведь Хатч и я были на яхте, а Пипер с Бэби...

– Что за бэби? – испуганно спросил Френсик, наспех расчищая загроможденную сцену преступления для новых ужасающих подробностей.

– Бэби Хатчмейер.

– Хатчмейер? Я и не знал, что у этой скотины...

– Да нет у него детей. Миссис Хатчмейер. Ее звали Бэби.

– О господи, – сказал Френсик.

– Нельзя быть таким черствым. Тебе как будто все безразлично.

– Мне? – сказал Френсик. – Как это безразлично! Совершеннейший ужас. Так ты говоришь, мафия...

– Не я говорю, полиция говорит. Они думают, что это была попытка запугать Хатчмейера.

– И запугали? – спросил Френсик, надеясь найти в ситуации хоть что-нибудь утешительное.

– Нет, – сказала Соня, – он злой, как черт. Говорит, что подаст на них в суд.

– В суд? – ужаснулся Френсик. – Что значит – в суд? На мафию в суд не подашь и к тому же...

– Не на мафию. На полицию.

– Хатчмейер в суд на полицию? – спросил Френсик, окончательно потеряв нить.

– Ну, сначала они же на него подумали. Допрашивали несколько часов, оказывали давление. Ему еле поверили, что он был со мной на яхте. А тут еще эти канистры.

– Канистры? Какие канистры?

– Которыми я его обвязала.

– Ты обвязала Хатчмейера канистрами?

– Пришлось, а то бы он утонул.

Френсик не нашел в этом особой логики.

– По-моему, если бы... – Он осекся, не став выражать сожаления, что Хатчмейер не утонул. Между тем все бы очень упростилось.

– И что ты собираешься делать? – спросил он наконец.

– Не знаю, – сказала Соня, – пока побуду здесь. Следствие не кончено, мне даже переодеться не во что... ах, Френзи, все это так ужасно! – И она

снова расплакалась.

Френсик подумал, чем бы ее приободрить.

– Кстати, рецензии в воскресных газетах были одна лучше другой, – сказал он, но Соню это ничуть не утешило.

– Как ты можешь сейчас говорить о рецензиях? – возмутилась она. – Тебе просто наплевать, вот и все.

– Ну что ты, милая, вовсе мне не наплевать, – запротестовал Френсик, – это такая трагедия для всех нас. Я сию минуту звонил мистеру Кэдволладаину и объяснил ему, что его клиенту придется теперь подождать с деньгами.

– С деньгами? У тебя одни деньги на уме. Мой милый Питер погиб, а ты...

Френсик выслушал обвинения себе, Хатчмейеру и какому-то Макморди: каждый из них и все вместе, как считала Соня, думают только о деньгах.

– Я понимаю твои чувства, – сказал он, когда она остановилась перевести дыхание, – но дело есть дело, и если Хатчмейер узнает, что Пипер – не автор «Девства»...

Но телефон замолк. Френсик укоризненно посмотрел на него и положил трубку. Оставалось надеяться, что Соня соберется с духом и что полиция не станет расследовать прошлое Пипера.

* * *

В Нью-Йорке Хатчмейер был настроен совсем наоборот. Он считал, что полиция – это свора кретинных, неспособных ничего толком расследовать. Он уже снесся со своими юристами, и те решительно отсоветовали подавать в суд на шефа Гринслива за незаконный арест, потому что Хатчмейера не арестовывали.

– Этот ублюдок продержал меня несколько часов в одном одеяле, – доказывал Хатчмейер. – Они светили мне лампой в лицо, а вы говорите, я не имею права на возмещение. Должен быть закон, который защищает невинных граждан от подобных посягательств.

– Вот если бы какие-нибудь следы рукоприкладства, тогда бы можно было попробовать, а так...

Не сумев раскачать на дело своих юристов, Хатчмейер взял за глотку страховщиков, но с теми оказалось не легче. К нему прибыл мистер

Синстром из Отдела рекламаций и выразил некоторые сомнения.

– Как, то есть, полиция необязательно права насчет террористов? – опешил Хатчмейер.

Глаза мистера Синстрома холодно блеснули за очками в серебряной оправе.

– Три с половиной миллиона – это большие деньги, – сказал он.

– Конечно, – согласился Хатчмейер, – зато и взносов я вам выплатил немало. Что вы вообще-то хотите сказать?

Мистер Синстром заглянул в свою папку.

– Береговая охрана выловила шесть чемоданов, принадлежащих миссис Хатчмейер. Это во-первых. В них были все ее драгоценности и лучшая часть гардероба. Это во-вторых. В-третьих, чемодан мистера Пипера был также на борту катера и, как мы удостоверились, содержал все его вещи.

– Ну и что? – сказал Хатчмейер.

– Таким образом, если это политическое убийство, то представляется странным, что террористы заставили погибших упаковать чемоданы, погрузили их на борт, а затем подожгли дом и катер. Это расходится с обычными террористическими акциями. Картина несколько сдвинутая.

Хатчмейер яростно сощурился.

– Если вы намекаете, что я умышленно подставил под катер себя и свою яхту, лишь бы потопить свою жену и самого многообещающего автора...

– Отнюдь, – возразил мистер Синстром. – Я лишь говорю, что в это дело необходимо вникнуть поглубже.

– Ну, давайте вникайте, – сказал Хатчмейер, – а когда вникните, выкладывайте мои деньги.

– Не беспокойтесь, – сказал мистер Синстром, – мы доберемся до сути дела. Три с половиной миллиона нас к этому обязывают.

Он встал и направился к двери.

– Да, кстати, может быть, вам будет любопытно узнать, что поджигатель прекрасно ориентировался – например, без труда отыскал бензохранилище. Возможно, это был кто-нибудь из домашних.

У Хатчмейера осталось беспокойное ощущение, что мистер Синстром и его помощники, в отличие от полиции, слабоумием не страдают. Из домашних? Хатчмейер обдумал его слова. И все драгоценности в чемодане. Ну, а если... может, Бэби и правда решила сбежать с этим поганцем Пипером? Хатчмейер не отказал себе в довольной улыбке. Если так, то поделом получила, гадюка. Только вот не всплыли бы опасные

документики, препорученные ее юристам, это не дай бог. Ну что бы ей умереть как-нибудь попроще, скажем от того же инфаркта?

Глава 16

Особняк Ван дер Гугенов в Мэне остался пустовать со спущенными шторами и зачехленной мебелью. Как и обещала Бэби, уехали они очень просто. Покинув Пипера в полумраке спальни, она пешком пошла в Белсуорт и купила там подержанный автомобиль.

– В Нью-Йорке бросим его и подыщем что-нибудь получше, – сказала она, держа путь на Юг. – Не надо оставлять за собой хвостов.

Пипер, лежавший на полу кабины у нее за спиной, не разделял ее оптимизма.

– Пока обошлось, – проворчал он, – только ведь раз наших тел не отыскали, значит, будут искать нас. Это же само собой разумеется.

– Они решат, что тела унесло отливом, – невозмутимо заявила Бэби. – Так бы и было, если б мы утонули. И я слушала в Белсуорте, что найдены наши чемоданы, а в них твой паспорт и мои драгоценности. Стало быть, нас нет в живых. Не такая я женщина, чтобы расстаться с жемчугом и бриллиантами, пока меня бог не приберет.

Пипер счел этот ход мысли довольно убедительным. «Френсик и Футл» в его смерть безусловно поверят, но без паспорта и гробовщиков...

– Рукописи мои тоже найдены? – спросил он.

– Об этом речи не было, но, уж наверное, где паспорт, там и рукописи.

– Не знаю, как мне быть без рукописей, – сказал Пипер. – Это труд всей моей жизни.

Он лежал, глядел, как мелькают в синем небе верхушки деревьев, и думал о труде своей жизни. Теперь он не допишет «Поиски утраченного детства» и не станет признанным гением. Все его надежды пожрало пламя и поглотила пучина. На остаток дней в земной юдоли ему суждена посмертная слава автора «Девства». Это была невыносимая мысль, и Пипер проникся решимостью избавиться от чужой славы. Наверное, как-нибудь можно опубликовать опровержение. Но опровергать из-за гроба – дело нелегкое. Вряд ли можно просто написать в литературное приложение «Тайме», что «Девство» – не его роман и что «Френсик и Футл» уговорили его выдать себя за автора в своих корыстных целях. И подпись: «Покойный Питер Пипер»... Нет, это абсолютно исключено. А с другой стороны – нельзя же войти в историю литературы автором порнографического романа! Пипер спорил сам с собой, пока не уснул.

Когда он проснулся, они уже пересекли границу штата и были в

Вермонте. Ночевать остановились в маленьком мотеле на берегу озера Шамплейн. Бэби расписалась в книге для приезжих за мистера и миссис Касторп, а Пипер тем временем отнес в коттедж два пустых чемодана, заимствованных у Ван дер Гугенов.

– Завтра запасемся одеждой и прочим, – сказала Бэби. Но Пипера эти низкие материи не занимали. Он стоял у окна, пытаясь освоиться с дикой мыслью, что он и эта безумная женщина связаны узами крепче супружеских.

– Ты хоть понимаешь, что мы теперь никогда не сможем разлучиться? – спросил он наконец.

– Это почему же? – отозвалась Бэби из-под душа.

– По той простой причине, что у меня нет документов и я не могу устроиться на работу, – сказал Пипер, – и еще потому, что деньги все у тебя; а если кто-нибудь из нас попадетя полиции, то сидеть нам обоим за решеткой до скончания дней.

– Мрачно смотришь на вещи, – сказала Бэби. – Жить надо по вдохновению. Уедем куда-нибудь, где нас и не вздумают искать, и начнем все заново.

– Куда же это?

– Да на Юг. На дальний Юг, – сказала Бэби, выходя из ванной. – Вот куда Хатчмейер носа не сунет. Он почему-то боится ку-клукс-клана.

– А какого черта делать мне на дальнем Юге? – спросил Пипер.

– А попробуй писать романы в южном вкусе. Хатч хоть и не бывал там, но южных романов выпустил видимо-невидимо: на обложке обычно мужчина с хлыстом и запуганная девица. Сплошные бестселлеры.

– Мне только такие и писать, – мрачно сказал Пипер, включая душ.

– Пиши под псевдонимом.

– Да уж придется, благодаря тебе.

Когда за окнами стемнело, Пипер улегся, продолжая размышлять о будущем. В постели рядом вздохнула Бэби.

– Какое счастье, когда мужчина не мочится в умывальную раковину, – проговорила она. Пипер словно и не заметил этого приглашения.

Наутро они тронулись дальше окольными путями, медленно, но верно подвигаясь к югу. А Пипер все думал и думал, как ему вернуться на писательскую стезю.

* * *

В Скрэнтоне, где Бэби с приплатой обменяла их рухлядь на новый «форд», Пипер купил себе два гроссбуха, бутылку Хиггинсовых чернил (на пробу) и ручку марки «Эстербрук».

– Хотя бы дневник буду вести, – объяснил он Бэби.

– Дневник? Ты и в окошко-то не смотришь, а едим мы в стоячих закусовых – что писать в дневнике?

– Я думал начать его задним числом. Как своего рода реабилитацию. Я бы...

– Реабилитацию? И каким это «задним числом»?

– Ну, начал бы с того, как Френсик уговорил меня ехать в Штаты, а там день за днем – путешествие и... так далее.

Бэби сбросила скорость и отъехала на обочину.

– Погоди-ка, давай разберемся. Ты, значит, начинаешь...

– Кажется, с десятого апреля, когда я получил телеграмму от Френсика.

– Так-так. Десятого апреля – а дальше?

– Ну, я напишу, как я не хотел, а они меня уламывали – что, мол, напечатают «Поиски» и все такое прочее.

– А где же конец?

– Конец? – удивился Пипер. – О конце и не думал. Я просто продолжу, день за днем...

– Про пожар и тому подобное? – подсказала Бэби.

– Конечно, и про это. Ведь не обойдешь.

– Как он, стало быть, случайно начался? – Бэби поглядела на него и покачала головой.

– Ты, значит, напишешь, что я подожгла дом и запустила катер навстречу Хатчмейеру и этой Футл? Так, что ли?

– Ну да, – сказал Пипер. – Так ведь оно и было, а...

– Называется реабилитация. И не думай даже, выбрось из головы. Без меня ты себя не реабилитируешь, а я же тебе сказала, что у нас теперь на двоих одна судьба.

– Хорошо тебе говорить, – горько сказал Пипер, – на тебе не висит авторство мерзейшего романа, не то что...

– На мне висит гений, с меня хватит, – сказала Бэби и включила зажигание. Пипер нахохлился и насупился.

– Я только и умею, что писать, – сказал он, – а ты мне не позволяешь.

– Почему это не позволяю? – сказала Бэби. – Пожалуйста, но дневники задним числом – это обойдешься. Мертвецы вообще помалкивают. Дневников они уж точно не ведут, и вообще я как-то не понимаю, чего ты

так набрасываешься на «Девство». По-моему, прекрасная книга.

– Разве что по-твоему, – сказал Пипер.

– Очень мне интересно, кто же ее все-таки написал. Недаром ведь, наверное, за других прячется.

– Стоит прочесть это скотство – и понятно почему, – сказал Пипер. – Сплошной секс. И теперь все будут думать, что это я.

– А ты бы написал вообще без секса? – спросила Бэби.

– Конечно Это во-первых, а во вторых...

– Ну, и не пошла бы книга. Настолько-то я разбираюсь в издательском деле.

– И ладно, и пусть, – сказал Пипер. – Такие книги подрывают человечность – вот в чем их вред.

– Ну, так перепиши ее по-своему, – она запнулась на пороге озарения и задумалась.

Через двадцать миль показался небольшой городок. Бэби припарковала машину и пошла в универмаг. Вернулась она с экземпляром «Девства».

– Берут нарасхват, – сказала она и протянула ему книгу.

Пипер посмотрел на свою фотографию, украшавшую задник суперобложки. Она была сделана в Лондоне, в те безмятежные дни, когда он любил Соню, – и его лицо, растянутое дурацкой улыбкой, показалось ему чужим.

– Зачем это мне? – спросил он.

Бэби усмехнулась.

– Пиши.

– Писать? – удивился Пипер. – Она ведь уже...

– Написана, но не так, как ты бы написал, а ты ее автор.

– Какой я, к дьяволу, автор?

– Кисик, где-то в необъятном мире есть человек, который написал эту книгу. Он это знает, Френсик знает и эта сучка Футл тоже; ну, и мы с тобой. Вот и все. Хатч – и тот не знает.

– Слава богу, – сказал Пипер.

– Видишь, даже ты говоришь «слава богу»; а «Френсик и Футл» повторяют это днем и ночью. Хатч заплатил за роман два миллиона: сумма изрядная.

– Сумма громадная и постыдная, – сказал Пипер. – Ты знаешь, что Конрад получил за?..

– Не знаю и знать не хочу. Меня интересует другое: что будет, когда ты перепишешь роман своим дивным почерком, а Френсик получит рукопись.

– Френсик получит... – начал Пипер, но Бэби сделала ему знак

молчать.

– Да, твою рукопись, – сказала она, – из-за гроба.

– Мою рукопись из-за гроба? Да у него ум за разум зайдет.

– Это еще что, потом мы запросим аванс и потребуем отчислений с продажи, – сказала Бэби.

– Он же тогда поймет, что я жив, – возразил Пипер. – Пойдет прямо в полицию и...

– Дурак он соваться в полицию, а потом объясняться с Хатчем и так далее. Да Хатч на него всех собак спустит. Нет, сэр, мистер Френсик и мисс Футл – оба они еще попляшут под нашу дудку.

– Ты с ума сошла, – сказал Пипер, – просто рехнулась. Если ты и правда думаешь, что я стану переписывать эту мерзость...

– Сам же хотел поправить свою репутацию, – сказала Бэби при выезде из городка. – А другого способа нет.

– Не понимаю, что это за способ.

– погоди, поймешь, – сказала Бэби. – Главное – слушайся мамочку.

* * *

Вечером, в номере очередного мотеля Пипер раскрыл грессбух, поставил чернила, разложил ручки и перья столь же аккуратно, как некогда в пансионе Гленинг, и, водрузив перед собой «Девство», принялся за дело. Страницу увенчали слова «Глава первая», затем появились строчки: «Дом стоял на холме, в окружении трех вязов, березы и кедра, горизонтальные ветви которого придавали ему вид...»

Позади него Бэби разлеглась на постели с довольной улыбкой.

– Только этот черновик не очень правь, – сказала она. – Мы его сделаем подлинней подлинного.

– А я полагал, что весь смысл этого занятия, – отложил перо Пипер, – в том, чтобы я заново обрел свою погибшую репутацию, выправив...

– Во втором черновике, – сказала Бэби. – А это на затравку «Френсику и Футл». Так что давай ближе к тексту.

Пипер взял перо и стал держаться ближе к тексту. Он делал на странице несколько поправок, потом зачеркивал их и писал наверху, как было в подлиннике. Время от времени Бэби поднималась с постели, заглядывала ему через плечо и отходила довольная.

– Ну, Френсик у нас получит, – сказала она, но Пипер вряд ли ее и

слышал. Он вошел в прежнюю колею и снова ощутил себя личностью. Он писал и писал, как всегда теряясь в мире чужого воображения и предвкушая правку во втором черновике – в том, который спасет его репутацию. В полночь, когда Бэби легла спать, он все еще переписывал. Еще через час усталый, но в общем довольный собой Пипер поднялся, почистил зубы и тоже забрался в постель. Утро не за горами.

Но утром они пустились в путь, и лишь под вечер Бэби свернула к заведению Говарда Джонсона в Бинвилле, штат Южная Каролина; там-то Пипер и продолжил работу.

Покуда Пипер возрождался к жизни в качестве странствующего романиста, Соня Футл оплакивала его кончину с достохвальным упорством, которое выводило из себя Хатчмейера.

– Как так она не придет на похороны?! – орал он на Макморди, сообщившего, что мисс Футл очень сожалеет, но принимать участие в комедии ради поднятия тиража «Девства» не намерена.

– Она говорит, без тел в гробах... – начал было Макморди, но багровый Хатчмейер обрушился на него:

– Рожу я ей, что ли, эти тела? Полиция разводит руками. Следователи стражагентства тоже. Водолазы, ни дна им ни покрышки, ныряют без толку. А я, значит, доставай их из-под земли? Снесло, снесло их в Атлантику или акулы сожрали.

– Вы же, по-моему, говорили, что гробы можно загрузить бетоном, – сказал Макморди, – а тела эти никому...

– Мало ли что я говорил, Макморди. А сейчас я говорю, что надо наоборот, представить публике Бэби и Пипера.

– Трудновато, а? Мертвые, тел нет, и вообще. Может...

– Не может, а наверняка надо подкинуть «Девство» кверху в списке бестселлеров.

– По компьютеру и так вроде раскупается неплохо.

– Неплохо? Неплохо – это как минимум плохо. Надо, чтоб было лучше хорошего. Надо нам сварганить этому гнусу Пиперу репутацию не хуже, чем... Как звали того болвана, от которого лепешки не осталось в автомобильной катастрофе?

– Да мало ли их...

– В Голливуде. Знаменитый такой.

– Джеймс Дин, – сказал Макморди.

– Не Джеймс. Писатель. Насчет насекомых.

– Насекомых? – сказал Макморди. – Муравьи там и тому подобное? Читал я однажды книжку про муравьев...

– Какие еще муравьи! Про этих с длинными ногами, вроде кузнечиков. Которые все объедают.

– А, саранча. «День саранчи». Кино потрясающее. Как этот здоровый с ходу кидается на того вшиварика...

– Идите вы с вашим кино, Макморди. Книгу-то кто написал?

– Уэст, – сказал Макморди. – Натанаэл Уэст. Настоящая фамилия – Вайнштейн.

– Кому нужна его настоящая фамилия? Вот про него никто не слышал, а он трах под машину – и завтра, на тебе, знаменитость! С Пипером даже еще лучше. Кругом загадки. Рядом гангстеры. Дом горит, катера взрываются, ему-то самому кроме старух ничего не надо, а вот получай.

– Дело прошлое, – сказал Макморди.

– Как раз его прошлое мне и требуется: полное досье. Где он жил, что делал, какие у него были женщины?..

– И мисс Футл тоже? – бестактно спросил Макморди.

– Нет, – рявкнул Хатчмейер, – нет, обойдется без мисс Футл. Она вон даже на похороны к бедняге не идет. Прочее бабье. Судя по книге, его хватало.

– Если по книге, так они небось все перемерли. Героине-то восемьдесят, а ему семнадцать. Пиперу было двадцать восемь, от силы тридцать – значит, ей сейчас за девяносто, возраст беспамятный.

– Вот дьявол, да что вам – все подсказывать? Стряпайте, Макморди, стряпайте. Звякните в Лондон, поговорите с Френсиком, покопайтесь в газетах. Что-нибудь да наберется.

Макморди удалился и позвонил в Лондон. Через двадцать минут он вернулся с сообщением, что от Френсика толку не будет.

– Говорит, ничего ему не известно, – сказал он гневному Хатчмейеру. – Пипер будто бы прислал книгу, Френсик прочел, отослал Коркадилам, тем понравилось – и примерно все. Никакого прошлого.

– Какое-то должно быть. Он же где-нибудь родился? И мать его...

– Нету. Родители погибли в автомобильной катастрофе. Слово и не жил.

– Ну, задрыга, – сказал Хатчмейер.

* * *

Столь же крепкие выражения приходили на ум Френсику,

положившему трубку после звонка Макморди. Мало ему было потерять автора, который ничего не написал, – так теперь еще требуются его биографические данные. Не хватало только прессы, какой-нибудь дотошной репортерши, которая пронюхает о трагическом детстве Пипера. Френсик пошел в Сонин кабинет и отыскал папку с пиперовской корреспонденцией – очень объемистую. Папку он отнес к себе и призадумался, как с ней быть. Сначала он решил ее просто сжечь, но не так-то это было просто: Пипер понаписал ему из разных пансионатов добрую сотню писем, а он ни одно не оставил без ответа. Копии ответов были в папке; оригиналы тоже, наверное, никуда не делись. Хранятся у тетки? Или у какой-нибудь свирепой хозяйки пансионата. Френсик сидел и ломал голову. Он сказал Макморди, что у Пипера родственников нет, – а вдруг у него окажется несметное количество хищных теток, дядьев, кузенов и кузин – и все они потребуют своей доли? А завещание? Зная Пипера, Френсик полагал, что его и в помине нет. Стало быть, дело пойдет в суд и начнется такое... С одной стороны, анонимный автор затребует аванс, с другой... И посреди всего этого безобразия болтается фирма «Френсик и Футл», мошенники из мошенников, уличенные Хатчмейером, уличенные родней Пипера, уплачивающие непомерные издержки, убогающие ненасытных юристов и наконец разоренные дотла. И все оттого, что какой-то умалишенный клиент Кэдволладейна пожелал, видите ли, остаться неизвестным.

Проделав это жуткое путешествие в будущее, Френсик отнес папку на место, надписав ее на всякий случай «Мистер Смит» и стал думать о способах защиты. Только и можно было сослаться на инструкцию мистера Кэдволладейна – а поскольку фирма «Кэдволладейн и Димкинс» весьма дорожит своей репутацией, то скандал им нужен не больше, чем ему. Автору, вероятно, тоже. Но тут утешения мало. Хатчмейер пронюхает и сразу поднимет бучу. Опять-таки на Соню в ее состоянии надежда плоха: того и гляди, сорвется и сболтнет что-нибудь лишнее. Френсик придвинул телефон и заказал разговор со Штатами. Пора Соне Футл возвращаться в Англию. Оказалось, что она отбыла утром и, по предположению дежурной Грамерси-парк отеля, торчит, небось, посреди Атлантики.

– Вы хотите сказать: летит над Атлантическим океаном, – по правилу Френсик, сообразив затем, что предположение дежурной не лишено добавочного, хоть и невольного, смысла.

Ближе к вечеру Соня приземлилась в Хитроу и взяла такси до Ланьярд-Лейна. Безутешный вид Френсика был живым свидетельством его скорби.

– Я виню прежде всего себя, – сказал он, не дожидаясь упреков, – не надо было вообще втягивать в эту историю беднягу Пипера и рисковать его будущим. Единственное утешение, что он теперь видный романист. Останься он жив, все равно бы не написал книги лучше этой.

– Но ведь этой он не писал, – сказала Соня.

– Да, да, – кивнул Френсик, – но она-то его и прославила. Он бы оценил иронию: он ведь был, знаешь ли, большим поклонником Томаса Манна. Почтим его память молчанием.

Заранее разрядив таким образом Сонины укоризны, Френсис дал излиться ее чувствам в рассказе о страшной ночи и последующих деяниях Хатчмейера. Его это никак не просветило.

– М-да, более чем странно, – сказал он в заключение. – Остается предполагать, что вышла ужасная ошибка и убили не тех, кого надо. Вот если бы Хатчмейера...

– Меня бы тогда тоже убили, – сказала Соня сквозь слезы.

– Нет худа без добра, – заметил Френсик.

* * *

На следующее утро Соня Футл взялась за работу. Пока ее не было, накопилась куча книг о животных: и тем временем как Френсик у себя за столом мысленно одобрял свою тактику и молча умолял судьбу смилостивиться, Соня занималась «Бобренком Берни». Над ним надо было поработать, но поработать стоило.

* * *

Точно так же думал Пипер о «Девстве» в коттеджике на склоне Смоки-Маунтенз. Он глядел с веранды вниз на озеро, где плавала Бэби, и пересматривал свое отношение к роману. Да, видимо, прежде его сбили с толку эротические пассажи. Теперь, списав роман от начала до конца, он рассудил, что основа у него добротная. То есть даже по большей части речь здесь идет в нужном ключе о весьма существенных проблемах. Стоит лишь понизить возрастную разницу между Гвендолен и повествователем Энтони, выполоть всю порнографию – и «Девства ради помедлите о мужчины» прекрасно приобщается к серьезной литературе. Тут есть глубинное

рассмотрение вопросов о смысле жизни, роль писателя в современном обществе, обезличивание индивидуальности в городской среде, необходимость возврата к ценностным категориям былых, более цивилизованных, сельскохозяйственных времен. Особенно удачно описаны юношеские терзания на пороге зрелости и то душевное равновесие, которое дает столярное дело, в частности изготовление мебели. Гвендолен пробежала пальцами по занозистой, сучковатой поверхности дуба, не по летам чувственно касаясь древесины. «Суровое время укротило неподатливое дерево, – сказала она. – Ты будешь строгать против волокна и придашь форму бесформенному и бесчувственному». Пипер одобрительно кивнул. Пассаж, исполненный литературных достоинств, а к тому же и вдохновляющий. Вот и он тоже будет строгать роман против волокна и придаст ему форму, так что в новом варианте от бестселлера ничего не останется, все сексуальные наросты, оскверняющие самое существо романа, будут устранены – и книга станет памятником его литературному дарованию. Пусть посмертно, но все же репутация его очистится. В грядущие годы критики сравнят обе версии и выведут заключение, что в раннем, некоммерческом варианте сказались первичные намерения автора, устремленного к литературным высотам; а потом текст был изменен в угоду Френсику, Хатчмейеру и их извращенным представлениям о вкусе публики. На них ляжет вина за бестселлер, а его оправдают. И более того, превознесут. Он закрыл грессбух и встал навстречу Бэби, которая вылезла из воды и шла от берега к коттеджу.

– Кончил? – спросила она. Пипер кивнул.

– Завтра берусь за вторую версию, – сказал он.

– Давай-давай, а я пока отвезу первую в Ашвилл и ксерокопирую. Чем скорее Френсик ее получит, тем быстрее мы его подпалим.

– Ты бы лучше выразалась иначе, – сказал Пипер, – а то опять «подпалим». И вообще – откуда ты собираешься ее отправить? Нас выследят по штампу на марке.

– Послезавтра нас здесь уже не будет. Мы сняли коттедж на неделю. Я съезжу в Шарлотт, слетаю оттуда в Нью-Йорк и там отправлю. Завтра к вечеру буду, послезавтра поедем.

– Зачем это мы все время едем, – сказал Пипер, – мне лично и здесь хорошо. Никто нас не тревожил, я спокойно писал. Может, здесь и останемся?

– Здесь не дальний Юг, – сказала Бэби, – а если я говорю – дальний, значит – подальше. За Алабамой, штат Миссисипи, есть такие места, куда ворон костей не заносил, мне как раз туда и надо.

– Я читал, что в Миссисипи не очень-то любят чужаков, – сказал Пипер, – пойдут расспросы, всякое такое.

– Фолкнера надо меньше читать, – сказала Бэби, – а четверть миллиона долларов отвечают за все.

Она пошла в коттедж переодеться. После обеда Пипер плавал в озере и гулял по берегу, размышляя о текстуальных изменениях «Девства» № 2. Он уже решил переменить заглавие и назвать его «Возвратный труд». Тут было легкое напоминание о «Поминках по Финнегану» Джойса, публиковавшихся, как известно, под заглавием «Работа идет», – словом, возникал литературный архетип. В конце концов Джойс взрыхлял и перерыхлял свои романы без всякой мысли об их продажной стоимости. И, кстати, в изгнании. Пипер мгновенно почувствовал, как он идет по стопам Джойса, инкогнито и без конца правя все ту же книгу – с той разницей, что при жизни ему не суждено выбраться из безвестности к славе. Если только в труде его не будет явлен такой бесспорный гений, что всякие пустяки вроде пожара, горящих катеров и даже его мнимой гибели станут лишь деталями биографии великого писателя. Да, великого и неподвластного пустякам. Пипер повернулся и заспешил по берегу обратно в коттедж. Надо безотлагательно начинать «Возвратный труд». Вернувшись, он обнаружил, что Бэби уже уехала в Ашвилл с его первой рукописью. Для него была записка на столе, точная и краткая «Уезжаю. Вернусь завтра. Так держать. Бэби».

Пипер повиновался. До вечера он прошел «Девство» с пером наперевес и перечеркал все упоминания о возрасте. Гвендолен сделалась двадцатипятилетней, а Энтони постарел на десять лет и ему стало двадцать семь. По ходу дела Пипер выкорчевывал малейшие упоминания о той сексуальной акробатике, из-за которой роман раскупали. Черкал он с упоением и наконец переполнился чувством праведности, перенес его в гроссбух с Нужными Мыслями. «Коммерциализация пола как предмета купли-продажи, – записал он, – вот корень нынешнего загнивания цивилизации. В своем творчестве я пытался избежать опредмечивания пола и предохранить сущностные человеческие контакты». Затем он поужинал и улегся спать.

Встал он рано и вскоре уже сидел за столом на веранде. Перед ним был раскрыт чистый, девственный гроссбух, ожидавший его пера. Он окунул перо в чернила и принялся писать: «Дом стоял на холме в окружении трех вязов, березы и...» Пипер запнулся. Кедр он никогда не видел, а словаря под рукой тоже не было. Он переменял «кедр» на «дуб» и опять остановился. Бывают у дуба горизонтальные ветви? У каких-нибудь дубов,

наверное, бывают. К черту подробности. Главное – добраться до анализа отношений Гвендолен и рассказчика. В великих книгах нет места большим деревьям. Книги эти – о людях, о том, какие чувства испытываются, какие думаются думы. Проникновение – вот в чем суть, а деревья проникновению не помогают. Черт с ним, с кедром, пусть стоит на своем месте. Он зачеркнул «дуб» и снова написал сверху «кедр». Еще полстраницы продолжалось описание; потом он напоролся на очередную проблему. Почему это рассказчик Энтони на школьных каникулах, если ему двадцать семь лет? Разве что он учитель, но тогда он должен что-то преподавать и иметь об этом какое-то понятие. Пипер попытался припомнить собственные школьные дни и подыскать образец для Энтони, но его преподаватели были невыразительные и совершенно ему не запомнились. Одна только мисс Пирс, а та все-таки женщина.

Пипер отложил перо и подумал про мисс Пирс. Будь она мужчиной... или будь она Гвендолен, а он Энтони... и если бы Энтони было не двадцать семь, а четырнадцать... или если б, еще того лучше, родители его жили бы в доме на холме в окружении трех вязов, березы и... Пипер встал и прошелся по веранде, зажигаясь новым вдохновением. Ему вдруг пришло в голову, что сырье «Девства ради» можно переработать в «Поиски утраченного детства». А если не переработать, то создать сплав. Придется, правда, внести кой-какие поправки. Чахоточные слесари – они, конечно, на холмах не живут. Но с другой стороны, у отца его чахотки-то не было. Чахоткой повеяло от Лоуренса и Томаса Манна. А любовная связь школьника и учительницы – дело обычное, только надо избегать физиологических подробностей. Да, именно так. «Возвратный труд» станет «Поисками». Он сел за стол, взял перо и начал переписывать. Теперь не было нужды менять повествовательные очертания. Кедр, дом на холме и вообще тому подобные дома пусть будут как есть. Новизну внесет его мучительное отрочество и присутствие его пострадавших родителей. Плюс мисс Пирс, она же Гвендолен, его наставница, советчица и преподавательница, с которой развернутся сложные отношения, сексуально окрашенные и без всякого секса.

И снова затолпились на странице неизгладимые чернильные слова, сложенные по-прежнему изящно, на радость автору-переписчику. Внизу играло солнечными отсветами озеро, ветерок шевелил деревья над коттеджем, но Пипер потерял из виду окружение. Он воссоединил свое существование, прерванное в Эксфорте, в пансионе Гленигл, – и трудился над «Поисками».

* * *

Когда Бэби вернулась под вечер с рукописью, ксерокопия которой была отправлена из Нью-Йорка «Френсику и Футл», Ланьярд-Лейн, Лондон, Пипер уже стал самим собой. Пожар и бегство были забыты.

– Видишь ли, я тут сообразую «Девство» с моим собственным романом, – объяснил он, когда Бэби наливала себе виски. – Гвендолен теперь у меня...

– Утром расскажешь, – прервала его Бэби. – День был трудный, а завтра нам снова в путь.

– Я смотрю, ты новую машину купила, – заметил Пипер, глядя на красный «пontiак».

– С кондиционером и южнокаролинским номером. Если они вдруг надумают нас искать, я им не завидую. На этот раз я и меняться не стала. Продала «форд» в Бинвилле, оттуда автобусом в Шарлотт, а этот купила в Ашвилле на обратном пути. Дальше к югу еще разок сменим машину и совсем запутаем следы.

– Не лучший способ их путать – слать «Девство» Френсику, – сказал Пипер. – То есть он ведь теперь знает, что я не умер.

– Да, кстати. Я ему послала от твоего имени телеграмму.

– Ты, кстати, что? – потерял голос Пипер.

– Телеграмму послала.

– И что в телеграмме?

– Всего-навсего: «Переводите аванс последующие отчисления Нью-Йорк Первый государственный банк счет 476994 любящий Пипер».

– Но у меня нет счета в...

– Теперь есть, милый. Я открыла его на тебя и сама сделала первый вклад: тысячу долларов. И когда Френсик получит поздравление.

– Поздравление? Вымогательская телеграмма называется у тебя поздравлением?

– Надо же дать ему время ознакомиться с подлинником «Девства» – вот я и заказала ему сюрприз к девятнадцатому, якобы ко дню рождения.

– Господи, – сказал Пипер, – ну и сюрприз. Ты хоть знаешь, что у него больное сердце? Такие потрясения могут убить его.

– Будете квиты, – сказала Бэби. – Тебя-то он фактически убил.

– Вовсе не он. Это ты подписала мой смертный приговор и загубила мою писательскую карьеру.

Бэби допила виски и вздохнула.

– Вот она, благодарность. Твоя писательская карьера только начинается.

– Посмертно, – горько сказал Пипер.

– Что ж, лучше поздно, чем никогда, – заметила Бэби и отправилась спать.

Наутро красный «понтиак» отъехал от коттеджа и запетлял по горной дороге в направлении Теннесси.

– Доедем до Мемфиса, – сказала Бэби, – там разделаемся с машиной и подадимся автобусом назад к востоку, в Чаттанугу. Я всю жизнь хотела посмотреть Чух Чух.

Пипер никак не отозвался. Он только что припомнил, как судьба свела его с мисс Пирс, она же Гвендолен. На летние каникулы родители взяли его в Эксфорт, он как-то оставил их на пляже, пошел в публичную читальню и там... Нет, дом стоял не на холме. Он стоял на вершине горы в окружении скал, а окна выходили на море. Впрочем, это лишнее, пока и так сойдет. Пусть дом стоит, где стоял; надо разрабатывать нюансы отношений. Таким образом «Девство» и «Возвратный труд» будут согласованнее в деталях, вообще тождественнее. Вот уж в третьей версии он займется обстановкой и перенесет дом на эксфортские скалы. Что ни переработка, то приближение к его великому замыслу, оплодотворенному десятилетними трудами. Пипер осознал это и улыбнулся. Как автор «Девства ради помедлите о мужчины» он приобрел долгожданную славу, она сама обрушилась на него – и теперь, медленной, кропотливой переделкой этой книги он создает труд своей жизни, литературный шедевр. И Френсик никак не сможет этому помешать.

В Мемфисе они переночевали в разных мотелях, утром встретились на автостанции и поехали в Нашвилл. Красного «понтиака» точно не бывало, но Пипер даже не стал спрашивать, куда Бэби его дела. У него на уме были дела поважнее. Что, например, случится, если Френсик предъявит подлинную рукопись «Девства» и признается, что послал Пипера в Америку вместо настоящего автора?

– Два миллиона долларов, – кратко ответила Бэби, когда он изложил ей свои опасения.

– При чем тут два миллиона долларов? – не понял Пипер.

– Столько на тебя было поставлено в покерной игре с Хатчмейером. Чтобы блефовать, рискуя двумя миллионами, нужны веские причины.

– Ума не приложу, что это за причины.

– Какая-то лажа с настоящим автором, – усмехнулась Бэби. – Только не дури мне голову насчет многодетного подагрика. Нет его в природе.

– Как нет? – удивился Пипер.

– Нет и не было. Френсик поставил на карту свою репутацию посредника за проценты с двух миллионов и в угоду автору, который согласился на подмен, лишь бы остаться анонимом. И так уж все чудно, а это едва ли не чуднее прочего. Узнал бы Хатч, как его водят за нос, он бы с них шкуры посдирал.

– Если бы Хатчмейер узнал про нашу затею, он бы тоже не очень обрадовался, – мрачно сказал Пипер.

– Ну, нас-то под рукой нет, а Френсик – вот он, на Ланьярд-Лейн. Как раз сейчас, наверное, потом обливается.

Глава 17

А Френсик и в самом деле обливался потом. Большая бандероль из Нью-Йорка, адресованная лично Фредрику Френсику, особого любопытства у него поначалу не вызвала. Спозаранку явившись в контору, он принес бандероль к себе наверх, прочел несколько писем и лишь затем распечатал объемистый пакет. Распечатал – и оцепенело уставился на его содержимое. Перед ним лежала аккуратно ксерокопированная и несомненная рукопись Пипера, и рукопись эта столь же несомненно была подлинником романа «Девства ради помедлите о мужчины». Чего быть никак не могло. Пипер этой чертовой книги не написал. Не мог он ее написать. Исключено. Вдобавок зачем слать ему ксерокопию рукописи? Ага, рукописи. Френсик полистал ее и заметил поправки – да, черт его дери, это черновик «Девства». Написанный почерком Пипера. Френсик встал из-за стола, пошел к архивному шкафу, извлек папку с надписью «Мистер Смит» и сличил почерк писем и черновика. Он самый. Френсик даже достал лупу и принялся разглядывать буквы. Такие же. Господи, что это за чертовщина? Просто кошмар наяву. Пипер написал «Девство»? Совершенно нелепое предположение. Этот шибздик в жизни бы не написал... а если вдруг неким чудом – то как же мистер Кэдволладайн и его таинственный клиент? Зачем тогда было Пиперу присылать перепечатку книги через оксфордского поверенного? И вообще, он же погиб, мерзавец. Или не погиб? Да нет, сгинул, утонул, убит... Уж Сонино-то горе было неподдельно. Пипер погиб. И он вспять вернулся к вопросу: кто же прислал ему этот замогильный манускрипт? Из Нью-Йорка? Френсик поглядел на штамп. Из Нью-Йорка. И почему ксерокопия? Должно же быть какое-то объяснение. Френсик схватил и распотрошил обертку в надежде, что там окажется сопроводительное письмо, но письма не было. Адрес напечатан; обратного адреса на задней стороне бандероли не имелось. Френсик снова обратился к рукописи и прочел еще несколько страниц. Почерк подлинный, и поправки на каждой странице никаких сомнений в этом не оставляют. Точно такими были испещрены все ежегодные версии «Поисков утраченного детства»: слова и фразы аккуратно вычеркнуты и сверху надписаны другие, буква в букву. Ошибки, и те налицо: Пипер всегда писал «черезвычайно» с двумя «е», а «парраллельный» с двумя «р» – вот они, избыточные приметы его авторства. Стало быть, проклятый графоман в самом деле накатал книгу, которая вышла в печать с его именем на титуле.

Но ведь имя-то поставили без Пипера: его уговорили, когда книга уже была продана...

У Френсика голова шла кругом. Он попробовал вспомнить, кто предложил Пипера – Соня или он сам?.. Память отказывала, а Сони не было: она уехала в Сомерсет на переговоры с автором «Бобренка», чтобы он сдох, Берни, доказывать ему, что даже очень болтливые бобры не говорят «едритская сила» и «чертова мать», если хотят попасть на страницы детских книг. Тупо глядя на пиперовский черновик, Френсик чертыхался не хуже Берни, но наконец собрался с силами и придвинул телефон. На этот раз мистер Кэдволладейн выложит все как есть. Однако телефон опередил Френсика, отчаянно затрезвонив. Френсик еще раз выругался и снял трубку.

– «Френсик и Футл», литературное агентство... – начал он, но телефонистка не дала ему договорить.

– Это мистер Френсик, Фредрик Френсик?

– Да, – сердито подтвердил Френсик. Он не любил своего имени.

– Вас поздравляют с днем рождения, – сказала телефонистка.

– Меня? – удивился Френсик. – Мой день рождения не сегодня.

Но голос, записанный на пленку, уже ворковал: «С днем рождения тебя, дорогой Фредрик, в этот радостный день, дорогой Фредрик, поздравления наши прими».

Френсик отставил трубку от уха.

– Я же говорю, черт возьми, что у меня сегодня нет никакого дня рождения! – заорал он на магнитофонную запись. Снова послышался голос телефонистки:

– Зачитываю текст поздравительной телеграммы: «Переводите аванс последующие отчисления Нью-Йорк Первый государственный банк счет 4-7-8-7-7-6 любящий Пипер». Повторяю: «Переводите...»

Френсик сидел и оторопело слушал. Его начало трясти.

– Повторить еще раз номер счета? – осведомилась телефонистка.

– Нет, – сказал Френсик, – Да. – Он схватил карандаш и нетвердой рукой записал телефонограмму.

– Спасибо, – механически сказал он, дописав последнее слово.

– Пожалуйста, – отозвалась телефонистка, и трубка заглохла.

– Ничего себе «пожалуйста», – сказал Френсик. С минуту он глядел на слово «Пипер», потом отправился в каморку, где Соня обычно варила кофе и мыла чашки. Там хранилась бутылка бренди для воскрешения отвергнутых авторов. «Для отвержения воскреснутых», – пробормотал Френсик, наливая себе стопку, и вернулся к своему столу слегка

приободрившись. После телеграммы манускрипт стал вдвое кошмарнее, но загадочности в нем поубавилось. Шантаж, дело ясное. «Переводите аванс последующие отчисления...» Френсику вдруг стало дурно. Он вылез из кресла, лег на пол и закрыл глаза.

Через двадцать минут он поднялся. Ну, мистер Кэдволладайн поймет, что с «Френсиком и Футл» шутки плохи. Звонить ему, старому хрену, смысла нет. Надо завертывать круче. Этот ублюдок еще прибежит с визгом выдавать своего клиента, хватит трепотни насчет юридических тайн. Положение отчаянное, и нужны отчаянные меры. Френсик спустился по лестнице и вышел на улицу. Через полчаса он возвратился со свертком, где были сандалии, темные очки, легкий джинсовый костюм и панама. Теперь ему нужен был только крючоктвор с мертвой хваткой. Остаток утра Френсик листал «Девство», выбирая себе прототип, а потом позвонил Дратли, Скрытни, Взвесли и Джонсу, ходатаям из Понсет-Хауса. Но делам о клевете они на ходу срезали подметки. Мистер Взвесли назначил профессору Фациту свидание в четыре.

* * *

В четыре без пяти Френсик с экземпляром «Девства» сидел в приемной, поглядывая сквозь мутные очки и косясь на свои сандалии. Тут было чем гордиться. Если что его и отличало по-настоящему от литературного агента Френсика, то прежде всего эти жуткие сандалии.

– Пройдите к мистеру Взвесли, – сказала секретарша. Френсик встал, проследовал к двери с табличкой «Мистер Взвесли» и отворил ее. В комнате стоял надежный, спертый дух беспощадного крючоктворства. Мистер Взвесли, казалось, явился откуда-то со стороны. Он был маловат, черноват и вертляв не по обстановке. Френсик пожал ему руку и уселся. Мистер Взвесли выжидательно посмотрел на него.

– Кажется, вас встревожил какой-то пассаж в некоем романе? – вопросительно сказал он.

Френсик выложил «Девство» на стол.

– Да, вот видите ли, – сказал он с некоторым сомнением. – Понимаете... мои коллеги, которые читают романы – я-то сам, знаете, их не очень читаю, – но они указали... тут, видимо, какое-то совпадение... конечно, забавно, однако...

– Некий персонаж романа чем-то напоминает вас? – спросил мистер

Взвесли, прерывая колебания Френсика.

– Ну, не то чтобы напоминает... но его поступки – чтобы не сказать преступления...

– Преступления? – спросил мистер Взвесли, хватая наживку. – Персонаж, напоминающий вас, совершает преступления? В этом романе?

– Поглядите сами. Меня зовут Фацит, – сказал Френсик и, подавшись вперед, раскрыл «Девство» на заложенной странице. – Вот тут прочтете – вам все станет ясно.

Мистер Взвесли прочел три страницы и с восторгом поднял озабоченный взор.

– Н-да, – сказал он. – Я вас понимаю. Чрезвычайно неприятные намеки.

– Вот именно, правда? – воскликнул Френсик. – А мое назначение заведующим кафедрой этики в Уобаше должно быть утверждено и, откровенно говоря, если кому-нибудь на мгновение покажется...

– Все понятно, – сказал мистер Взвесли. – Ваша карьера под угрозой.

– Под угрозой? Кончена! – сказал Френсик.

Мистер Взвесли радостно выбрал сигару.

– И я полагаю, что вы никогда... что эти намеки совершенно безосновательны? Студентов вы, например, не соблазняли?

– Мистер Взвесли! – возмущенно сказал Френсик.

– Ну да, нет, конечно. И вы не совокуплялись с четырнадцатилетней девочкой, подбавив ей в лимонад снотворного?

– Никогда. Самая мысль об этом мне глубоко омерзительна. А кроме того, у меня бы это просто не получилось.

Мистер Взвесли задумчиво оглядел его.

– Нет, пожалуй, не получилось бы, – сказал он наконец. – И вас понапрасну обвиняют, что вы проваливаете студентов, которые не идут вам навстречу?

– Я к студентам не пристаю, мистер Взвесли. Кстати говоря, я не в экзаменационной комиссии и практических занятий не веду. Я вообще в годичном отпуске и занимаюсь здесь научной работой.

– Н-да, – протянул мистер Взвесли, делая пометку в блокноте.

– Однако особенно неприятно, – сказал Френсик, – что я действительно одно время снимал комнату на Де Фритвилль авеню.

Мистер Взвесли сделал еще одну пометку в блокноте.

– Поразительно, – сказал он, – совершенно поразительно. Сходство, знаете ли, почти что... да. Я полагаю, профессор Фацит, то есть, собственно говоря, я уверен... поскольку вы, конечно, не совершали этих

противоестественных поступков... У вас, вероятно, никогда не было китайского мопса? Нет, не было. Ну, что ж, поскольку не совершали, а даже если и совершали – у вас имеются все основания подать в суд на автора и издателей этого постыдного романа. Предположительная сумма возмещения... знаете, по правде сказать, я не удивлюсь, если это будет самая большая сумма в истории процессов о клевете.

– О боже мой, – сказал Френсик, изображая колебания между трусостью и жадностью. – Я, вы знаете, надеялся избежать суда. Огласка, понимаете...

Мистер Взвесли отлично понимал.

– Поглядим на реакцию издателей, – сказал он, – Коркадилы – не бог весть какая состоятельная фирма, но на случай клеветы у них наверняка страховка.

– Надеюсь, это не значит, что автор избежит...

– О нет, профессор Фацит, не избежит. Выплатит все до гроша, одновременно или по мере возможности. Страховая компания за этим присмотрит.

– Мне говорили, что автор, мистер Пипер, нажил в Америке состояние на этой книге, – сказал Френсик.

– В таком случае придется ему расстаться с состоянием, – заметил мистер Взвесли.

– И очень хотелось бы форсировать это дело, – подвел черту Френсик. – Мое утверждение в Уобаше...

Мистер Взвесли заверил его, что делом займутся тотчас же, и Френсик, оставив адрес Рандолф-отеля в Оксфорде, удалился обнадеженный. Мистер Кэдволадайн света белого неувидит.

Но сначала неувидел Джеффри Коркадил. Френсик едва возвратился на Ланьярд-Лейн, снял отвратительные сандалии и стягивал джинсовый костюм, когда зазвонил телефон. Джеффри был чуть ли не в истерике. Френсик отвел трубку от уха и послушал, как он ругается.

– Джеффри, милый, – сказал он, когда издатель истощил запас эпитетов. – Я-то чем все это заслужил?

– Заслужил? – взревел Джеффри. – Заслужил? Да чтобы я еще когда-нибудь связался с вами или с вашим пакостным Пипером.

– De mortuis nil nisi... ^[14] – начал было Френсик.

– А о живых, значит, можно? – кричал Джеффри. – Профессора Фацита, значит, можно поливать грязью только потому, что эта скотина жива и здорова?..

– Какая скотина? – спросил Френсик.

– Профессор Фацит. Тот самый, из романа!
– Тот развратник, у которого был...
– Да не был, а есть!
– Что значит – есть?
– То и значит! Есть – и затевает против нас процесс о клевете!
– Ай-ай-ай. Как это, право, неудачно.
– Неудачно? Катастрофа! Он сунулся к Дратли, Скрытни, Взвесли и...
– Не может быть, – сказал Френсик, – это же ужасные негодяи.
– Ну да, негодяи! Кровопийцы! Пиявки! Они из камня кровь высосут, а с профессором Фацитом у них дело верное. Накроют нас на миллионы. Нам конец. Мы никогда...

– Поговорите-ка вы с мистером Кэдволладайном, – сказал Френсик. – Пипер – его подопечный. Я дам вам номер его телефона.

– Зачем это надо? Явный случай преднамеренной...

Но Френсик уже диктовал телефон мистера Кэдволладайна и, сославшись на клиента в соседней комнате, положил трубку, прервав излияния Джеффри. Он передел джинсовый костюм, заказал по телефону в Рандолф-отеле номер на имя профессора Фацита и стал, во всеоружии злорадства, ждать, когда позвонит мистер Кэдволладайн. Подогревая себя, он изучал телеграмму Пипера: «Переводите аванс последующие отчисления счет номер 476994». Вот гад, он же умер. Что, ей-богу, творится? И что он скажет Соне? Вообще, не хатчмейеровские ли это козни? Соня сказала, что его допрашивали несколько часов, он вышел с допроса сам не свой и даже угрожал привлечь к суду полицию. Нет, непохоже, что он... Френсик не стал даже представлять, как Хатчмейер похищает Пипера и требует через него деньги назад – это уж полный вздор. Если бы Хатчмейер узнал, что Пипер – не автор, он бы подал в суд. Но Пипер – автор. Вот он, черновик, прямое доказательство. Значит, надо поприветствовать мистера Кэдволладайна: на шее у него сидит мистер Взвесли и требует миллионной компенсации, так что придется ему, голубчику, выкладывать все начистоту. Он выложил.

– Я не знаю, кто автор этой ужасной книги, – упавшим голосом признался он, позвонив через полчаса.

– Не знаете? – спросил Френсик, сам немного опешив. – А надо знать. Вы же мне эту книгу прислали. Вы согласились, чтобы Пипер поехал в Штаты. Если вы не знали, то не имели права... – Мистер Кэдволладайн отрицательно замычал. – Но у меня же ваше письмо, в котором...

– Знаю, что у вас, – слабо отозвался мистер Кэдволладайн. – Автор выразил согласие, и я...

– Да вы же только что сказали, что автор вам неизвестен, – прокричал Френсик, – а теперь говорите, что он выразил согласие! Письменное согласие?

– Да, – сказал мистер Кэдволладайн.

– В таком случае вы должны знать, кто он такой.

– Не знаю, – промямлил мистер Кэдволладайн. – Видите ли, я имел с ним дело только через «Ллойдз банк».

– Через «Ллойдз банк»? – ошеломленно переспросил Френсик. – Вы сказали – через «Ллойдз банк?»

– Да. Через директора. Такой уважаемый банк, мне и в голову не могло прийти...

Фраза осталась неоконченной: все и так было ясно. Френсик опережал его на один ход.

– Стало быть, автор этого паршивого романа прислал его вам через оксфордское отделение «Ллойдз банка» и всякое сообщение с ним шло через тот же банк. Верно?

– Именно, – подтвердил мистер Кэдволладайн, – и теперь, когда возникло это ужасное дело о клевете, я, кажется, догадываюсь почему. Я в невыносимом положении. Моя репутация...

– Плевать на вашу! – заорал Френсик. – А моя? Я как идиот действовал по вашим инструкциям от лица несуществующего клиента, а теперь у нас убийство и...

– И ужасающее дело о клевете, – подсказал мистер Кэдволладайн. – Мистер Коркадил сообщил мне, что компенсация может достигнуть астрономической цифры...

Но Френсик его не слушал. Уж если клиент мистера Кэдволладайна сообщался с ним через «Ллойдз банк», то этому подлецу есть что скрывать. Если это не Пипер. Френсик поискал, за что ухватиться.

– Роман-то к вам пришел не без сопроводительного письма?

– Перепечатка из машинописного агентства, – сказал мистер Кэдволладайн. – Письмо было прислано за несколько дней до того – через «Ллойдз банк».

– Подписанное? – спросил Френсик.

– Подписанное директором оксфордского отделения банка, – ответил мистер Кэдволладайн.

– Вот и хватит, – сказал Френсик. – Фамилия?

Мистер Кэдволладайн заколебался.

– Я полагаю... – начал он, но Френсик потерял всякое терпение.

– Знаете, бросьте ваши штучки, – отрезал он, – давайте-ка фамилию

директора, да поживее.

– Покойный мистер Сгибли, – печально сказал мистер Кэдволладайн.

– Как вы сказали?

– Покойный мистер Сгибли. Умер от сердечного приступа под пасху, взбираясь на Сноудон.

Френсик осел в кресле.

– Умер от приступа, взбираясь на Сноудон, – пробормотал он.

– Так что его фамилия вам ничего не даст, – продолжал мистер Кэдволладайн, – вообще банки, извольте видеть, держат в секрете имена вкладчиков. Нужна, знаете ли, доверенность.

Френсик это знал. Раньше, бывало, он как раз по этому поводу восхищался банками. Однако мистер Кэдволладайн что-то такое упомянул раньше... ах, да, машинописное агентство.

– Вы говорите, машинопись прислали из агентства, – сказал он. – Из какого, не помните?

– Не помню. Но могу выяснить. – И Френсик ждал у телефона, пока мистер Кэдволладайн выяснял. – Машинописное бюро Синтии Богден, – сообщил он наконец Френсику смиренным голосом.

– Слава богу, хоть что-то, – сказал Френсик. – Позвоните ей и спросите, откуда...

– Лучше не надо, – сказал мистер Кэдволладайн.

– Как это не надо? Нам грозит дело о клевете, ваша репутация на волоске, и вы...

– Не в том дело, – прервал мистер Кэдволладайн. – Видите ли, я занимался ее разводом...

– Ну и что же?

– Со стороны ее бывшего мужа, – сказал мистер Кэдволладайн. – Боюсь, как бы мое теперешнее посредничество...

– Ладно, я сам, – сказал Френсик. – Какой телефон? – Он записал номер, положил и снова поднял трубку.

– Машинописное бюро Синтии Богден, – сказал знающий себе цену голос.

– Я разыскиваю владельца рукописи, отпечатанной у вас... – начал Френсик, но голос тут же оборвал его:

– Мы не разглашаем фамилий наших клиентов.

– Но я спрашиваю, потому что он мой друг...

– Это не основание для выдачи подобного рода конфиденциальных сведений.

– Все же я хотел бы поговорить лично с миссис Богден, – сказал

Френсик.

– Вы с ней поговорили, – отозвался голос и дал отбой. Френсик разразился бранью.

– А, чтоб вас всех с вашими конфиденциальными сведениями, – заключил он и брякнул трубку.

Он посидел наедине с недобрыми мыслями о миссис Богден, потом снова позвонил мистеру Кэдволладайн.

– Этой мадам Богден, – спросил он, – сколько ей лет?

– Приблизительно сорок пять, – вычислил мистер Кэдволладайн, – а что?

– Да так, – сказал Френсик.

* * *

Вечером, оставив на Сонином столе записку, что он отлучился из города на день-другой по важному делу, Френсик сел в оксфордский поезд. На нем были темные очки, панама и джинсовый костюм. Сандалии остались дома в мусорной корзине. При нем был саквояж с ксерокопией рукописи «Девства», одним из писем Пипера и полосатой пижамной парой. Облачившись в нее, он к одиннадцати улегся спать в номере, заказанном на имя профессора Фацита.

Глава 18

В Чаттануге сбывалась давняя мечта Бэби увидеть Чух Чух. Она лежала на медной кровати и глядела из окна Девятого Пульмана на разноцветный фонтан за рельсами. Ночное небо над станцией озаряли электронные слова «Хилтонский Чух Чух», а внизу, в бывшем зале ожидания, разносили кушанья. Возле ресторана был магазин сувениров; перед зданием стояли громадные паровозы былых времен со свежескрашенными скотоотбрасывателями и начищенными трубами, сверкающими, словно в предвкушении дальнего путешествия. На самом деле они никуда не ехали. Их холодные тонки пустовали, поршни замерли навсегда. Лишь воображение постояльцев изукрашенных и разделенных на спальни мотелей-пульманов могло стронуть их со станции и отправить в далекий путь на север или на запад.

Отчасти это был музей, отчасти фантазмагория, все поставлено на коммерческую ногу. У входа в железнодорожный парк стояла сторожка, оттуда служители в униформах блюли безопасность гостей, глядя на телеэкраны, высвечивающие все платформы, все закоулки станции. А за ее угрюмой оградой раскинулась тусклая Чаттануга: забытые окна гостиниц и заброшенные дома, из которых жизнь переместилась в пригороды, поближе к магазинам.

Но Бэби не волновала ни Чаттануга, ни даже Чух Чух, очередные померкшие иллюзии ее запоздалой юности. Сказывался возраст: усталое уныние одолевало ее. Со всякой романтикой по милости Пи-пера было покончено. Денно и ночью общалась она с самозванным гением, все мысли которого вертелись вокруг литературного бессмертия, и внутренний мир его был явлен Бэби во всем своем диком однообразии. Рядом с ним махинатор Хатчмейер, одержимый погоней за деньгами и властью, положительно казался нормальным человеком. Пипера ничуть не интересовало, где они едут, какие города проезжают; ему было совершенно все равно, что они оказались на самом пороге дикого края, издавна дразнившего воображение Бэби. Он окинул беглым взглядом паровозы, собранные на станции и, видимо, несколько удивился, что они никуда не едут. Получив объяснение, он проследовал к себе в купе и засел за вторую версию «Девства».

– Великому романисту полагается что-то замечать вокруг себя, – сказала Бэби, когда они встретились в ресторане за обедом. – Ты бы хоть

осмотрелся, подумал бы, зачем все это здесь собрано.

Пипер осмотрелся.

– Странное выбрали место для ресторана, – заметил он. – Впрочем, здесь уютно и даже прохладно.

– Кондиционеры работают, вот и прохладно, – раздраженно сказала Бэби.

– Ах, кондиционеры, – сказал Пипер. – Тогда все понятно.

– Ему все понятна А толпы людей, сорванных со своих жалких клочков земли, сидевших здесь и дожидавшихся поездов на север – в Нью-Йорк, Детройт, Чикаго, чтобы там попытать счастья? Они тебя совсем не занимают?

– Да как будто никого особенно и нет, – возразил Пипер, вяло поглядев на тучную женщину в клетчатых шортах, – и вообще ты, помнится, сказала, что поезда больше не ходят.

– О боже мой, – сказала Бэби. – Я иногда не понимаю, в каком веке ты живешь. И тебе вовсе ни о чем, что здесь в Гражданскую войну разыгралась большая битва?

– Нет, – сказал Пипер. – Великая литература битв не касается.

– Не касается? А «Унесенные ветром», а «Война и мир» – это что тебе, не великая литература?

– Это не английская литература, – сказал Пипер. – Английская литература занимается исследованием человеческих взаимоотношений.

Бэби отрезала ломтик бифштекса.

– А в битвах люди не вступают во взаимоотношения? Нет?

Пипер покачал головой.

– Так что когда один человек убивает другого, это не взаимоотношения?

– Это взаимоотношения эфемерные, – сказал Пипер.

– А когда войска Шермана грабят, жгут, насилуют на всем пути от Атланты до моря, оставляя за собой бездомные семьи и горящие усадьбы, – взаимоотношения людей никак не меняются и писать об этом нечего?

– Лучшие романисты не пишут, – сказал Пипер. – Раз этого с ними самими не было, то нельзя.

– Чего нельзя?

– Писать об этом.

– То есть, по-твоему, писать можно только о том, что было с тобой самим? Верно я поняла? – спросила Бэби с опасным оттенком в голосе.

– Да, – сказал Пипер. – Видишь ли, иначе оказываешься за пределами собственного опыта и поэтому...

Он долго цитировал «Нравственный роман», а Бэби медленно пережевывала бифштекс и мрачно вдумывалась в его теорию.

– В таком случае тебе очень не хватает собственного опыта, вот и все.

– погоди, погоди минутку, – наострил уши Пипер, – если ты собралась снова поджигать дома, взрывать катера и тому подобное и думаешь, что я в этом буду...

– Я не про такой опыт. Ведь горящие дома – это пустяки, верно? Важны взаимоотношения: тут-то тебе и нужен опыт.

Пипер обеспокоился. Разговор принимал неприятный оборот, и конец обеда прошел в молчании. Затем Пипер вернулся к себе в купе и написал еще пятьсот слов о своей истерзанной юности и о своих чувствах к Гвендолен, она же мисс Пирс. Наконец он погасил «керосиновую» электролампу над медной кроватью и разделся. По соседству Бэби готовилась преподавать Пиперу первый урок взаимоотношений. Она выбрала рубашечку покороче, как следует надушилась и отворила дверь в купе Пипера.

– Ради бога, – пискнул Пипер, когда она забралась к нему в постель.

– Это азбука, беби, – сказала Бэби, – азбука взаимоотношений.

– Нет, не азбука, – сказал Пипер. – Это...

Ладонь Бэби легла на его губы, а голос зашептал в ухо:

– И не вздумай выскакивать из купе. На всех платформах телекамеры, и если ты будешь метаться перед ними нагишом, служителям станет интересно, что здесь происходит.

– Но я не нагишом, – сказал Пипер, когда Бэби убрала ладонь.

– Сейчас будешь нагишом, – шепнула Бэби, проворно стягивая с него пижаму.

– Пожалуйста, не надо, – взмолился Пипер.

– Надо, котик, надо, – отозвалась Бэби. Она задрала рубашечку и припечатала свой пышный бюст к груди Пипера. Два с лишним часа тряслась и скрипела медная кровать: Бэби Хатчмейер, урожденная Зугг, мисс Пенобскот 1935 года, делилась своим многолетним опытом. И вопреки самому себе, тщетно призывая на помощь «Нравственный роман», Пипер впервые в жизни оставил области литературы и проникся перевозанным пылом. Он елозил вниз, наседавал сверху, целовал силиконовые груди и скользил губами по швам на животе. Руки Бэби гладили, впивались, царапали и щипали: на спине Пипера не осталось живого места, ягодицы его были вспороты ногтями – и все это время Бэби безучастно глядела в тусклый сумрак, дивясь собственной скуке. «Молодой, не перебесился», – думала она, когда Пипер возобновлял

бурные ласки. Ее молодость давно прошла, и буйство помимо чувства было не по ней. Есть же в жизни еще что-нибудь, многое, наверное, есть, и она с этим разберется.

* * *

В Оксфорде Френсик был уже на ногах и разбирался с этим, когда Бэби вернулась в свое купе, покинув изнеможенно уснувшего Пипера. Френсик встал рано, позавтракал в восемь, а к половине девятого отыскал Машинописное бюро Синтии Богден на Фенет-стрит. С любопытствующим видом американского туриста Френсик зашел в церковь напротив и уселся на скамью, поглядывая через плечо на подъезд бюро Богден.

По всем его расчетам миссис Богден, разведенная женщина средних лет, управляющая собственным делом, должна была явиться на службу первой и уйти последней. Эта надежда не покинула его и к четверти десятого: хотя женщины, одна за другой исчезающие в конторе, были все не в его вкусе, первая показалась ему как-то презентабельнее других. Крупновата, правда; но Френсик успел уловить цепким взглядом неплохие ноги, и на свои сорок пять (если мистер Кэдволладайн не ошибся) она не выглядела. Френсик вышел из церкви и обдумал следующий шаг. Идти в контору и напрямик спрашивать миссис Богден, кто прислал ей «Девство», смысла не было. Судя по ее вчерашнему тону, требовалась тактика похитрее.

Измыслив нужный ход, Френсик зашел в цветочный магазин. Через двадцать минут в Машинописное бюро Богден были посланы две дюжины алых роз с открыткой, гласившей: «Мисс Богден от неизвестного поклонника». Френсик хотел было написать «от пламенного поклонника», но передумал. Две дюжины дорогих роз пламенели без лишних слов. Мисс Богден была, собственно, миссис Богден: эта нарочитая описка направит ее мысли куда следует и послужит прилагательным. Френсик прогулялся по Оксфорду, выпил кофе в «Кораблике» и закусил у себя в Рандолф-отеле. Затем, рассудив, что миссис Богден имела достаточно времени переварить букетный намек, он поднялся в номер профессора Фацита и позвонил в контору. Как и прежде, трубку сняла сама миссис Богден. Френсик набрал в легкие воздух, сглотнул слюну и вскоре, мучимый неподдельной робостью, с запинкой осведомился, не окажут ли ему неслыханную и незаслуженную честь отобедать с ним у «Элизабет». Миссис Богден

отозвалась после шипящей паузы.

– Мы с вами знакомы? – лукаво спросила она. Френсик поежился.

– Просто поклонник, – выдавил он.

– А-а-а, – сказала миссис Богден и сделала положенную приличиями задумчивую паузу.

– Розы, – приглушенно намекнул Френсик.

– А вам не кажется, что это несколько необычно?

Френсик молчал в знак согласия.

– Дело в том... – начал он и пошел напролом: – Я все не мог собраться с духом и... – Горло перехватило.

Однако миссис Богден уже дышала симпатией.

– Лучше поздно, чем никогда, – мягко сказала она.

– Вот и я так подумал, – поддакнул Френсик.

– Вы сказали – у «Элизабет»?

– Да, – подтвердил и Френсик, – скажем, в восемь у бара?

– Как мне вас узнать?

– Я вас узнаю, – сказал Френсик и невольно хихикнул. Миссис Богден приняла это за комплимент.

– Но вы не назвали мне своего имени.

Френсик поколебался. Назваться собою нельзя, а Фацит – персонаж «Девства». Кто же он такой?

– Коркадил, – разрешился он наконец. – Джеффри Коркадил.

– ТОТ САМЫЙ Джеффри Коркадил?

– Да, тот самый, – пролепетал Френсик, умоляя силы адовы не выдавать ей сексуальную репутацию Джеффри. Силы не выдали.

– Что ж, в таком случае... – заворковала миссис Богден и многозначительно смолкла.

– До восьми, – сказал Френсик.

– До восьми, – ласковым эхом откликнулась миссис Богден. Френсик положил трубку и обессилено присел на постель.

Потом он лег и как следует вздремнул. Проснувшись к четырем, он спустился вниз: предстояло еще кое-что. Не узнать миссис Богден было бы рискованно. К семнадцати тридцати он сидел в церкви на Фенет-стрит и наблюдал, как из конторы одно за другим появляются устрашающие существа. Френсик вздохнул с облегчением: букета алых роз ни у кого из них не было. Последней вышла крупная женщина, заперла за собой дверь и поспешно удалилась, прижимая розы к полной груди. Френсик покинул церковь и поглядел ей вслед. Миссис Богден определенно хорошо сохранилась. Перманент, бирюзовый брючный костюм, розовые туфли – во

всем этом была безвкусица почти вдохновенная. Френсик вернулся в гостиницу – пропустил две стопки чистого джина, принял ванну и мысленно опробовал разные способы выведать у миссис Богден имя автора «Девства».

* * *

В другом конце Оксфорда миссис Богден готовилась к вечеру столь же тщательно, как она делала все на свете. Со времени ее развода прошло уже несколько лет, и обед с издателем у «Элизабет» был добрым знаменем, наряду с розами, аккуратно размещенными в вазе, и застенчивостью ее поклонника. В телефонном голосе не было никакого нахальства: голос культурного человека, и вообще Коркадилы – солиднейшая фирма. Кроме того, Синтии Богден требовались поклонники. Она выбрала самый облегающий костюм, опрыскалась различными аэрозолями, положила тон на лицо и поехала наедаться, напиваться и, мягко говоря, совокупляться. Она с легкой надменностью вошла в вестибюль «Элизабет» и была несколько изумлена, когда к ней бочком пробрался мятый человечек и взял ее под руку.

– Мисс Богден, – пробормотал он, – я ваш пламенный поклонник.

Миссис Богден смерила своего пламенного поклонника сомнительным взглядом. Через полчаса и через три выпитых розовых джина она все еще глядела сверху вниз, следуя за ним к абонированному столику в дальнем углу ресторана. Он усадил ее и, чувствуя, что недостаточно оправдывает ее ожидания, взялся за роль пламенного поклонника с таким отчаянным рвением и изобретательностью, что поразил не только ее, но и самого себя.

– Я впервые мельком увидел вас год назад, когда приезжал на конференцию, – поведал он, заказав официанту бутылку не самого сухого шампанского. – Я заметил вас на улице и сторонкой проводил до дверей конторы.

– Надо было представиться, – сказала миссис Богден.

– Я не осмелился, – проговорил Френсик, весьма натурально покраснев, – и, кроме того, я думал, что вы...

– Замужем? – помогла миссис Богден.

– Вот именно, – кивнул Френсик, – или, скажем так, не свободны. Такая... э-э... красивая... э-э... женщина...

Миссис Богден покраснела в свой черед. Френсик поднажал:

– Я был пленен. Ваше обаяние, ваше спокойное достоинство, ваше... как бы это выразить... – Но выразать не понадобилось. Пока Френсик возился с авокадо, Синтия Богден смаковала креветок. Человечек он, может, и невзрачный, но видно, что джентльмен и вращается в свете. Шампанское двенадцать фунтов бутылка свидетельствовало о чистоте его намерений. Когда Френсик заказал вторую, миссис Богден слабо воспротивилась.

– Особый случай, – сказал Френсик, подумав, не переживает ли он, – и к тому же у нас есть за что выпить.

– Во-первых, за нашу встречу, – сказал Френсик, – а также за успех обоюдного предприятия.

– Обоюдного предприятия? – переспросила миссис Богден, круто свернув мыслью к алтарю.

– Да, мы тут оба приложили руку, – продолжал Френсик, – то есть обычно мы таких книг не издаем, но успех она имела, ничего не скажешь.

Мысли миссис Богден вернулись от алтаря. Френсик подлил себе шампанского.

– Мы очень держимся традиций, – сказал он, – однако нынче, что поделаешь, публика требует такого чтения, как «Девства ради помедлите о мужчины».

– Ужасный текст, правда? – сказала миссис Богден. – Представляете, я сама его печатала.

– Вот как? – сказал Френсик.

– Не отдавать же девочкам, да и автор такой капризный.

– Капризный?

– Я звонила с каждым пустяком, – сказала миссис Богден. – Впрочем, зачем вам это знать?

Френсик знал зачем, но миссис Богден взяла твердый курс.

– Не будем портить наш первый вечер деловыми разговорами, – сказала она, и ни шампанское, ни куантро, ни хитрые повороты разговора делу не помогли. Миссис Богден желала знать все про Коркадилов: она явно интересовалась фирмой.

– Может быть, заедем ко мне? – сказала она, выйдя после обеда к реке. – На последний стаканчик?

– Вы необычайно добры, – сказал Френсик, решивший не отступать до конца. – Но вы уверены, что я вас не стесню?

– А я не против, – сказала миссис Богден, хихикнув и прижав его руку, – чтоб вы меня стеснили.

Она повела его на стоянку, к светло-голубому «эм-джи». Френсик взглянул на спортивную машину. Она как-то не подходила

сорокапятилетней заведующей машинописным бюро; вдобавок его смущали непривычные ковшовые сиденья. Он втиснулся и поневоле позволил миссис Богден закрепить пристяжной ремень. Затем они чересчур, на взгляд Френсика, быстро проехали по Банбери-роуд и помчались пригородами, мимо сдвоенных особняков. Миссис Богден жила в номере 33 по Вью-парк авеню, домике стиля тюдор, обложенном гравием. Она остановила машину у гаража. Френсик хотел было расстегнуть ремень, но Синтия Богден выжидательно склонилась к нему, протягивая губы. Смирившись с неизбежностью, он заключил ее в объятия. Поцелуй вышел долгий и страстный, тем более неприятный, что рукоятка скоростей упиралась Френсику в область правой почки. Когда, по завершении поцелуя, Френсик выбрался из автомобиля, он очень и очень подумал, стоило ли все это затевать. Но теперь уж колебаться не приходилось: ставки сделаны, Френсик последовал за хозяйкой в дом. Миссис Богден включила свет в прихожей.

– Выпьем по глоточку? – спросила она.

– Нет, – горячо отказался Френсик, убежденный, что она под несет ему какого-нибудь кулинарного хересу. Миссис Богден сочла его отказ за нетерпение, и они снова сплелись в объятии, на этот раз возле стойки вешалки. Потом она за руку повлекла его вверх по лестнице.

– Кое-куда – здесь, – предупредительно сказала она. Френсик шарахнулся в ванную и запер за собой дверь. Несколько минут он глядел на свое отражение, недоумеая, чем он так прельстителен для женщин самой хищной породы, зарекался иметь с ними дело и обещал себе никогда больше не корить Джеффри Коркадила за его сексуальные предпочтения; наконец пришлось выйти и проследовать в спальню Синтии Богден, розовую-розовую. Шторы были розовые, палас розовый, мягкая стеганая обивка тахты – розовая. И рядом розовый торшер. На тахте розовый Френсик разбирался с розовым бельем Синтии Богден, нашептывая в ее розовое ухо приторно-розовые нежности.

Через час на розовых простынях лежал уже не розовый, а кирпичный Френсик, дрожащий с головы до ног. За его старания не осрамиться и угодить любыми средствами расплачивалась кровеносная система. А сексуальные кунштюки миссис Богден, опробованные в недаром расторгнутом браке и почерпнутые, вероятно, из какого-нибудь бредового пособия, как сделать секс волнующим, вынудили Френсика к таким позициям, какие не приснились бы самым его отъявленно эротическим авторам. Он пытался отдышаться, попеременно благодаря бога за то, что это кончилось, и опасаясь, что кончится все-таки инфарктом. Над ним

возникла голова Синтии в нерушимой прическе.

– Не разочарован? – спросила она. Френсик поднял глаза и яростно замотал головой. Всякий другой ответ был бы равнозначен самоубийству. – А теперь мы еще капельку выпьем, – сказала она и, к изумлению Френсика, легко выпрыгнув из постели, вмиг принесла бутылку виски, присела на край тахты и плеснула понемногу обоим. – За нас, – сказала она. Френсик осушил стакан залпом и протянул его за новой порцией. Синтия улыбнулась и вручила ему бутылку.

В Нью-Йорке Хатчмейеру тоже нездоровилось – правда, по иной причине. Его чуть не хватил удар из-за трех с половиной миллионов долларов.

– Какие такие у них свои сомнения? – орал он на Макморди, сообщившего, что страховая компания задерживает выплату компенсации. – Обязаны заплатить! Зачем же я страхую недвижимость, если мне не платят за ее поджог?

– Не знаю, – ответил Макморди. – Я вам докладываю, что мне сказал мистер Синстром.

– Подать мне сюда Синстрома! – заорал Хатчмейер. Макморди подал Синстрома. Тот вошел в кабинет, уселся и учтиво посмотрел на крупнейшего издателя Америки сквозь очки в стальной оправе. – Так вот я не знаю, чего вы там копаетесь... – начал Хатчмейер.

– Докапываемся до истины, – сказал мистер Синстром. – И не более того.

– Это пожалуйста, – разрешил Хатчмейер. – Докапывайтесь и раскошеливайтесь.

– Дело в том, мистер Хатчмейер, что мы выяснили, как начался пожар.

– Как же?

– Некто поджег дом с помощью канистры бензина. Некто – миссис Хатчмейер.

– Откуда вы знаете?

– Мистер Хатчмейер, наши эксперты могут сообщить вам, какой лак был на ногтях вашей жены, когда она извлекла из сейфа четверть миллиона долларов, которые вы туда положили.

– Ну да? – сказал Хатчмейер, с подозреньем оглядев собеседника.

– Уверяю вас. Нам известно также, что она загрузила на катер пятьдесят галлонов бензина. При посредстве Пипера. Он таскал канистры: у нас имеются те и другие отпечатки.

– На черта ей это было надо?

– Уж это вам лучше знать, – заметил мистер Синстром.

– Мне? Я был на середине треклятого залива. Как я мог знать, что делается у меня в доме?

– В это мы не вникаем, мистер Хатчмейер. Странное, правда, совпадение, что вы поехали в шторм кататься с мисс Футл, а жена ваша тем временем подожгла дом и инсценировала свою гибель...

– Инсценировала гибель? – Хатчмейер побледнел. – Вы сказали...

– Между собой мы это называем синдромом Стонгауза, – кивнул мистер Синстром. – То и дело кому-то бывает надо, чтобы его считали погибшим: он исчезает, а дорогие близкие предъявляют страховку. Вы требуете выплаты трех с половиной миллионов долларов, а очень может статься, что ваша жена пребывает где-нибудь в добром здравии.

Хатчмейер втянул голову в плечи от кошмарной мысли, что Бэби, может статься, еще жива и таскает при себе документальные улики уклонения от налогов, подкупов и незаконных сделок, вполне достаточные, чтобы упечь его в тюрьму. По сравнению с этим невыплата трех с половиной миллионов долларов – суцья безделица.

– Просто не могу поверить, что она такое сделала, – сказал он наконец. – У нас же была счастливая семья. Никаких сложностей. Все ей пожалуйста...

– В том числе молодые люди? – спросил мистер Синстром.

– Нет, молодые люди не в том числе! – крикнул в ответ Хатчмейер и пощупал свой пульс.

– Между тем этот писатель Пипер был молодой человек, – сказал мистер Синстром, – а насколько я слышал, миссис Хатчмейер была равнодушна...

– Вы что, обвиняете мою жену? Да я вас...

– Мы никого ни в чем не обвиняем, мистер Хатчмейер. Как я сказал: мы всего-навсего докапываемся до истины.

– Значит, вы говорите мне, что моя жена, моя дорогая малютка Бэби, нагрузила катер бензином и покушалась убить меня посреди...

– Именно это я вам и говорил. Впрочем, – добавил мистер Синстром, – взрыв перед столкновением мог быть и случайностью.

– Ну, оттуда, где я стоял, на случайность это было не похоже, можете мне поверить, – сказал Хатчмейер. – Вот вылетел бы прямо на вас катер из темноты – так небось не торопились бы с инсинуациями.

Мистер Синстром поднялся.

– Итак, вам желательно, чтобы мы продолжили наши розыски? – спросил он.

Хатчмейер заколебался. Если Бэби жива, то продолжать розыски –

последнее дело.

– Ну, не верится, что моя Бэби могла на такое пойти, вот и все, – сказал он.

Мистер Синстром снова сел.

– Если она пошла на такое и мы это докажем, то боюсь, что миссис Хатчмейер подлежит суду. Поджог, покушение на убийство, обман страховой компании. Мистер Пипер тоже – как пособник. Я слышал, он популярный автор. Таким всегда найдется работа в тюремной библиотеке. И процесс сенсационный. Если, стало быть, вы всего этого хотите...

Хатчмейер ничего этого не хотел. Сенсационные процессы, на которых Бэби со скамьи подсудимых оправдывается тем, что... Ох, не надо. Совсем даже не надо. А «Девство» и так раскупают сотнями тысяч, общий тираж давно перевалил за миллион, а если будет кино, то компьютер предсказывает что-то сногшибательное. Нет, обойдется без сенсационных процессов.

– А если не хочу? – спросил он. Мистер Синстром подался вперед.

– Можем прийти к соглашению, – сказал он.

– Мы-то можем, – подтвердил Хатчмейер, – а вот легавые...

– Сложили руки и ждут наших разъяснений, – качнул головой мистер Синстром. – Мне же это видится так...

Когда он закончил, Хатчмейеру это виделось так же. Страховая компания объявит, что полностью удовлетворила иск, а Хатчмейер напишет заверенный отказ от иска. Так он и сделал. Три с половиной миллиона долларов даже в пересчете на центы – это вздор, лишь бы не ожила Бэби.

– А что будет, если вы правы, и она возьмет да и объявится? – спросил он, когда мистер Синстром собрался уходить.

– Тогда я вам не завидую, – сказал мистер Синстром. – Это все, что я могу сказать.

Он удалился, а Хатчмейер сел за стол и обдумал, что чем грозит. Нашлось одно утешение: если Бэби жива, то ей тоже не позавидуешь. Попробуй-ка воскресни – как раз угодишь в тюрьму: нет, не такая она дура. Стало быть, Хатчмейер может, жить сам по себе и даже снова жениться. Мысли его обратились к Соне Футл. Вот кто настоящая женщина.

Глава 19

За две тысячи миль от Нью-Йорка переживания Бэби приняли иной оборот. Урок взаимоотношений так подействовал на Пипера, что если раньше он при всякой возможности хватался за «Возвратный труд», то теперь не менее рьяно кидался на нее. После долгих лет воздержания он спешил наверстать упущенное. Каждую ночь, целуя ее уплотненные груди и сжимая переобтянутые бедра, Пипер испытывал восторг, которого не дала бы ему никакая другая женщина. Искусственная Бэби была как нарочно создана для него. Усеченная и обчищенная наперекор природе, в глазах Пипера она очень выигрывала по сравнению с Соней Футл. Ее как бы отредактировали, и Пипер, очиститель «Девства», не уставал радоваться, что Бэби, с которой он как по нотам разыгрывал роль повествователя романа, была соответственно много старше его годами, но не внешностью. И вела она себя в постели как нельзя лучше: никакого пыла и отменная квалификация – так что чужая страсть ему не угрожала. Бэби просто утоляла его похоть и не требовала постоянного внимания, то есть не мешала писать. Наконец, она прекрасно знала текст романа и всегда была наготове с нужной репликой. Когда он стонал в преддверии экстаза: «Дорогая, наша эвристика – это акт творчества», Бэби, не ощущая ровно ничего, отзывалась: «Констатируем, дитя мое», точь-в-точь как ее прототип, престарелая Гвендолен на странице 185-й – тем самым скрепляя художественный вымысел, основу бытия Пипера.

Итак, Бэби вполне отвечала требованиям Пипера к идеальной возлюбленной; но самой ей ничуть не льстило понимание, что она лишь дублирует воображаемую героиню, вдобавок еще и придуманную не им, а настоящим автором «Девства». В упоении Пипера ей порою чудилось что-то вурдалачье, и, глядя в потолок из-за его плеча, Бэби с ужасом чувствовала, что, может быть, ее вовсе и нет, что она невзначай сошла со страниц «Девства» – призрак вымысла, тускнеющего в «Возвратном труде» и расплывающегося на пути к третьей версии. В будущем она, значит, обречена быть оболочкой наигранных чувств, порожденным словесностью половым органом, используемым в промежутках между писанием. Изменился даже дневной распорядок. Пипер желал теперь писать утром, ехать по жаре и ранним вечером останавливаться в мотеле, чтобы прочесть ей написанное поутру и потом соотноситься.

– Ты не можешь как-нибудь для разнообразия выразиться прямо? –

спросила Бэби однажды вечером по прибытии в Таскалусу. – Уж если мы этим занимаемся, так зачем миндальничать?

Но Пипер прямо выразаться не хотел. В «Девстве» не было прямых слов, и в «Нравственном романе» это называлось «соотношение».

– То, что я испытываю к тебе... – начал он, но Бэби перебила.

– Читали, знаем. Кино можно не показывать.

– Итак, – сказал Пипер, – я испытываю к тебе...

– Да ничего, – отрезала Бэби, – ничего ты ко мне не испытываешь. К этой чернильнице, в которую суешь перо, и то больше, чем ко мне.

– Это мне нравится, – сказал Пипер.

– А мне нет, – заметила Бэби с новой, надрывной нотой в голосе. Она подумала было бросить Пипера прямо здесь, в мотеле, и отправиться дальше одной. Но подумала мельком. Не зря же она подожгла свой дом, не зря исчезла из мира: нет, она теперь навечно связана с литературным неандертальцем, который думает, будто писательство – это уход в прошлое и бестолковое подражание давно умершим романистам. И, что хуже всего, пиперовская одержимость прошлым казалась ей зеркальным отражением собственной. Она тоже сорок лет провела с временем, посредством хирургических уступок сохраняя внешний облик той безмозглой красотки, которая была в 1935 году избрана мисс Пенобскот. У них столько общего, и Пипер дан ей в память о собственном неразумии. Все это прошло – и жажда юности, и желание быть по-прежнему обольстительной. Впереди была только смерть – и уверенность, что хотя бы над мертвым ее телом бальзамировщики корпеть не будут. Об этом-то она позаботится заранее.

Она и так уж о многом позаботилась. В приступе романтического сумасбродства она сама себя сожгла и утопила, чем опять-таки породнилась с Пипером. Оба они стали призрачными и жильцами череды однообразных мотелей, он – со своими грессбухами и ее телом, она – с ощущением дикой бессмыслицы и бредовой тщеты. Этой ночью, когда Пипер соотносился, безжизненно простертая под ним Бэби приняла решение. Мотелей больше не будет: они свернут с торной дороги и проселками доберутся до неведомых захолустий дальнего Юга. А там что нужно случится само, помимо ее воли.

С Френсиком все уже происходило помимо его воли. Он сидел за пластикатовым столиком на кухне у Синтии Богден, жевал кукурузные хлопья и силился забыть предрассветные происшествия. Ошалев от плотоядных appetитов Синтии, он сделал ей предложение. В алкогольном тумане это казалось единственным спасением от инфаркта и способом дознаться, кто же все-таки автор «Девства». Но предложение в ночи так

ошеломило миссис Богден, что ей было не до подобных пустяков. В конце концов Френсик ухитрился проспять несколько часов и был разбужен сияющей Синтией с чашкой чаю на подносе. Френсик дотащился до ванной, побрился чьей-то бритвой и явился к завтраку, решив скорее разузнать все, что можно. Однако в мыслях у миссис Богден было одно лишь предстоящее бракосочетание.

– Мы ведь устроим церковную свадьбу? – спросила она у Френсика, ковырявшего переваренное яйцо.

– Какую?.. А, да.

– Я всегда хотела, чтоб это было в церкви.

– Я тоже, – сказал Френсик с воодушевлением примерно таким же, как если бы ему предложили проследовать в крематорий. Он искрошил яйцо и повел лобовую атаку. – Ты, кстати, встречалась с автором «Девства ради помедлите о мужчины»?

Миссис Богден на миг отвлеклась мыслью от приделов, алтарей и Мендельсона.

– Нет, – сказала она. – Рукопись пришла почтой.

– Почтой? – переспросил Френсик, уронив ложечку. – И тебе это не показалось странным?

– Ешь свое яйцо, – сказала миссис Богден. Френсик затолкал ложку крошева в пересохший рот.

– Откуда она пришла?

– Из «Ллойдз банка», – сказала миссис Богден и налила себе еще чашку чаю. – Чаю налить?

Френсик кивнул. Надо было как-то ополоснуть рот от налипшего яйца.

– «Ллойдз банка»? – выговорил он наконец. – Но ведь были же в рукописи неразборчивые места? Как ты поступала?

– Ой, да просто звонила и спрашивала.

– Звонила? Куда – в «Ллойдз банк», а они...

– Ох, какой ты глупенький, Джефри, – сказала миссис Богден. – Да не звонила я в «Ллойдз банк». У меня же был другой номер.

– Какой другой номер?

– По которому я звонила, глупыш, – сказала миссис Богден и посмотрела на часы. – Ой, сколько времени: почти уже девять. Из-за тебя я опаздываю, противный мальчишка. – Она кинулась прочь из кухни и вернулась совершенно одетая.

– Когда будешь готов, вызови такси, – сказала она, – и приезжай ко мне в контору. – Она крепко поцеловала Френсика в губы, слизнув с них яичную крошку, и отбыла.

Френсик встал на ноги, выполоскал рот над раковиной и обмыл ее струей воды. Потом он набил нос табаком, подлил себе чаю и пораскинул мозгами. Звонила по другому номеру? Чем дальше он рыл, тем глубже закапывался. Подбираясь под автора «Девства», он сам угодил... Френсика передернуло. Именно что в яму, да еще в какую! Уныло сидя в уборной, он пытался обдумать свой следующий ход. Телефонный номер. Автор корректирует машинистку по телефону? По сравнению с этими вывертами собственное его поведение последних дней казалось прямо-таки разумным, хотя сделать предложение Синтии Богден было явно верхом безрассудства. Из уборной он вышел минут через десять и направился в прихожую, к телефону на столике. Френсик просмотрел телефонную книжку миссис Богден: но если нужный ему номер и был где-нибудь записан, то не там. Он вернулся на кухню, выпил чашку растворимого кофе, взял еще понюшку табаку и наконец вызвал такси.

Такси приехало в десять, а в половине одиннадцатого Френсик заставил себя переступить порог Машинописного агентства. Миссис Богден ожидала его; двенадцать чудищ за машинками – тоже.

– Девочки, – эвфемистически выразилась миссис Богден, когда Френсик опасливо сунул нос в дверь, – знакомьтесь с моим женихом, мистером Джеффри Коркадиллом.

Существа повставали со стульев и пророкотали поздравления, а миссис Богден лучилась счастьем.

– Теперь – кольцо, – сказала она, когда поздравления смолкли, и Френсик последовал за ней на улицу. Чертовой бабе нужно кольцо. Ладно, лишь бы не очень дорогое. Оказалось – очень.

– Пожалуй, мне нравится этот солитер, – сказала она ювелиру. Услышав цену, Френсик вздрогнул, и весь его план зашатался, но помогло внезапное озарение. В конце концов, что такое пятьсот фунтов, когда на карту поставлено все его будущее?

– Выгравировем на нем? – спросил он Синтию, которая надела кольцо на палец и любовалась сверканием камня.

– Что выгравировем? – проворковала она. Френсик заухмылялся.

– Что-нибудь тайное, – прошептал он, – что-нибудь только нам двоим понятное. Code d'amour.

– Ой, какой ты несносный, – сказала миссис Богден. – Ужас, что тебе в голову приходит.

Френсик покосился на ювелира и снова приложил губы к перманенту.

– Любовный шифр, – объяснил он.

– Любовный шифр? – повторила миссис Богден. – Как это?

– Какое-нибудь число, – сказал Френсик и помедлил. – Число, про которое мы одни знаем, что оно свело нас.

– Ты хочешь сказать?..

– Вот именно, – сказал Френсик, предупреждая возможные варианты, – ведь ты же печатала книгу, а я ее издал.

– А может быть, просто «Вместе до гробовой доски»?

– Вроде заглавия телесериала, – сказал Френсик, не терявший надежды расстаться гораздо раньше. Его выручил ювелир.

– Это внутри кольца не уместится. «Вместе до гробовой доски» – слишком много букв.

– А цифры можно? – спросил Френсик.

– Смотря сколько.

Френсик вопросительно посмотрел на миссис Богден.

– Пять, – сказала она, секунду поколебавшись.

– Пять, – повторил Френсик. – Пять миленьких маленьких цифленочек, наш сладкий любовный шифлик, самый-самый секретный. – Он выложил с потрохами, и миссис Богден не устояла. Она было заподозрила... но нет, человек, который в присутствии чинного поставщика ее королевского величества говорит о миленьких маленьких цифленочках, их самом-самом секретном сладком шифлике – нет, этот человек выше подозрений.

– Два-ноль-три-пять-семь, – нежно пролепетала она.

– Два-ноль-три-пять-семь, – гордо выговорил Френсик.

– Ты уверена? В таком деле ошибок не надо.

– Конечно уверена, – сказала миссис Богден. – Я вообще ошибок не делаю.

– Ну и хорошо, – сказал Френсик, снимая кольцо с ее пальца и протягивая его ювелиру, – выгравировать эти цифры внутри кольца. Сегодня к вечеру я его заберу. – И, твердо взяв под руку миссис Богден, он направил ее к двери.

– Извините, сэ, – сказал ювелир, – но если вы позволите...

– Что позволю? – обернулся Френсик.

– Предпочтительнее, чтобы вы сейчас заплатили. Понимаете ли, гравированные кольца...

Френсик понял с полуслова. Он отпустил миссис Богден и снова подошел к конторке.

– Знаете... э-э... как бы вам сказать... – начал он, но миссис Богден надежно заслонила дверь. Полумерами не обойдешься. Френсик вынул чековую книжку.

– Буду мигом, дорогая, – крикнул он Синтии. – Перейди улицу, присмотри себе там платице.

Синтия Богден повиновалась инстинкту и не двинулась с места.

– Чековая карточка у вас при себе, сэр? – спросил ювелир. Френсик благодарно поглядел на него.

– Вы знаете, нет. Не при мне.

– Тогда простите, сэр, желательно деньгами.

– Деньгами? – сказал Френсик. – В таком случае...

– Пойдем в банк, – твердо сказала миссис Богден и повела его в банк на Хай-стрит. Она уселась, а Френсик обратился к кассиру.

– Пятьсот фунтов? – сказал тот. – Требуется проверить вашу личность и позвонить в ваш банк.

Френсик глянул на миссис Богден и понизил голос.

– Френсик, – нервно сказал он. – Фредрик Френсик, Глас-Уок, Хампстед, но мой деловой счет в ковент-гарденском отделении.

– Проверим – пригласим, – сказал кассир. Френсик побелел.

– Только прошу вас, пожалуйста, не...

– Не – что?

– Не важно, – сказал Френсик и пошел к миссис Богден. Надо было как-нибудь выдворить ее из банка, прежде чем чертов кассир начнет выкликать мистера Френсика. – Оказывается, это не сразу, милая. Вернись, детка, к себе и...

– Но я предупредила, что сегодня не вернусь, и думала...

– Сегодня не вернешься? – сказал Френсик. Чего там сегодня – еще час с нею, и он вообще никогда никуда не вернется. – Но...

– Что «но»? – поинтересовалась миссис Богден.

– Но сегодня у меня ленч с автором, профессором Дубровитцем из Варшавы. Он проездом и... – Френсик выпроводил ее, обещая в два счета разделаться с профессором и зайти за нею на работу. Потом, облегченно вздохнув, он вернулся в банк и получил свои пятьсот фунтов.

– К ближайшему телефону, – сказал он сам себе, запихивая деньги в карман и сбегая по ступеням. Синтия Богден дожидалась его.

– Но ведь... – сказал Френсик и сдался. С миссис Богден всякие «но» пропадали впустую.

– Я решила, что мы сначала пойдем заплатим за кольцо, – сказала она, взяв его под руку, – а уж потом бог с тобой, иди к своему дурацкому профессору.

Они возвратились к ювелиру, и Френсик выложил пятьсот фунтов. Только после этого миссис Богден отпустила его.

– Позвони мне сразу, как с ним развяжешься, – сказала она, чмокнув его в щеку. Френсик обещал не тянуть и помчался на почтамт. Там он на нервной почве набрал два-три-пять-ноль-семь.

– Ресторан «Бомбейская утка», – отозвался какой-то индус, который вряд ли написал «Девство». Френсик яростно повесил трубку и опробовал другую комбинацию цифр на кольце. Рыбная торговля Маклафлина. Больше мелочи не было. Он потел, купил марку за шесть с половиной пенсов и, отдав пятифунтовую бумажку, вернулся с грудой мелочи. Телефонная будка была занята. Френсик стоял, притопывая ногой, а юный угреватый дегенерат не спеша охмурял какую-то девушку, хихиканье которой доносилось до посторонних ушей. Френсик припоминал правильный номер, и как раз припомнил, когда юнец отсосался от телефона. Френсик зашел в кабину и набрал два-ноль-три-пять-семь. Долго раздавались протяжные гудки; наконец трубку сняли. Френсик опустил монету.

– Да, – сказал тонкий брюзгливый голос, – кто говорит? Не долго думая, Френсик взял грубоватый тон.

– С Главного почтамта, отдел телефонных неполадок, – сказал он. – Мы тут ищем коллекторное пересечение линии. Будьте добры вашу фамилию и адрес.

– Неполадок? – сказал голос. – У нас неполадок не было.

– Не было, так будут. Прорвало водопроводную трубу, и нам нужны ваша фамилия и адрес.

– Вы, кажется, сказали – пересечение линии? – сварливо осведомился голос. – При чем же тут водопроводная труба?

– Мадам, – стоял на своем Френсик, – трубу прорвало, коллектор вышел из строя, и нам нужно выяснить, где авария. Будьте так добры назвать фамилию и адрес... – Последовала долгая пауза; Френсик грыз нготь.

– Ну, пожалуйста, если вам нужно, – возобновился голос, – доктор Лаут, Садовый Выгон, 44... Алло, вы слушаете?

Но Френсик не слушал, ужасаясь осенившей его догадке. Он положил трубку и побрел на улицу.

На Ланьярд-Лейн Соня сидела за своей машинкой и смотрела на календарь. Она вернулась из Сомерсета обнадеженная, что «Бобренок Берн» будет впредь легче выражаться; вернулась и нашла два послания. Первое было от Френсика – что он пробудет день-другой неизвестно где и пусть она его заменит. Уже довольно странно. Френсик обычно изъяснялся подробнее и оставлял на всякий случай номер телефона. Но второе

послание – длинная телеграмма от Хатчмейера – было куда удивительнее:

ПОЛИЦИЯ УБЕЖДЕНА СЛУЧАЙНОЙ ГИБЕЛИ
ПИПЕРА БЭБИ ТЕРРОРИСТЫ НИ ПРИ ЧЕМ
СБЕЖАЛИ ДРУГ ДРУГОМ СХОЖУ ПО ТЕБЕ УМА
БУДУ ЧЕТВЕРГ ВСЕЙ ЛЮБОВЬЮ ХАТЧМЕЙЕР.

Соня перечла это невразумительное сообщение несколько раз: «Убеждена случайной гибели»? «Террористы ни при чем сбежали друг другом»? Что за бессмыслица? Она подумала, пожала плечами и заказала Нью-Йорк, «Хатчмейер Пресс». Подошел Макморди.

– Он сейчас в Бразилии, – сказал он.

– Что это за новости насчет случайной смерти Пипера? – спросила она.

– У полиции теперь новая версия, – сказал Макморди, – будто они собрались куда-то бежать, погрузили горючее на борт и нечаянно взорвались.

– Бежать? Пипер с этой тварью? Посреди ночи, катером? У кого-то не все дома.

– Я за это не отвечаю, – сказал Макморди, – так говорят ищейки и страховые агенты. Но Пипер был большой ходок по части старух, из книги видно.

– Черта с два, – сказала Соня, хотя да, Макморди же неизвестно, что Пипер этой книги не писал.

– Не верите мне, позвоните в мэнскую полицию или страховщикам – они скажут.

Соня позвонила страховщикам: те скорей доберутся до истины, у них это с деньгами связано. Ее соединили с мистером Синстромом.

– И вы действительно считаете, что он хотел бежать с миссис Хатчмейер, а взорвались они случайно? – спросила она, выслушав его версию. – Вы меня за нос не водите?

– Это отдел рекламаций, – жестко сказал мистер Синстром. – Водить людей за нос не входит в наши задачи.

– Но ведь чепуха же, – сказала Соня, – она ему в матери годилась.

– Если вам требуются дополнительные сведения о деталях происшествия, рекомендую обратиться в полицейское управление штата Мэн, – сказал мистер Синстром, заканчивая разговор.

Соня сидела ошеломленная этим новым разворотом событий. Значит, Пипер предпочел эту жуткую мегеру... Влюбленную память о нем вмиг точно ветром размело. Пипер предал ее, и горечь этого понимания вернула

Соню к действительности. На самом-то деле, если толком припомнить, человек он был тусклый, и любила она в нем просто будущего мужа. Если бы они поженились – вот тут бы она попробовала что-нибудь из него сделать: успела же она подарить ему писательскую славу еще при жизни, а главное было впереди. Недаром Брамс ее любимый композитор. Появились бы маленькие Пиперы, и каждого надежно устроила бы в жизни мать – литературный агент. Но с этими мечтами покончено. Пипер погиб заодно с перештопанной косметологами тварью в норковом манто.

Соня опять перечла телеграмму, на этот раз по-новому. Не один Пипер находил ее привлекательной. В запасе имеется Хатчмейер, вдовец Хатчмейер, жена которого украла ее бывшего возлюбленного. Забавно, что таким образом Бэби развязала руки Хатчмейеру: он теперь может жениться на Соне. И женится без всяких, иначе ничего не получит.

Соня взяла лист и заправила его в машинку. Надо написать Френзи. Бедный старина Френзи, как ей будет его не хватать; но что поделаешь, надо вздевать оковы супружества. Она объяснится на бумаге – и все, зато не будет прощальных сцен. Отчасти она ведь жертвует собой ради него. Но куда и почему он исчез?

Глава 20

А между тем Френсик был в книжном магазине «Блэкуэллз». Полускрытый за стопами литературно-критических трудов, он стоял с «Дальним умыслом» в руках; раскрытое «Девство» опиралось на книжные корешки. Сборник статей с посвящением Ф. Р. Ливису, свежее опубликованный «Дальний умисел» доктора Сидни Лаут был памятником целой жизни, отданной – беспощадным гонениям на все поверхностное, *непристойное*, незрелое и ничтожное в английской литературе. Поколение за поколением студентов гипнотизировал ее высокопарный слог, которым она поносила нынешний роман, современный мир и загнивающую, издыхающую цивилизацию. Френсик был в одном из этих поколений и вдоволь напился банальностями, подпиравшими ее репутацию ученого и критика. Она превозносила несомненно великое и предавала анафеме все остальное: таким нехитрым способом она и прослыла великим ученым. Хотя язык ее писаний был вовсе не под стать блестящему стилю превозносимых писателей, однако проклятия внедрились в память Френсика – злобная, убогая хула, которую она низвергала на прочих критиков и всех, несогласных с нею. Ее обличения застопоривали мысль; они отравили мозги Френсика и многих ему подобных, бравшихся за перо. Поклоняясь ей, он усвоил чудовищный синтаксис ее лекций и статей. Учеников Сидни Лаут мгновенно распознавали по слогу. И по умственному бесплодию Три десятилетия смрадным клубом висело ее влияние над английской литературой. Настоящее она проклинала именем прошлого, которое осуществлялось только потому, что ее тогда не было. Подобно религиозному фанатику, она освящала святыни и воздвигала стену отчуждения, оставляя за нею все, что хуже самого лучшего Доктор Лаут признавала лишь святых, прочие были нечистью просто оттого, что не годились в ее святцы. Гарди, Форстер, Голсуорси, Мур и Мередит, даже Пикок низвергнуты в тьму кромешную и подлежат забвению потому, что они – это твердо – хуже Конрада или Генри Джеймса. А как с беднягой Троллопом или с Теккереем? Да так же. Хуже лучших – значит, исчадия ада. Или Филдинг?.. Список нескончаемый А уж нынешнему поколению одна надежда спастись – преклонить колена перед ее мнениями и заучить наизусть ответы из ее литературного катехизиса. И эта иссохшая гадина написала «Девства ради помедлите о мужчины»... Френсик прикинул заглавие и нашел его как нельзя более подходящим.

Доктор Лаут не породила ничего. Мертворожденные суждения «Нравственного романа», а теперь еще и «Дальнего умысла» истлеют и распадутся вместе с книгами: забудутся, словно их и не было. Она знала об этом – и написала «Девство», чтобы обеспечить себе анонимное бессмертие. Ключи были налицо, и Френсик дивился, как он их раньше не заметил. На странице 269-й «Девства»: «Итак, неотвратно переживаемое стало переживанием, ритмическим переживанием, которое отображало новое измерение чувства, и подлинно реальное становилось...» Френсик захлопнул книгу, не дойдя до «...предвкушаемой целостностью». Сколько раз в юности он слышал от нее все эти тусклые слова. И сам писал их в студенческих работах. «Отображало» – уже достаточная улика, но идущие за этим пустые абстракции, завершенные «подлинно реальным» – это признаки решающие. Он взял обе книги под мышку и пошел к стойке платить за них. Сомнений не было, все разъяснилось – и маниакальное самосокрытие, и готовность выставить вместо себя Пипера... Но теперь-то Пипер выставлял себя автором «Девства».

Шагавший парковой тропкой Френсик задумался и пошел медленнее. Соавторство? Ведь Пипер – приверженец доктора Лаут, «Нравственный роман» служил ему молитвенником. То есть он вполне мог.. Нет, миссис Богден заведомо не лгала. Френсик ускорил шаг и направился берегом реки к Садовому Выгону. Доктору Лаут предстоит понять, что она сильно просчиталась, прислав свою рукопись бывшему аспиранту. Ибо так, разумеется, и было дело. С высоты самодовольства она избрала Френсика среди сотни других агентов. Иронический жест в ее вкусе: она всегда его невысоко ставила. «Посредственный ум» – написала она как-то в виде заключения по поводу одной его работы. Френсик этого ей не простил и сейчас намеревался отплатить.

Он вышел из парка на Садовый Выгон. Дом доктора Лаут стоял в дальнем конце – викторианский особняк, нарочито заброшенный: обитатели, мол, ведут интеллектуальный образ жизни, им некогда подстригать кусты и выкашивать траву. И помнится, здесь была пропасть кошек.

Кошки никуда не делись. Две сидели на карнизе и смотрели, как Френсик подошел к парадному и позвонил. Стоя в ожидании, он оглянулся. Сад, пожалуй, стал еще больше напоминать сцену пасторали – излюбленного жанра доктора Лаут. И араукария выглядела еще неприступнее. Сколько раз смотрел он на нее из окна, когда доктор Лаут подчеркивала необходимость четкой нравственной установки во всяком произведении искусства. Френсик готов был с головой окунуться в

воспоминания, но тут дверь приоткрылась, и мисс Христиан смерила его подозрительным взглядом.

– Если вы насчет телефона... – начала она, но Френсик покачал головой.

– Меня зовут... – Он помедлил, припоминая фамилию ее любимого ученика: – Бартлетт. Я был ее аспирантом в 1955 году.

– Она никого не принимает, – поджала губы мисс Христиан.

Френсик улыбнулся.

– Я хотел просто засвидетельствовать почтение. Я всегда считал ее влияние решающим для своей духовной жизни. Крайне плодотворным.

«Плодотворным» – это мисс Христиан понравилось. Парольное слово.

– В 1955-м?

– В том самом году, когда она опубликовала «Интуитивное чутье», – сказал Френсик, раскрывая гербарий на нужной странице.

– Да, да. Кажется, это было так давно, – сказала мисс Христиан и отворила дверь шире. Френсик вступил в темную прихожую: цветные стекла лестничных окон усугубляли благоговейное ощущение. Еще две кошки сидели в креслах.

– Как, вы сказали, ваша фамилия? – переспросила мисс Христиан.

– Бартлетт, – сказал Френсик (Бартлетт был отличником).

– Ах да, Бартлетт, – сказала мисс Христиан. – Пойду спрошу, примет ли она вас.

Она удалилась по обшарпанному ковру. Френсик стоял и скрипел зубами: кошачий запах мешался с застойным духом интеллектуального благочиния и нравственной озабоченности. Пожалуй, кошки пахнут лучше.

Снова притащилась мисс Христиан.

– Она примет вас, – сказала она. – Она сейчас редко принимает гостей, но вас примет. Как пройти, знаете.

Френсик кивнул. Он знал, как пройти. Потертая ковровая дорожка тянулась до самого кабинета; он отворил дверь.

Внутри был 1955 год. За двадцать лет ничего не изменилось. Доктор Сидни Лаут сидела в кресле у мерцающего камина с кипой листов на коленях; струила дымок сигарета, уткнувшаяся в пепельницу; на столике сбоку стояла недопитая чашка остывшего чая. Она не подняла головы, когда Френсик вошел: тоже старое обыкновение, признак такой сосредоточенности, что допущенный должен вострепетать. Красная шариковая ручка чертила каракули на полях машинописи. Френсик уселся

напротив и ждал. Ее спесь была ему на руку. Он положил на колени «Девство» в магазинной обертке, разглядывая склоненную голову и занятую писанием руку. Все было в точности как ему помнилось. Потом рука перестала писать, обронила ручку и потянулась за сигаретой.

– Бартлетт, дорогой Бартлетт, – сказала она и подняла глаза. Френсик твердо встретил ее пытливо-смутный взгляд. Нет, он ошибся, перемены есть. Ему помнилось вовсе не это лицо. Тогда оно было гладкое, чуть одутловатое, теперь – отечное и морщинистое. Дряблые, мятые мешки под глазами набухли в полщеки; изо рта сетчатой маски торчала сигарета. Только выражение глаз оставалось прежним: в них тускло мерцала уверенность в своей непреходящей правоте. Под взглядом Френсика эта уверенность сменилась недоумением.

– Мне казалось... – начала она и поглядела пристальнее. – Мисс Христиан определенно сказала мне...

– Френсик. Вы были моей научной руководительницей в 1955-м, – сказал Френсик.

– Френсик? – в глазах ее затеплилась догадка. – Но вы назвались Бартлеттом...

– Маленькая уловка, – сказал Френсик, – чтобы вернее к вам пробиться. Я теперь литературный агент. «Френсик и Футл». Вы о нас не слышали.

Но доктор Лаут слышала: ее глаза блеснули.

– Нет. Боюсь, что не слышала.

Френсик поколебался и избрал окольный путь.

– И вот я... подумал, что как ваш бывший аспирант... что вы, может быть, не откажетесь... сделаете нам такое громадное одолжение... – Френсик демонстрировал безграничную почтительность.

– Чего вы хотите? – спросила доктор Лаут.

Френсик развернул пакет на коленях.

– Видите ли, нам надо отрецензировать роман, и если бы вы...

– Роман? – Глаза, отягощенные дряблыми мешками, покосились на обертку. – Какой роман?

– Вот этот, – сказал Френсик, протягивая ей «Девства ради помедлите о мужчины». Взгляд доктора Лаут застыл, сигарета свесилась изо рта. Потом она съежилась в кресле.

– Этот? – прошептала она. Сигарета выпала и тлела на странице машинописи. – Этот?

Френсик кивнул, склонился, убрал сигарету и положил книгу на столик.

– Кажется, он в вашем духе.

– В моем духе?

Френсик сел поудобнее: он стал хозяином положения.

– Поскольку вы его автор, – сказал он, – то резонно предположить...

– Как вы узнали? – Она пристально глядела на него, и в этом новом взгляде уже не было высоконравственной целеустремленности. Только страх и злоба, к вящему удовольствию Френсика. Он закинул ногу на ногу и посмотрел на араукарию за окном, совсем не такую неприступную.

– Главным образом по стилю, – сказал он, – то есть, говоря откровенно, с помощью критического анализа. В ваших книгах повторяются одни и те же словосочетания, и я их проследил. Ваша школа.

После долгой паузы доктор Лаут закурила новую сигарету.

– И вы ждете от меня рецензии на нее? – наконец спросила она.

– Не то чтобы рецензии, – сказал Френсик. – По-моему, автору неэтично рецензировать собственную книгу. Я просто хотел обговорить с вами, как нам лучше всего преподнести эту новость.

– Какую новость?

– Что доктор Сидни Лаут, выдающийся критик, написала и «Девство», и «Дальний умысел». На мой взгляд, статья в «Таймс литерари сапплмент» вполне годится, чтобы заварить кашу. В конце концов, не каждый день ученый пишет бестселлер, точнее говоря, книгу, подобные которым она обличала всю жизнь...

– Воспеваю, – задыхнулась доктор Лаут. – Вы как мой агент...

– Мое, как вашего агента, дело – чтоб ваша книга продавалась. И заверяю вас, что литературный скандал, который вызовет это открытие в кругах, где вас прежде чтили...

– Нет, – сказала доктор Лаут. – Этого не должно быть.

– Опасаетесь за свою репутацию? – мягко спросил Френсик.

Доктор Лаут не ответила.

– О ней раньше нужно было подумать. А то вы поставили меня в очень неудобное положение. У меня, знаете ли, тоже есть репутация.

– У вас? Какая у вас может быть репутация? – Она словно плюнула в него этими словами.

Френсик подался вперед.

– Безупречная, – отчеканил он. – Вам этого не понять.

– Среди халтурщиков, – попыталась презрительно улыбнуться доктор Лаут.

– Да, среди них, – сказал Френсик, – и тут есть чем гордиться. Среди тех, кто без всякого лицемерия пишет ради денег.

– Ради наживы, грязной наживы.

– А вы это чего ради написали? – ухмыльнулся Френсик.

Маска устремила на него язвительный взгляд.

– Чтобы доказать, что я смогу, – сказала она, – что мне вполне под силу писать ходкую макулатуру. Считалось, что не смогу: книжный червь, кабинетное бесплодие. Я им доказала. – Голос ее возвысился.

– Вряд ли, – пожал плечами Френсик. – На титуле вашей фамилии нет, а без нее никто не знает, что вы там доказали.

– Никто и не должен знать.

– А я собираюсь всех уведомить, – сказал Френсик. – Захватывающая история. Автор-аноним, «Ллойдз банк», Машинописное агентство, мистер Кэвволладайн, Коркадилы, ваш американский издатель...

– Не смейте, – простонала она, – никто не должен об этом знать. Я сказала: воспрещаю.

– Это уже не в ваших руках, – сказал Френсик, – а в моих, и я их не стану марать вашим лицемерием. К тому же у меня есть и другой подопечный.

– Другой подопечный?

– Пипер, тот козел отпущения, посланный вместо вас в Америку. У него тоже, представьте себе, репутация.

– Должно быть, безупречная, вроде вашей, – хмыкнула доктор Лаут.

– В принципе – да, – сказал Френсик.

– Однако он рискнул ею ради денег.

– Пожалуй. Он хотел писать и нуждался в деньгах. Вы, насколько я понимаю, не нуждаетесь. Вы отрещиваетесь от наживы, грязной наживы. Что ж, договоримся.

– Шантаж, – обозначила доктор Лаут и погасила сигарету. Френсику она стала еще омерзительней.

– Как нравственный урод, скрывающийся под чужим именем, вы на такие выражения не имеете права, – заметил он. – Приди вы ко мне с самого начала – я не стал бы вязаться с Пипером, но уж раз вам в обход честности мила анонимность, то мне теперь приходится выбирать между двумя авторами.

– Двумя? Почему двумя?

– Потому что Пипер претендует на авторство.

– Что ж, пусть. Принял бремя – неси его.

– Бремя бременем, а как с деньгами?

Доктор Лаут глядела на тлеющие угли.

– Ему ведь заплачено, – сказала она. – Чего он еще хочет?

– Всего, – сказал Френсик.
– И вы ему готовы уступить?
– Да, – сказал Френсик. – Моя репутация тоже под угрозой. Если будет скандал – мне несдобровать.
– Скандал? – Доктор Лаут покачала головой. – Скандала быть не должно.
– А будет, – сказал Френсик. – Видите ли, Пипер погиб.
– Погиб? – вздрогнула доктор Лаут. – Но вы только что сказали...
– Надо сворачивать его дела. Если дойдет до суда, то исчезновение двух миллионов долларов... Объяснить?
Доктор Лаут покачала головой.
– Что вам от меня нужно? – спросила она.
Френсик расслабился. Обошлось: он ее одолел.
– Напишите мне письмо, что вы знать ничего не знаете об этой книге.
– И этого достаточно?
– Для начала, – сказал Френсик. Доктор Лаут поднялась, пошла к письменному столу и писала минуту-другую; потом протянула письмо Френсику. Он прочел и кивнул.
– Теперь насчет рукописи, – сказал он. – Мне нужен оригинал и все рукописные копии, если такие были.
– Нет, – сказала она, – я все уничтожу.
– Уничтожайте, – сказал Френсик. – При мне.
Доктор Лаут отперла ящик стола, достала оттуда коробку и вернулась в свое кресло у камина. Из коробки она вынула кипу исписанных листов. Френсик взглянул на верхний: «Дом стоял на холме, окруженный тремя вязами, березой и кедром, горизонтальные ветви которого...» Да, это был оригинал «Девства». Через мгновение лист обуглился и полыхнул пламенем в дымоход. Френсик сидел и смотрел, как огонь подхватывает листы, как они, шелестя, чернеют, как бы заново покрываясь белой словесной вязью, рассыпаются и затягиваются в трубу. Рукопись сгорела, и Френсик вдруг заметил краем глаза влажный блеск на щеках доктора Лаут. Он слегка опешил. Женщина предает сожжению свое детище и, сама окрестив его макулатурой, все же оплакивает его участь. Никогда ему, должно быть, не разобраться в душевных хитросплетениях писательства.
Догорел последний лист, и Френсик встал, а доктор Лаут осталась сидеть, сгорбившись перед камином. Не спросить ли у нее еще раз, почему написана эта книга? Чтобы опровергнуть злопыхателей? Это не ответ. Тут что-то другое – тайные вожделения, какая-нибудь бурная любовная связь... все равно она не скажет. Он тихо притворил дверь и прошел пустым

коридором к парадному. Снаружи роями носились черные пепельные хлопья; котенок возле калитки ловил пляшущий на ветру бумажный клочок.

Френсик глубоко вдохнул свежий воздух и зашагал по дороге. Надо было заскочить в гостиницу за саквояжем и поспеть к лондонскому поезду.

* * *

Отъехав к югу от Таскалусы, Бэби выбросила дорожную карту из окна машины. Карта распласталась и исчезла в клубах пыли. Пипер, как обычно, ничего не заметил: он корпел над «Возвратным трудом». Писалась 178-я страница; работа шла хорошо. Еще полмесяца усердного труда – и делу конец. А там он примется за третью версию, где будет все другое: и герои и обстановка. Он решил назвать ее «Детство. Постскриптум»; она должна предшествовать окончательному, совершенно неискаженному тексту романа «Поиски утраченного детства». Впоследствии его сочтут первообразом «Девства» – те самые критики, которые превозносили этот загаженный роман. Таким образом, слава его будет долговечнее дешевого успеха, а уж текстологи проследят, как уродовали его талант своекорыстные наущения Френсика. Пипер улыбнулся собственному хитроумию. А может, напишутся и другие, еще незадуманные романы. Он будет писать «посмертно», и через каждые несколько лет подбрасывать на стол Френсику новую рукопись, от издания которой ему не отвертеться Бэби права: обманув Хатчмейера, «Френсик и Футл» сами подстроили себе ловушку, и с Френсиком теперь иной разговор. Пипер откинулся на сиденье и задремал. Через полчаса он открыл глаза и сел прямо. «Форд», купленный Бэби в Росвилле, мотало из стороны в сторону. Пипер выглянул и увидел, что они едут ухабистой дорогой, а по бокам дорожной насыпи из черных луж торчат высокие деревья.

– Где это мы? – спросил он.

– Представления не имею, – ответила Бэби.

– Как это не имеешь? Должна же ты знать, куда мы едем?

– Насколько я знаю, к черту на рога. Приедем куда-нибудь – посмотримся.

Пипер поглядел на черные лужи под деревьями. Лес был какой-то мрачный и ему не нравился. До сих пор они все время ехали по чистеньким, приветливым дорогам, где лишь изредка попадались

оплетенные японским плющом деревья и обросшие горные склоны – как бы в напоминание о неукротимой мощи природы. Тут было не то. Ни афиш, ни домов, ни бензоколонок – вообще никаких признаков цивилизации. Дичь и глушь.

– А что будет, если мы куда-нибудь приедем, а там не окажется мотеля? – спросил он.

– Устроимся как придется, – сказала Бэби, – я же тебе говорила, что мы едем на дальний Юг, где все обозначится.

– Что обозначится? – спросил Пипер, глядя на черные лужи и думая об аллигаторах.

– Вот как раз это и посмотрим, – загадочно ответила Бэби и затормозила на перекрестке. Сквозь ветровое стекло Пипер различил дорожный знак. Выцветшие буквы гласили: ДО БИБЛИОПОЛИСА 15 МИЛЬ.

– Город прямо как для тебя, – сказала Бэби и свернула на перекрестную дорогу. Лес в черных лужах скоро поредел, и они выехали на тучные, залитые солнцем луга: трава в коровий рост и купы деревьев там и сям. Что-то было едва ли не английское в этих пышных, обволокнутых дымкой и запущенных лугах – они напоминали забытый парк, почти что готовый проснуться и стать чем-то совсем иным. Горизонт был всюду отуманен, и Пиперу, глянувшему на луга, как-то полегчало, словно ландшафт исподволь приручили. Они проезжали мимо полузаросших деревянных хижин, должно быть необитаемых. Наконец показался и сам Библиополис – городок чуть больше поселка; река нехотя обмывала заброшенную набережную. Бэби подъехала к берегу и остановилась. Моста не было: имелся древний веревочный паром.

– Давай-ка ударь в колокол, – сказала Бэби. Пипер вылез из машины и брякнул в колокол на столбе.

– Погромче, – велела Бэби, – дерни как следует.

Наконец на том берегу появился человек, и паром тронулся к ним.

– Чего надо-то? – спросил паромщик, причаливая.

– Нам бы где-нибудь остановиться, – сказала Бэби. Паромщик освидетельствовал номер и успокоился: здешние, Джорджия.

– В Библиополисе мотелей нет, – сказал он. – Езжайте лучше назад, в Зельму.

– Что-нибудь да найдется, – сказала Бэби, пресекая его колебания.

– Если только у миссис Матервити, в Доме туриста, – сказал тот и посторонился. Бэби въехала на паром и вышла из машины.

– Это река Алабама? – спросила она. Паромщик покачал головой.

– Это Мертвечиха, мэм, – сказал он и взялся за веревку.

– А там что? – спросила Бэби, указывая на огромную полуразвалившуюся усадьбу, наверняка построенную еще до Гражданской войны.

– Это Пеллагра. Там нынче никто не живет. Все перемерли.

Пипер сидел в кабине и мрачно провожал взглядом ленивые речные струи. В прибрежных деревьях, обросших бородатым мхом, было что-то вдовье, и развалившаяся усадьба за рекой напоминала о мисс Хэвишем. Но Бэби, которая забралась в машину и вырулила с парома, явно была в приподнятом настроении.

– Я же тебе говорю – все обозначится, – с торжеством сказала она. – Ну-ка поехали к миссис Матервити в Дом туриста.

Переулком между деревьями они выехали к дому с вывеской «Добро пожаловать». Миссис Матервити была не столь приветлива, как вывеска. Она сидела под навесом крыльца и обмеривала их суровым взглядом.

– Ищете кого-нибудь? – спросила она, и очки ее блеснули в лучах закатного солнца.

– Дом туриста миссис Матервити, – сказала Бэби.

– Остановиться собрались или чем торгуете? Ежели косметикой, то не надо.

– Остановимся, – сказала Бэби.

Миссис Матервити еще раз оглядела их с видом знатока сомнительных отношений.

– У меня только одиночные, – сказала она и сплюнула в самую середину подсолнуха, – двойных нет.

– Слава тебе господи, – вырвалось у Бэби.

– Аминь, – сказала миссис Матервити.

Она пригласила их в дом и повела по коридору.

– Это ваша, – сказала миссис Матервити Пиперу и отворила дверь. За окном комнаты росла кукуруза. На стене висела олеография: Христос изгоняет менял из храма и табличка «Не мешковать». Пипер несколько удивился, не зная, как понять такое указание.

– Ну? – сказала миссис Матервити.

– Очень мило, – сказал Пипер, заметивший книжную полку. На ней рядом стояли Библии. – Господи, – проговорил он.

– Аминь, – отозвалась миссис Матервити и увела Бэби, оставив Пипера в размышлении, как бы ему соблюсти угрюмую заповедь «Не мешковать». Когда они вернулись, он размышлял о том же.

– Мы с его преподобием рады всякому гостеприимству, – сказала

Бэби. – Не правда ли, ваше преподобие?

– Как? – растерялся Пипер. Миссис Матервити поглядела на него с живым интересом.

– Я тут как раз говорила миссис Матервити, сколь радует вас американская религиозность, – сообщила Бэби. Пипер сглотнул слюну и прикинул, что от него в данном случае требуется.

– Да, – сказал он, избрав вроде бы самый безопасный ответ. Последовало чрезвычайно неловкое молчание, которое по-деловому нарушила миссис Матервити.

– Десять долларов в день. Со службами семь. Питание отдельно.

– Да, собственно, конечно, разумеется, – сказал Пипер.

– То есть? – осведомилась миссис Матервити.

– То есть Господь всеблагий пропитает, – объяснила Бэби, прежде чем Пипер успел впасть в легкую истерику.

– Аминь, – сказала миссис Матервити. – Так как же? Со службами или без?

– Со службами, – сказала Бэби.

– Четырнадцать долларов задатку, – объявила миссис Матервити.

– Деньги сейчас, служба потом? – с надеждой спросил Пипер.

Глаза миссис Матервити холодно блеснули.

– Священнослужителю... – начала она, но Бэби перехватила:

– Его преподобие хочет сказать, что вся наша жизнь должна быть богослужением.

– Аминь, – сказала миссис Матервити и преклонила колени на линолеуме.

Бэби последовала ее примеру. Пипер смотрел на них в изумлении.

– Бог ты мой, – пробормотал он.

– Аминь, – в один голос с миссис Матервити сказала Бэби и добавила: – Слово за вами, ваше преподобие.

– Ради Христа, – сказал Пипер, силясь как-нибудь выйти из положения. Никаких молитв он не знал, а что до проповедей... Миссис Матервити угрожающе зашевелилась, и слова проповеди нашлись – в «Нравственном романе».

– «Мы обязаны не услаждать наши чувства, а обострять восприимчивость, – забубнил он, – не развлекаться, а нравственно совершенствоваться, читать не затем, чтобы увильнуть от жизненных обязанностей, но чтобы посредством чтения глубже осознавать себя и свои поступки и, как бы перерождаясь силою чужого опыта, расширять свой кругозор, держать в напряжении свои чувства и в конечном счете оставлять

чтение лучшим человеком, нежели начал».

– Аминь, – горячо сказала миссис Матервити.

– Аминь, – заметила Бэби.

– Аминь, – сказал Пипер и сел на постель. Миссис Матервити поднялась с колен.

– Спасибо на божьем слове, ваше преподобие, – сказала она и покинула комнату.

– Да что за черт? – сказал Пипер, когда шаги ее замерли. Бэби встала на ноги и поднесла палец к губам.

– Не всуесловить. Не мешковать.

– Это, кстати, тоже... – начал Пипер, но миссис Матервити уже шла по коридору.

– Радение в восемь, – объявила она, всунув голову в дверь – Опаздывать не положено.

– Радение? – злобно поглядел на нее Пипер.

– Радение верных рабов божьих Церкви адвентистов Седьмого дня, – отчеканила миссис Матервити. – Сказано было насчет богослужений.

– Мы с его преподобием от вас не отстанем, – пообещала Бэби. Голова миссис Матервити исчезла. Бэби взяла Пипера под руку и пихнула к двери.

– Господи, святая воля твоя, ну мы из-за тебя...

– Аминь, – сказала Бэби уже в коридоре. Миссис Матервити дождалась на крыльце.

– Церковь на городской площади, – сказала она, когда все забрались в «форд», поехавший по темнеющей улице мимо обомшелых деревьев, которые теперь казались Пиперу еще печальнее. Когда «форд» остановился возле деревянной церквушки на площади, Пипер был в паническом состоянии.

– Снова не нужно будет проповедовать, нет? – шепнул он Бэби на паперти. Изнутри слышалось пение.

– Опаздываем, – сказала миссис Матервити и спешно провела их между заполненными скамьями к пустующему первому ряду. В руках у Пипера оказался сборник песнословий, и он, сам того не замечая, вместе со всеми голосил необычайный гимн «Телефонируем ко славе».

Гимн был допет; зашаркали подошвы – прихожане опускались на колени, а проповедник начал молитву.

– Грешны пред тобой, о Господи, – заявил он.

– Грешны пред тобой, о Господи, – простонала миссис Матервити и прочие прихожане.

– О Господи, все мы грешники, чающие спасения, – продолжал

проповедник.

- Чающие спасения. Чающие спасения.
- От геенны огненной и когтей сатанинских.
- От геенны огненной и когтей сатанинских.

Миссис Матервити рядом с Пипером истово задрожала.

- Аллилуйя, – проговорила она.

Когда молитва окончилась, громадная негритянка, стоявшая у пианино, затянула «Кровию агнца омыты»; потом грянул «Иерихон» и наконец гимн «Служители божий, верой оправдаемся» с хоровым припевом «В Господа, в Господа, в Господа веруем, вера Господня крепче щита». К великому своему изумлению, Пипер обнаружил, что поет едва ли не громче других и с не меньшим восторгом. Миссис Матервити притопывала ногой; другие женщины хлопали в ладоши. Гимн пропели два раза и тут же завели другой, про Еву и яблоко. Когда раскаты его стихли, проповедник воздел руки.

- Братья и сестры, – начал он и был тут же прерван.
- Несите змей! – крикнул кто-то из задних рядов.
- Змеиный вечер в субботу, – сказал он. – Это все знают.

Но крик «Несите змей!» подхватили, и черная великанша грянула гимн «Веруй в Иисуса, и змеи не тронут, верным Господь стоит обороной».

– Змеи? – спросил Пипер у миссис Матервити. – Вы, по-моему, сказали, что будут только рабы божий.

– Змеи по субботам, – сказала миссис Матервити, сама очень встревоженная. – А я хожу по четвергам. Я змеилица не обожаю.

– Змеилица? – сказал Пипер, вдруг сообразив, что сейчас будет. – Пресвятой боже!

Бэби рядом с ним уже рыдала, но Пиперу было не до нее: важнее спасти собственную шкуру. Длинный, сухопарый человек пронес какой-то мешок, большой и шевелящийся. Пипер тоже зашевелился. Он вихрем сорвался со скамьи и кинулся к дверям: но, должно быть, не одному ему претило оказаться взаперти с ядовитыми змеями. Отброшенный назад, Пипер снова плюхнулся на свою скамью. «Бежим отсюда к дьяволу», – крикнул он Бэби, но та не отрываясь глядела на пианиста, щуплого человечка, перебиравшего клавиши тем ретивее, что шею ему обвивал небольшой удав. За пианино черная великанша жонглировала двумя гремучими змеями и пела: «Библиополис, любовь – наш стяг, кусай нас, змеи, ваш яд – пустяк», с чем Пипер определенно был не согласен. Он приготовился снова метнуться к двери, но что-то придавило ему ноги. Это соскользнула на пол миссис Матервити. Пипер вдавил тело в скамью, тихо

постанывая. Бэби тоже стонала: на лице ее разлилось непонятное блаженство. Сухопарый человек извлек из мешка змею в красных и желтых кольцах.

– Арлекин, – ужаснулся кто-то. Пение «Библиополис, любовь – наш стяг» внезапно смолкло. В наступившей тишине Бэби встала на ноги и как зачарованная двинулась вперед. При смутном огне свеч она выглядела прекрасной и величественной. Она взяла змею у сухопарого и воздела руку, словно кадуцей, символ медицины. Затем, обратившись лицом к Прихожанам, она одним движением разорвала блузку до пояса, выставив две пышные, упругие груди. Раздался стон ужаса. Обнаженных грудей в Библиополисе еще не видели, теперь они предлагались на выбор арлекину. Бэби опустила руку, и озлобленный змей вонзил зубы в шесть дюймов силикона. Секунд десять он впивался, ерзая хвостом; потом Бэби оторвала его и приложила к другой груди. Но арлекину было уже достаточно. Пиперу тоже. Он со стоном сполз на пол к миссис Матервити. Торжествующая Бэби, обнаженная по пояс, швырнула арлекина обратно в мешок и повернулась к пианисту.

– Вознесите души горе братие! – крикнула она.. И церквушка снова огласилась гимном «Библиополис, любовь – наш стяг, кусай нас, змеи, ваш яд – пустяк».

Глава 21

Френсик принимал в своей хампстедской квартире утреннюю ванну, регулируя горячую воду большим пальцем ноги. Долгий и крепкий сон уврачевал его организм, потрясенный объятиями Синтии Богден; а в контору он не спешил. Прежде надо было кое-что обдумать. Конечно, он молодец, что добрался до истинного автора «Девства» и вынудил ее отказаться от всех прав на книгу, но затруднения на этом не кончались. Во-первых, как же быть с Пипером, беспардонно требующим из-за гроба деньги за роман, которого он при жизни не писал.

Казалось бы, все теперь проще: можно вычестить из двух миллионов долларов свои и коркадильские комиссионные, а остаток перевести в Нью-Йорк, в Первый государственный банк на счет номер 476994. Вроде бы самое разумное: откупиться от Пипера, и точка. Но это ведь значит уступить вымогательству, а вымогателю дай воли на палец, он всю руку откусит. Посыплутся все новые и новые требования; к тому же, чтобы перевести деньги в Нью-Йорк, придется открыть Соне Футл, что Пипер, может быть, и жив. А ей только намекни – помчится искать его, как ошпаренная кошка. Наврать ей, что ли, будто клиент мистера Кэвволладайна велел проворачивать платеж таким вот головокружительным образом?..

Однако же все это были мелочи, а за ними маячило подозрение, что Пипер пустился мошенничать не по собственному почину. Десять лет многообразные «Поиски утраченного детства» вполне доказывали отсутствие у Пипера всякого воображения; а тому, кто измыслил этот хитрый трюк, воображения было не занимать. Френсик заподозрил покойницу миссис Бэби Хатчмейер. Если Пипер, погибший вместе с ней, оказался в живых, то были все основания полагать, что уцелела и миссис Хатчмейер. Френсик попробовал проникнуть в душу жены Хатчмейера. Сорок лет брака с таким чудищем – это либо она мазохистка, либо человек упругости необычайной. И за каких-нибудь двадцать минут спалить дотла громадный дом, взорвать катер и потопить яхту – вообще нанести собственному мужу такой материальный урон... Нет, женщина заведомо ненормальная, от нее можно ждать чего угодно. Воскреснет в любую минуту и вытащит за собой мерзавца Пипера из незасыпанной могилы. И Френсик живо представил себе, что впоследствии Хатчмейер напропалую кинется сутяжничать и подаст в суд на всех, кого припомнит. Пипера

затаскают по судам, и вся история подмены автора «Девства» выйдет наружу. Френсик наспех вылез из ванны и стал обтираться полотенцем, отгоняя призрак свидетельствующего Пипера.

По мере того как он одевался, проблема обростала сложностями. Положим даже, Бэби Хатчмейер сама не станет являться из гроба; но ее же может разыскать любой проныра-репортер, уже сейчас, чего доброго, напавший на след. Что же будет, когда Пипер заговорит? Пытаясь представить себе, чем обернутся его разоблачения, Френсик варил кофе и вдруг вспомнил о рукописи. Имеется рукопись, почерк Пипера. Ну, не рукопись-копия. Все равно выход. С помощью рукописи он шутя опровергнет любые доказательства Пипера, что он, мол, не автор «Девства». И пусть его поддерживает психоватая Бэби – все равно им никто не поверит. Френсик облегченно вздохнул. Дилемма ложная, но выход найден. Он позавтракал и пошел в гору к станции метро в прекрасном настроении. Да, он умница, и никакому дуролому Пиперу вкупе с Бэби Хатчмейер его не облапошить.

Контора на Ланьярд-Лейн была заперта – очень странно. Соня Футл уже накануне наверняка расправилась с «Бобренком Берни». Френсик отпер дверь и вошел: Сони как не бывало. На своем столе он увидел лежавший, отдельно от прочей почты конверт, адресованный ему почерком Сони. Френсик сел, распечатал конверт и обнаружил длиннущее послание, начинавшееся словами «Миленький Френзи» и кончавшееся «Твоя любящая Соня». Между этими ласкательными заверениями Соня объясняла, утопая в тошнотворной сентиментальности и путаясь в собственном вранье, как ей сделал предложение Хатчмейер и почему она его приняла. Френсик был ошеломлен. Неделю назад девка заходилась слезами из-за Пипера. Френсик извлек табакерку, сопливый красный платок и возблагодарил бога, что он холостяк. Женские ходы и хитрости были превыше его понимания.

* * *

И уж куда превыше понимания Джеффри Коркадила. Он сидел и волновался насчет процесса о клевете, затеянного профессором Фацитом против автора, издателя и печатника романа «Девства ради помедлите о мужчины», когда ему вдруг позвонила Синтия Богден.

– Я – что? – спросил он, колеблясь между простым отвращением и

полным недоверием. – Только солнышком меня не называйте. Какое я вам, к черту, солнышко!

– Но, Джеффри, ласточка, – сказала миссис Богден, – ты был такой сильный, такой страстный...

– Это был не я! – вскричал Джеффри. – Вы ошиблись номером. И как у вас такое с языка слетает!

С языка миссис Богден слетело еще многое. Джеффри Коркадил сжался в комок.

– Стоп! – закричал он. – Я не знаю, что это все за чертовщина, ну если вы хоть на минуту думаете, что я провел позапрошлую ночь в ваших, так сказать, объятиях – о господи!.. Да вы просто опупели!

– И ты, значит, не сделал мне предложения, – взвизгнула миссис Богден, – и не купил мне обручального кольца и...

Джеффри шваркнул телефонную трубку, чтобы пресечь омерзительный перечень. Мерзостей и так хватало: обойдется без этой сумасшедшей бабы, уверяющей, что он на ней чуть не женился. Потом, чтобы избежать новых нападков миссис Богден, он оставил контору и отправился к своим юристам – обсудить защиту в будущем деле о клевете. Те не сообщили ничего утешительного.

– Клевета на профессора Фацита, увы, отнюдь не случайна, – заметили ему. – Этот ваш Пипер определенно вознамерился подорвать репутацию профессора. Иных объяснений быть не может. Мы полагаем, что автор целиком ответствен за...

– Его, кстати, и в живых-то нет, – сказал Джеффри.

– В таком случае, по-видимому, придется вам взять на себя все судебные издержки, и, честно говоря, мы вам посоветуем договориться загодя.

Джеффри Коркадил ушел от поверенных в полном отчаянии. А все этот чертов Френсик. Да и сам он тоже хорош: связался с посредником, который только что вылез из процесса о клевете. Френсика прямо хлебом не корми, дай ему кого-нибудь оклеветать – видимо, так. Джеффри взял такси до Ланьярд-Лейн. Он собирался напрямик сказать Френсику, что он о нем думает, и нашел его в мягчайшем настроении.

– Дорогой Джеффри, как приятно видеть вас, – сказал он.

– Я приехал не любезностями обмениваться, – окрысился Джеффри, – а сообщить вам, что из-за вас я попал в самую скверную историю, какую только...

Френсик выставил предупредительную ладонь.

– Вы о профессоре Фаците? Чего уж так волноваться...

– ТАК волноваться? Имею все основания так волноваться, и вряд ли «уж так», когда я, того и гляди, по вашей милости стану банкротом!

– Я навел кое-какие справки, – сказал Френсик, – там, знаете, в Оксфорде.

– Вот как? – сказал Джеффри. – Он, значит, и вправду все это проделывал? А китайский мопс – тоже был?

– Короче говоря, – веско сказал Френсик, – в Оксфорде профессор Фацит никому не известен. Я навел справки в профессорском корпусе, в университетской библиотеке – нигде о нем и слыхом не слыхали. И насчет того, что он якобы жил на Де Фритвиль авеню, так вот – не жил.

– Вот тебе и на, – сказал Джеффри, – но если про него никто не слышал...

– Похоже, что господа Дратли, Скрытни, Взвесли и Джонс на этот раз перестарались.

– Любезный друг, так это же надо отпраздновать, – восхитился Джеффри. – И вы, значит, собственной персоной отправились туда и выяснили на месте...

– Видите ли, я просто отлично знал Пипера, – соскромничал Френсик. Они спускались по лестнице. – Он ведь уже много лет присылал мне свои сочинения – и не такой он был человек, чтобы кого-то преднамеренно оклеветать.

– Но, по-моему, вы мне говорили, что «Девство» – его первая книга, – сказал Джеффри.

Френсик прикусил губу.

– Да, собственно, первая, – сказал он. – Прочие были... ну, довольно несамостоятельные. Такие у меня не идут.

– Кстати, об Оксфорде, – сказал Джеффри за столиком у Уилера. – Мне оттуда утром звонила, представляете, какая-то полоумная особа по имени Богден.

– В самом деле? – спросил Френсик, поперхнувшись мартини. – И чего она хотела?

– Уверяла, будто я ей сделал предложение. Ужас, просто ужас.

– Могу себе представить, – сказал Френсик, допив мартини и заказав еще одно. – Некоторые женщины на что угодно пойдут...

– Послушать ее, так это я пошел на что угодно. Она говорит, я ей купил обручальное кольцо.

– Надеюсь, вы послали ее ко всем чертям, – сказал Френсик, – и, кстати, у меня тоже брачные новости. Соня Футл выходит за Хатчмейера.

– За Хатчмейера? – оторопел Джеффри. – Да ведь у него без году неделя

как погибла жена. Посовестился бы тут же снова совать голову в петлю.

– Очень уместное сравнение, – с улыбкой заметил Френсик и поднял стакан.

Волнения его кончились. Он сообразил, что Соня, пожалуй, не так уж и сглупила, решив выскочить за Хатчмейера. Она заняла логово врага. Двоеженец Хатчмейер будет не очень и страшен; к тому же человек, которого может пленить Соня, заведомо тронутый, а тронутый Хатчмейер нипочем не поверит, что его новая жена когда-то была против него в заговоре. Стало быть, оставалось только убогатить Пипера. После роскошного обеда Френсик вернулся на Ланьярд-Лейн, а оттуда пошел в банк и перевел два миллиона долларов (минус коркадильские десять процентов и свои комиссионные) – то есть миллион четыреста тысяч на счет номер 476994 в Первый государственный нью-йоркский банк. Тем самым с его стороны договор был соблюден. Домой Френсик поехал на такси. Он был богат и счастлив.

* * *

Хатчмейер тоже. Он никак не мог опомниться от скоропалительного согласия Сони на его скоропалительное предложение. Могучие тела, столько лет томившие его издали, наконец поступили в его полное обладание. Соня пришлась ему более чем по вкусу: ни шрамов, ни хирургических подновлений, которыми тело Бэби напоминало ему о его изменах и об их искусственном супружестве. С Соней все стало просто. Не надо самоутверждаться, справляя по вечерам малую нужду в умывальную раковину; не требуется доказывать мужскую потенцию, гоняясь за девками в Риме, Париже и Лас-Вегасе. Он мог расслабленно вкушать семейное счастье: Сониных жизненных сил хватало на обоих. Они поженились в Канне; ночью Хатчмейер лежал в вожделенных объятиях, обозревая необъятные груди, и знал, что здесь все без обмана. Соня с улыбкой косилась на его довольную физиономию. Она и сама была довольна – наконец-то она замужняя женщина.

И замужем за богачом. Следующий вечер Хатчмейер отпраздновал сорокатысячным проигрышем, а потом нанял в честь памятной ночи огромную яхту с опытным капитаном и испытанной командой. Они проехали по Эгейскому морю, обозрели руины античной Греции и, не упуская собственной выгоды, зафрахтовали по дешевке десяток нефтяных

супертанкеров. Самолет доставил их в Нью-Йорк на премьеру экранизации «Девства».

Там, в темноте, увешанная бриллиантами Соня наконец не выдержала и расплакалась. Хатчмейер, сидя рядом с нею, проявлял понимание. Кино было кинематографически трогательное: модные левые актеры играли Гвендолен и Энтони, а режиссер соорудил винегрет из «Потерянного горизонта», «Бульвара заходящего солнца» и «Глубокой глотки» с добавлением «Тома Джонса». Макморди сунул кому надо, и критики захлебывались от восторга. А роман расходился новыми и новыми тиражами, фильм приумножил распродажу: поговаривали даже о бродвейском мюзикле с Марией Каллас в главной роли. Хатчмейер выяснил у компьютера, как стимулировать покупателей, и выпустил книгу в новой обложке, так что уже давно купившие ее нечаянно покупали снова. А после мюзикла многие, пожалуй, купят и в третий раз. Клубы заказывали книгу почем зря, и мемориальное, тисненое золотом издание памяти Бэби Хатчмейер разошлось за неделю. Вся страна упивалась «Девством». Пожилые дамы бросали бридж и покидали салоны красоты, выходя на охоту за юношами. Хирургическое вмешательство в половую жизнь престарелых сошло почти на нет. И, в довершение хатчмейеровских удач, Соня объявила, что она беременна.

* * *

В Библиополисе, штат Алабама, тоже кое-что изменилось. Жертвы импровизированного змеилица были похоронены в дубраве возле Мертвечихи. Их оказалось всего семь. Змеи сгубили двоих. Трех смяли на паперти. Преподобный Гидеон умер от сердечного приступа, а миссис Матервити хватил удар при виде полуобнаженной Бэби на кафедре. Из этого бредового испытания Бэби вышла героиней – отчасти благодаря роскошеству своих грудей, отчасти из-за их неуязвимости: перед этим двойным обаянием никто не смог устоять. Доселе Библиополис не видывал столь убедительных доказательств веры, и ввиду кончины преподобного Гидеона Бэби предложено было место священнослужителя. Она приняла предложение ничтоже сумняшеся. Таким образом пресекались супружеские поползновения Пипера не в ущерб супружеству как таковому. Бэби громила с кафедры плотские утехы так сокрушительно, что женщины радовались, а мужчины возбуждались, к тому же описание адских мук у

нее, претерпевшей все на свете за долгую жизнь с Хатчмейером, устрашало своей убедительностью. Так обрела она свободу пользования останками собственного тела. И когда гробы погружались в землю, преподобная Хатчмейер повелительно завела «Мы сберемся у реки», а жители Библиополиса, все, сколько их было, старательно подтянули. Даже шипящим змеям, вытряхнутым из мешка в Мертвечиху, и тем повезло. Бэби отменила змеилица, произнесла длинную проповедь о Еве и яблоке, в которой змеи отныне запрещались как служители Сатаны. Родственники погибших от змей были с этим более или менее согласны. Но тут опять во весь рост встала проблема Пипера. Бэби нашла свое призвание: но как же было не возблагодарить нечаянного виновника торжества?

На поступившие деньги с продажи «Девства» она отстроила «Дворец Пеллагры» в его почти что рабовладельческом великолепии и поселила в нем Пипера. Пусть завершает труд над своей третьей версией под названием «Вдогонку утраченному детству». Дни складывались в недели, недели – в месяцы, а Пипер писал себе и писал, как привык в гленигском пансионе. Вечерами он прогуливался по берегу Мертвечихи, а потом вчитывался в «Нравственный роман», переходя от него к настоятельно рекомендованной классике. Денег теперь было вдосталь, и Пипер заказал все, что было возможно заказать. Полученные книги ровными рядами выстроились па стеллажах во «Дворце Пеллагры», точно образа той литературной религии, на которую он угробил свою жизнь. Джейн Остей, Конрад, Джорж Элиот, Диккенс, Генри Джеймс, Лоуренс, Манн – все они его к чему-то побуждали. А он тосковал по единственной женщине, которую сумел полюбить и которая стала теперь недоступной: преподобная Бэби наотрез отказалась с ним спать.

– Придется тебе что-нибудь придумать взамен, – сказала она Пиперу. Тот честно попытался придумать что-нибудь взамен, но тоска по Бэби мучила его так же, как зуд несостоявшегося великого романиста.

– Ничего не помогает, – сказал он. – Я все время только о тебе и думаю. Ты такая красивая, такая чистая, такая... такая...

– Болтаешься без дела, вот я тебе и такая, – сказала Бэби. – Ты попробуй-ка...

– Что прикажешь попробовать?

Бэби взглянула на усеянную ровным почерком страницу.

– Учи-ка ты людей писать, – сказала она.

– Какое там, – сказал Пипер. – У меня самого-то не очень получается.

У него был покаянный день.

– Прекрасно получается. Погляди, как ты выводешь «ф», как делаешь

хвостик «у». Кому как не тебе учить людей писать?

– Ах, в этом смысле писать, – сказал Пипер, – Это я, наверное, смогу. Только кому это надо?

– Да всем на свете. Сам удивишься. Когда я была девочкой, в любой деревне учили чистописанию. Вот от тебя и польза будет.

– Польза? – скорбно сказал Пипер. – Я всего-то и хочу...

– Писать, – предварила Бэби. – Ну что ж, будешь сочетать искусство с образованием. Каждый божий день классы – вот и пере станешь сам о себе думать.

– Я о себе и не думаю. Я думаю о тебе. Я тебя люблю...

– Все мы должны любить друг друга, – наставительно заметила Бэби и удалилась.

Через неделю открылось Каллиграфическое училище, и Пипер вместо того, чтобы бродить по берегу Мертвечи, стоял перед учениками и объяснял им, как выводить буквы. Сначала он учил детей, но потом присоединились взрослые, взяв перья в руки и поставив перед собой бутылки Хиггинсовых Вечных Неиспаряющихся чернил. Пипер объяснил им, что для диагональной лигатуры нужен штрих, а волнистую засечку и вообще так просто не проведешь. Месяц за месяцем росла его репутация, а с нею ширилась теория. Дальним приездом из Зельмы и Меридиана Пипер объяснял, как слово совершенствуется чернилами. Называлось это Логософия, и приверженцев было чем дальше, тем больше. Жизнь вывернулась наизнанку, и писанина предстала писательством. В былые дни, в дни одержимости созданием великого романа, теория не только предшествовала практике, но и опустошала ее. Чего не освящал «Нравственный роман», к тому Пипер и близко не подходил. Теперь он в качестве чистописателя стал сам себе практиком и теоретиком. Однако прежнее честолюбивое желание увидеть свой роман в печати снедало его – и каждая заново прочищенная версия «Девства» отправлялась Френсику. Сначала Пипер адресовал рукопись в Нью-Йорк, чтобы там разобрались и переадресовали ее на Ланьярд-Лейн; но шли месяцы, самоуверенность его возрастала, а с нею и забывчивость – и он начал сразу слать по назначению. Каждый месяц приходили выписанные «Букс энд букмен» и «Тайме литерари саплмент», он просматривал списки новых романов и разочаровывался. «Поиски утраченного детства» в списках не значились.

Наконец, взглянув однажды на полную луну, он решил взяться за дело по-новому, взял перо и написал Френсику. Письмо было суровое и по делу. Если его литературные посредники «Френсик и Футл» не могут обеспечить публикацию его романа, то он будет вынужден избрать себе других

посредников.

«Пожалуй, я и в самом деле подумываю, не послать ли рукопись прямо Коркадилам, – писал он. – Как вы, должно быть, помните, согласно подписанному договору, он обязался опубликовать мой второй роман, и я не вижу ни малейшего резона пренебречь этим фактическим соглашением. Всецело ваш Питер Пипер».

Глава 22

– Ну, он, видать, окончательно спятил, – пробормотал Френсик неделей позже. – Не вижу, говорит, ни малейшего резона пренебречь. – Френсик этот резон видел.

– Неужели болван Пипер всерьез полагает, что я так-таки пойду к Коркадилам и заставлю их напечатать роман какого-то мертвеца?

Однако, судя по тону письма, Пипер именно так и полагал. За несколько месяцев Френсик получил четыре ксерокопии правленных черновиков романа Пипера и упрятал их в недостижимый архив. Если Пиперу угодно, не жалея времени, переписывать чертов роман в ущерб всякому читательскому интересу – пусть переписывает Френсик ничуть не обязан таскаться с его писаниями по издателям. Но угроза обратиться напрямик к Коркадилам – это, мягко говоря, совсем другая петрушка. Пипер умер, похоронен и получает за это хорошие деньги. Каждый месяц Френсик присматривал, чтобы отчисления с продажи «Девства» регулярно переводились на счет номер 476994, и дивился американской налоговой системе, по-видимому безразличной к тому, жив или умер налогоплательщик. То ли Пипер исправно платил налоги, то ли Бэби Хатчмейер особым способом устранила всякие налоговые сложности. Это, в общем, Френсика не касалось. Он высчитывал комиссионные и переводил остальное. Но раз Пипер угрожает пойти к Коркадилу или обратиться к другому агенту – это уж его, Френсика, касается. Этому определенно не бывать.

Френсик повертел письмо в руках и рассмотрел марку на конверте. Пришло из какого-то Библиополиса, штат Алабама. «Пиперу только и жить в таком идиотском городе», – мрачно подумал он, размышляя, как отвечать. Может, вообще не отвечать? Пожалуй, вернее всего не обращать внимания на угрозу. Зачем оставлять письменные улики, что он знает о пиперовском посмертном существовании? «А потом он потребует, чтобы я сам явился к нему обсудить дело. Только этого и не хватало». Френсик и так вдоволь погонялся за призрачными авторами.

Миссис Богден напротив, отнюдь не оставила погоню за мужчиной, сделавшим ей предложение. После жуткого телефонного разговора с Джеффри Коркадиллом она поплакала, подкрасилась и вернулась к обычным делам. Несколько недель она прожила в надежде, что он вдруг позвонит или пришлет еще один ворох алых роз; но эти надежды зачахли

Обнадеживал только алмазный блеск солитера на пальце, и, конечно ее машинистки не должны были заподозрить, что с помолвкой неладно. Для них она изображала затяжные уик-энды и выдумывала свадебные отсрочки. Однако недели слагались в месяцы, и Синтия, перешла от разочарования к решимости. Положим, иной раз лучше быть пойманной, чем неуловимой оттого, что тебя не ловят, но выглядеть дурой перед подчиненными – это уж слишком. И миссис Богден задалась целью отыскать жениха. Его исчезновение доказывало, что она ему не нужна, а пятьсот фунтов, потраченные на кольцо, свидетельствовали, что ему было от нее что-то нужно. Деловой ум миссис Богден подсказывал ей, что одна ночь с нею вряд ли стоит таких непомерных издержек. Если это жест, то жест идиотский, а в гордыне своей она не могла счесть идиотом единственного человека, который сделал ей предложение после ее развода.

Нет, должно найтись какое-то объяснение; и, перебирая события незабвенных суток, она припомнила, что в разговоре почему-то все время всплывал роман «Девства ради помедлите о мужчины». Во-первых, жених ее назвался Джеффри Коркадиллом; во-вторых, слишком уж часто он заводил речь о перепечатке романа; в-третьих, любовный шифр, а шифром этим послужил телефонный номер, по которому она консультировалась во время перепечатки. Синтия Богден снова позвонила по нему, но там не отвечали, а через неделю телефон и вовсе перестал соединяться. Она просмотрела всех Пиперов в телефонной книге: номера 20357 ни у кого из них не было. Она позвонила в центральное справочное, опросила адрес и фамилию абонента, но там отказались дать такую справку. Зайдя в тупик этим путем, она испробовала другой. Ей было велено отправить законченную перепечатку Кэдволладайну и Димкинсу, стряпчим, а черновик вернуть в «Ллойдз банк». Миссис Богден позвонила мистеру Кэдволладайну, но, к изумлению ее, оказалось, что он не помнит, получал ли машинопись. «Вполне вероятно, – сказал он, – но у нас столько всяких дел, что...»

Миссис Богден не отставала, и наконец ей было сказано, что поверенные не вправе разглашать конфиденциальную информацию. Миссис Богден этот ответ не удовлетворил. Неудачи лишь укрепляли ее решимость, равно как и ехидные вопросы ее «девочек». Соображала она медленно, но упорно. Она проследовала мыслью от банка до своего машинописного бюро, от бюро к мистеру Кэдволладайну и от мистера Кэдволладайна к Коркадилам. Ее тоже заинтриговала таинственность, какой была обставлена вся эта процедура. Автор, доступный лишь по засекреченному телефону, поверенный... Чутья Френсика у нее, конечно, не было, но она упорно обнюхивала остывший след и как-то, поздно

вечером, поняла, почему мистер Кэдволладайн отказался сообщить ей, откуда отослал машинопись. А отослал безусловно, раз Коркадилы издали книгу. Значит, между Кэдволладаином и Коркадилами был еще кто-то, и этот кто-то – почти наверняка литературный агент. Синтия Богден лежала, не смыкая глаз, и обдумывала свое открытие: да, нашлось недостающее звено цепи. Встала она рано, в полдевятого явилась в контору, а в девять позвонила Коркадилам и попросила к телефону редактора «Девства». Он пока не пришел. Она снова позвонила в десять: его еще не было. Добралась она до него без четверти одиннадцать, и к тому времени изыскала нужный подход – самый прямой.

– Я заведую машинописным бюро, – сказала она, – и вот только что кончила печатать роман одной моей подруги, которая очень хотела бы не ошибиться с литературным агентом, так нельзя ли...

– Боюсь, что тут мы не сможем вам ничего посоветовать, – сказал мистер Тэйт.

– О, конечно, я понимаю, – робким голосом сказала миссис Богден, – но вы опубликовали этот дивный роман «Девства ради по медлите о мужчины», и подруга моя просила меня адресоваться к тому же литературному агенту. Я сочла, что никто лучше вас...

Мистер Тэйт оказался податлив на лесть.

– «Френсик и Футл», Ланьярд-Лейн? – переспросила она.

– Ах да, теперь просто «Френсик», – сказал мистер Тэйт. – Мисс Футл там уже нет.

Но миссис Богден уже не было на проводе. Она дала отбой и набрала номер справочной. Через несколько минут она узнала телефон Френсика. Интуиция говорила ей, что она близка к цели. Она немного посидела, ожидая наития из глубины солитера Позвонить или... Ох, недаром мистер Кэдволладайн так скрытничал. Она решительно встала из-за стола, приказала старшей машинистке сегодня замещать ее и успела на поезд 11:55. Через два часа она подошла по Ланьярд-Лейн к дому номер 36 и поднялась в контору Френсика.

По счастью, Френсик в это время обедал с перспективным новым автором в итальянском ресторанчике за углом. Они вышли оттуда в четверть третьего и направились обратно в контору. На первой площадке Френсик остановился.

– Поднимайтесь, – сказал он, – я буду через минуту.

Он зашел в уборную и заперся, а перспективный новый автор проследовал вверх. Когда Френсик снова появился на площадке и поставил ногу на первую ступеньку, до него донесся слишком знакомый

голос.

– Вы мистер Френсик? – спросил голос. Френсик так и замер.

– Я? – рассмеялся молодой перспективный автор. – Нет, я насчет книги. А мистер Френсик внизу, он сейчас поднимется.

Френсик и не думал подниматься. Он кубарем скатился по лестнице и выскочил на улицу. Эта бабища выследила его. Что теперь делать? Он вернулся в итальянский ресторан и сел за угловой столик. Как же она ухитрилась его разыскать? Неужели обалдуй Кэдволладайн... А, не важно. Надо что-то придумывать. Не может же он просидеть весь день в ресторане, а встретиться с миссис Богден так же немыслимо, как и бежать от нее. Бежать? А может, улететь? Если он не появится в конторе, перспективный молодой автор. Да пес с ним, с молодым и перспективным. От миссис Богден второй раз не уйдешь... Френсик сделал знак официанту.

– Листок бумаги, будьте добры. – Он набросал несколько строк автору, извинившись и объяснив, что внезапно занемог, потом попросил официанта доставить записку, сопроводив просьбу пятифунтовой бумажкой. Френсик вышел из ресторана вслед за ним и подождал такси.

– Глас-Уок, Хампстед, – сказал он и быстро залез в машину. Правда, домой – это не спасение. Миссис Богден живенько доберется до него. Положим, он не станет открывать дверь на звонок. Ну и что? Миссис Богден с ее настойчивостью, сорокапятилетняя женщина, которая выслеживала добычу несколько месяцев... нет, тут было чего испугаться. Она ни перед чем не остановится. В свою квартиру он вошел в паническом ужасе. Войдя, он запер за собой дверь и за двинул засовы. Потом уселся в кабинете обдумывать ситуацию. Зазвонил телефон. Он механически поднял трубку.

– Френсик слушает, – сказал он.

– Говорит Синтия, – отозвался сипловатый голос. Френсик шваркнул трубку и, чтобы помешать новому звонку, тут же схватил ее и набрал номер Джеффри.

– Джеффри, дорогой мой, – сказал он Коркадилу, – вы не могли бы...

– Да я вас уже три часа ловлю, – не дал ему закончить Джеффри. – Мне прислали совершенно поразительную рукопись. Вы не поверите, но в таком городе, который называется, представьте себе, Библиополис, живет какой-то сумасшедший.. Но правда же, глаза на лоб лезут. Библиополис, штат Алабама... Ну так вот он, извольте видеть, объявляет, будто он – наш дорогой покойник Питер Пипер, и не соблаговолит ли мы, кавычки, исполнить обязательства, записанные в договоре, кавычки закрываются, опубликовать его роман «Поиски утраченного детства?» Невероятно, а

между тем подпись...

– Джеффри, милый, – сказал Френсик наинейшим тоном, как бы отгораживаясь от женских прелестей миссис Богден и заодно готовя Коркадила к тому, что воспоследует, – с вашего разрешения я вам кое-что объясню...

Он торопливо объяснял минут пять и повесил трубку. Потом с невероятной быстротой уложил два чемодана, вызвал такси, оставил записку молочнику, отменив свои две пинты в день, схватил чековую книжку, паспорт и портфель с рукописями Пипера – и через полчаса затаскивал пожитки в дом Джеффри Коркадила. Пустая квартира на Глас-Уок была тщательно заперта и на звонки прибывшей Синтии Богден никак не отзывалась. Френсик сидел в гостиной, потягивал бренди и затягивал хозяина в антихатчмейеровский заговор. Джеффри глядел на него, вылупив глаза.

– Вы хотите сказать, что вы преднамеренно ввели в заблуждение Хатчмейера – и меня, если уж на то пошло, – уверив его, будто этот бешеный Пипер написал «Девство»? – спросил он.

– Пришлось, – печально сказал Френсик. – Если бы я не уверил, все бы рухнуло. Откажись Хатчмейер от сделки – где бы мы были?

– Ну, уж такого безобразия не приключилось бы, это я вам твердо скажу.

– Вы бы обанкротились, – сказал Френсик. – Вас же «Девство» спасло. Вы на нем изрядно подзаработали, да я вам и еще кое-что прислал. Теперь ведь Коркадилы на очень хорошем счету.

– Это, может быть, и верно, – слегка смягчился Джеффри, – но хороша будет фирма, когда выяснится, что Пипер, автор «Девства»...

– Не выяснится, – сказал Френсик. – Это я вам обещаю. – Джеффри с сомнением поглядел на него.

– Ваши обещания... – начал он.

– Придется вам довериться мне, – сказал Френсик.

– Довериться вам – после всего? Нет уж извините, моего доверия вам не видать как своих...

– Ничего не поделаешь. Помните договор, который вы подписали? Где обусловливался пятидесятитысячный аванс за «Девство»?

– Вы его разорвали, – сказал Джеффри. – Я сам видел.

– Я-то разорвал, – кивнул Френсик, – а Хатчмейер – нет. Он наверняка сделал фотокопию, и в суде вам нелегко будет объяснить, как это вы подписали два договора на одну и ту же книгу. Нет, Джеффри, это не посмотрится, никак не посмотрится.

Джеффри и сам видел, что не смотрится. Он присел.

– Так чего же вам надо? – спросил он.

– Мне нужна постель на ночь, – сказал Френсик, – а завтра утром я пойду в американское посольство за визой.

– Не понимаю все-таки, зачем вам у меня ночевать, – сказал Джеффри.

– Поглядели бы на нее – поняли бы, – сказал Френсик как МУЖЧИНА МУЖЧИНЕ. Джеффри подлил ему бренди.

– Со Свеном надо будет объясняться, – сказал он. – Свен несносно ревнивый. Да, кстати, кто же все-таки написал «Девство»?

– Этого я вам не скажу, – покачал головой Френсик. – Кое-чего лучше вам не знать. Скажем так, покойник Питер Пипер.

– Покойник? – передернул плечами. Джеффри. – Странное слово, когда говоришь о живых.

– Да и о мертвых тоже, – заметил Френсик. – А то ведь сегодня покойник, а завтра объявится. Ну что ж, лучше завтра, чем никогда.

– Хотел бы я разделить ваш оптимизм, – сказал Джеффри.

На следующее утро, после беспокойной ночи в незнакомой постели, Френсик отправился в американское посольство и получил визу. Потом сходил в банк; потом купил обратный билет из Флориды. Рейс его был ночной. Он пересек океан в полупьяном оцепенении и долетел из Майами в Атланту на другой день, долетел, изнывая от жары, дурноты и предчувствий. Чтобы не торопить события, он провел ночь в отеле, изучая карту Алабамы. Карта была подробная, но Библиополис на ней не значился. Он обратился к дежурному, но тот ни о чем таком в жизни не слышал.

– Вы доезжайте до Зельмы, а там спросите, – посоветовал он Френсику. Френсик доехал автобусом до Зельмы и пошел на почтамт.

– Глубинка. Бассейн Миссисипи, – сказали ему. – Где-то за болотами на Мертвечихе. Миль сто по Восьмидесятому шоссе, а там к северу. Вы из Новой Англии?

– Из Старой Англии, – сказал Френсик, – а что?

– Да они там северян не любят. Говорят – чертовы янки. Живут в прошлом.

– Кого я ищу, тот живет там же, – сказал Френсик и пошел брать напрокат автомобиль. Конторщик усугубил его предчувствия.

– Поедете по Кровавой Трассе – поберегитесь, – сказал он.

– По Кровавой Трассе? – тревожно переспросил Френсик.

– Так у них называется Восьмидесятое шоссе до Меридиана. Народу там сгнуло видимо-невидимо.

– А нет какого-нибудь иного пути на Библиополис?

– Да можно ехать проселками, только заблудитесь. Вернее уж по Кровавой Трассе.

Френсик заколебался.

– Шофера нанять нельзя? – спросил он.

– Сегодня поздно, – сказал конторщик. – Субботний вечер, все разошлись по домам, а завтра опять же воскресенье.

Френсик поехал к себе в отель. Нет уж, на ночь глядя не поедет он в Библиополис по Кровавой Трассе. Лучше завтра утром.

Наутро он отправился в путь спозаранку. Солнце сияло с безоблачных высот, и день был яркий и чистый, не то что его душевный пейзаж. Та шалая решимость, с которой он покинул Лондон, сникла и сникала все больше с каждой милей на запад. Лес придвинулся к дороге, и Френсик чуть не повернул назад прежде выцветшего указателя ДО БИБЛИОПОЛИСА 15 МИЛЬ. Но понюшка табаку и мысль о том, что будет, если воскресший Пипер не уймется, придали ему храбрости. Френсик свернул направо по лесной грунтовой дороге, стараясь не глядеть на черные лужи и на деревья, полузадушенные лианами. И точно как у Пипера несколько месяцев назад, у него посветлело на душе, когда дорога пошла лугами, мимо скотины, пасшейся в высокой траве. Однако же заброшенные хижины угнетали его, и ленивые бурые струи Мертвечихи тоже не радовали. Наконец дорога свернула налево, и Френсик увидел за рекой Библиополис. Дорога распахнется, обещала девица в Зельме, но она здесь явно не бывала. Дорога, наоборот, уперлась в реку. Городок сгрудился у площади и стоял недвижим и неизменен с начала девятнадцатого столетия. И паром, который вскоре двинулся к нему усилиями старика, перебиравшего веревку, тоже явился откуда-то из глубины веков. Да, глубинка, подумал Френсик.

– Мне нужен некий Пипер, – сказал он паромщику.

– Так я и думал, – кивнул тот. – Многие приезжают его послушать. А не его – так преподобную Бэби.

– Послушать? – удивился Френсик. – Он что, проповедует?

– А как же. Учит божьему слову.

Френсик поднял брови. Пипер – проповедник? Это что-то новое.

– А где его найти? – спросил он.

– Он в Пеллагре.

– Болен пеллагрой? – обнадеженно заинтересовался Френсик.

– Да нет, в усадьбе, – старик показал на большой дом с высокими белыми колоннами. – Вон Пеллагра. Раньше там жили Стопсы, только все перемерли.

– Ничего удивительного, – сказал Френсик, окинув мыслью нехватку витаминов, глашатаев контроля рождаемости, обезьяний процесс и округ Йокнапатофа. Он вручил паромщику доллар и выехал подъездной аллейкой к открытым воротам: объявление по одну сторону гласило крупным курсивом: КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ ПИПЕРА, по другую указующий перст направлял к ЦЕРКВИ ДАЛЬНОГО УМЫСЛА. Френсик остановил машину, не в силах оторвать глаз от громадного перста. Церковь Дальнего Умысла? Ц-е-р-к-о-в-ь? Вне всяких сомнений, он достиг своей цели. Но что за религиозная мания одолела Пипера? Он припарковался возле других автомобилей у большого белого строения: балкон второго этажа выставлял над колоннадой витые чугунные перила. Френсик вылез из машины и взошел по ступеням к парадному. Дверь подалась. Френсик заглянул в вестибюль. На дверях слева было начертано «СКРИПТОРИЙ», а справа гулко доносился настоятельский голос. Френсик прошел по мраморным плитам и прислушался. Голос явственно пиперовский, но прежней неуверенности в нем как не бывало; появился скрежещущий напор. Все же голос был знакомый, как и слова.

– «И мы не должны (причем „долг“ в данном случае открыто подразумевает выдержанную целеустремленность и неуклонное соблюдение нравственных обязательств) позволять вводить себя в заблуждение кажущейся наивностью, столь часто приписываемой недалекими критиками малютке Нелл. Мы должны понять, что чувство, а нечувствительность диктует...»

Френсик отшатнулся от дверей. Он понял, откуда взялось евангелие у Церкви Дальнего Умысла. Пипер скандировал статью доктора Лаут «Должный подход к „Лавке древностей“». Даже религия у него с чужого плеча. Френсик уселся в кресло у стены, смиряя подступающий гнев. «Ну, захребетник», – пробормотал он и заодно послал проклятие доктору Лаут. Апофеоз этой страшной женщины, первопричины всех нынешних невзгод, происходил здесь, где только и читают что Библию. Френсик уже не гневался, а ярился. Библию, видите ли, читают! Библиополису понадобилась Библия! Вместо великолепной библейской прозы Пипер внедрял жалкий слог, путаные, неровные построения, пуританскую сухость доктора Лаут – лишь бы никто не получил радости ни от какого чтения! И кто внедрял – человек, который и писать-то ни за что на свете... На секунду Френсику показалось, что он проник в сердцевину великого заговора против жизни. Да какой там заговор – просто паранойя. И Пипер сделался рьяным миссионером вовсе не потому, что был к этому призван. Псевдолитературная мутация превратила самого Френсика из начинающего

романиста в шустрого литературного агента; она же с помощью «Нравственного романа» изничтожила тот несчастный талант, который, может статься, когда-то был у Пипера. А теперь он стал разносчиком словесной заразы. Когда голос перестал бубнить и слушатели гуськом проследовали к машинам, заразившись нравственной целеустремленностью, Френсик был уже в бешенстве.

Он пересек вестибюль и вошел в Храм Дальнего Умысла. Пипер прятал книгу с благоговением священника, прибирающего Тело Христово. Френсик выждал, стоя в дверях. Ради этого мига он и приехал. Пипер затворил шкаф и обернулся. Благоговение сползло с его лица.

– Это вы, – проговорил он.

– А кто же еще? – громко отчеканил Френсик, чтобы разогнать зловоние литературного святошества. – Вы ожидали явления Конрада?

– Что вам надо? – побледнел Пипер.

– Надо? – сказал Френсик, сел на скамью и взял понюшку табаку. – Да просто пора кончать идиотскую игру в прятки. – Он вытер нос малиновым платком.

Пипер поразмыслил и пошел к дверям.

– Здесь нельзя, – пробормотал он.

– Почему же? – спросил Френсик – Место не хуже всякого другого.

– Не поймете, – сказал Пипер и вышел. Френсик грубо просморкался и последовал за ним.

– Ишь ведь, такой мелкий вымогатель, и такие большие претензии, – заметил он, нагнав Пипера в вестибюле. – А уж сколько похабства про «Лавку древностей»...

– Это не похабство, – сказал Пипер, – и не смейте называть меня вымогателем. Вы это начали, и правда есть правда.

– Правда? – сказал Френсик с гадким смешком. – Если уж вы хотите правды, то получите ее. Затем я сюда и приехал. – Он показал на дверь, надписанную «СКРИПТОРИЙ». – А там что?

– Там я учу людей писать, – сказал Пипер.

Френсик посмотрел на него и снова рассмеялся.

– Шутник, – сказал он и растворил двери. Внутри были ряды парт, и на них – чернилницы. Стены увешаны образцами почерка, перед партами – доска. Френсик огляделся.

– Очаровательно. Скрипторий, значит. А Плагиатория нет?

– Чего нет? – не понял Пипер.

– Надо же где-то обучать списыванию. Или вы это прямо здесь? Ну да, уж учить, так всему заодно. Как это у вас поставлено? Каждому студенту

по бестселлеру в зубы, а вы сдуваете у всех сразу?

– Вы гадко и грубо зубоскалите, – сказал Пипер. – Сам я пишу у себя в кабинете. А здесь я только учу, как писать – а не что.

– Ах, вот оно что. Учите – как? – Френсик поднял бутылку и встряхнул ее. Жирная слякоть мазнула стенки. – Чернила, я вижу, по-прежнему испаряете.

– Нужна соответственная густота, – сказал Пипер, но Френсик поставил бутылку и повернулся к дверям.

– А где же ваш пресловутый кабинет? – спросил он. Пипер медленно взошел по лестнице и отворил еще одну дверь. Френсик ступил внутрь. Стены обставлены стеллажами, и большой стол перед окном, выходящим на реку, над паромным причалом. Френсик окинул взглядом книги, все в кожаных переплетах. Диккенс, Конрад, Джеймс...

– Ветхий завет, – сказал он и снял с полки «Миддлмарч». Пипер выхватил у него книгу и поставил ее обратно.

– Это что, нынешний образец? – спросил Френсик.

– Это целый мир, это вселенная, недоступная вашему жалкому пониманию, – гневно сказал Пипер. Френсик пожал плечами. В словах Пипера было столько пафоса, что решимость его ослабела. Но Френсик взял себя в руки и повел дело грубее.

– Не худо вы тут устроились, – сказал он, усевшись и закинув ноги на стол. Позади него Пипер побелел от такого святотатства. – Куратор музея, присвоитель чужих романов и вымогатель чужих гонораров – а как насчет интимной жизни? – Он на всякий случай придвинул к себе разрезной нож. Надо бить наотмашь – а черт его знает, как Пипер отреагирует. – Пристроились к покойнице миссис Хатчмейер?

Сзади раздалось шипенье, и Френсик обернулся. Худое лицо Пипера словно еще осунулось, суженные в щелки глаза сверкали злобой. Френсик нащупал нож. Он побаивался, но отступать было поздно: слишком далеко зашел.

– Мое дело, конечно, сторона, – сказал он, отвечая взглядом на взгляд, – но ведь к мертвечинке у вас особое пристрастие. Сперва вы обдирали покойных авторов, потом потребовали из-за гроба два миллиона долларов и, уж само собой, не обошли вниманием и усопшую миссис...

– Не смейте так говорить! – вскрикнул Пипер пронзительно-яростным голосом.

– Почему же не сметь? – сказал Френсик. – И вообще исповедь – она, знаете, облегчает душу.

– Это неправда, – выговорил Пипер, тяжело дыша.

– Что неправда? – злобно ухмыляясь, поинтересовался Френсик. – Правда, как известно, сама скажется. В данном случае моими устами. – Он встал с угрожающим видом, и Пипер отпрянул.

– Довольно. Перестаньте. Ничего больше слышать не хочу. Уйдите и оставьте меня в покое.

– А вы мне пришлете еще одну рукопись и потребуете ее публикации? Нет уж, хватит, – покачал головой Френсик. – Придется вам узнать правду, я ею заткну вашу слюнявую...

Пипер закрыл уши руками.

– Не буду! – крикнул он. – Я вас не буду слушать!

– А слушать и необязательно. Вот прочитайте. – И Френсик достал из кармана отречение доктора Лаут. Он протянул листок Пиперу, и тот взял его. Френсик присел на стул. Кризис миновал, опасаться больше нечего. Может, Пипер и помешанный, но не буйный, его не тронет. И Френсик с какой-то обновленной жалостью смотрел, как тот читает письмо. Не человек, а ходячее недоразумение. Прирожденный писатель, для которого вся жизнь в словах, написать ничего не способный. Пипер дочитал письмо и поднял глаза.

– Что это значит? – спросил он.

– Читайте между строк, – посоветовал Френсик. – Что несравненная доктор Лаут – автор «Девства». Вот что это значит.

Пипер снова поглядел на листок.

– Но ведь тут же сказано, что она не автор.

– Вот именно, – усмехнулся Френсик. – А зачем бы ей это говорить? Посудите сами, Зачем отрицать то, чего никто не утверждает?

– Не понимаю, – сказал Пипер, – это какая-то бессмыслица.

– Смысл здесь тот, что ее шантажировали, – сказал Френсик.

– Шантажировали? Кто?

Френсик запихнул понюшку.

– Вы. Вы угрожали мне, а я ей.

– Но... – Пипер никак не мог уразуметь связи. В его головенке все это не укладывалось.

– Вы грозили меня разоблачить, а я передал угрозу по назначению, – пояснил Френсик. – Доктор Сидни Лаут пожертвовала двумя миллионами, лишь бы не прослыть автором «Девства». И стоит – с ее-то репутацией!

– Я вам не верю, – проговорил Пипер. Глаза его остекленели.

– И не надо, – сказал Френсик. – Плевал я на ваше доверие. Но вот только объявитесь перед Хатчмейером живым и невредимым – и посмотрите, что будет. Все выйдет наружу и разнесется по свету. Про меня,

про вас, про пятое-десятое – и не быть больше доктору Лаут влиятельным критиком. В литературном мире на нее, мерзавку, пальцами станут показывать. Вы-то тем временем будете сидеть за решеткой. И я, уж конечно, останусь без гроша – но зато хоть не придется никому всучивать ваши вонючие «Поиски утраченного детства». Все-таки утешение.

Пипер расслабленно опустил на стул.

– Итак? – сказал Френсик, но Пипер только головой помотал. Френсик забрал у него письмо и повернулся к окну. Всё, он обставил этого недотепу. Не будет больше ни угроз, ни рукописей. С Пипером покончено; пора уезжать. Френсик поглядел на бурую реку и лес поодаль: непривычный, иноземный пейзаж, пышно-зловещий и такой далекий от уютного мирка, который надлежало оберегать от здешних посягательств. Он прошел к дверям, вниз по широкой лестнице и через пустой вестибюль. Что ж – домой и как можно быстрее.

Но когда он подъехал к парому, оказалось, что плот у того берега, а паромщика нет. Френсик позвонил в колокол, но никто не отозвался. Он немного подождал на солнцепеке. Стояла тишь, и только бурая вода похлопывала внизу возле берега. Френсик снова сел в машину и выехал на площадь. Здесь тоже не было ни души. Черные тени жестяных магазинных навесов, беленая церковь, деревянная скамья у подножия статуи посреди площади, слепые окна. Френсик вылез и огляделся. Часы на здании суда показывали полдень. Должно быть, все обедают, однако в этом безлюдье была жутковатая мерзость запустения; черная путаница деревьев и подлеска, замыкая горизонт, напознала из-за реки; тускло голубело пустое небо. Френсик обошел площадь и вернулся в машину. Может быть, паром тем временем... но он по-прежнему стоял у того берега, и когда Френсик потянул за веревку, даже не шелохнулся. Он снова ударил в колокол. Звук точно в воду канул, и Френсику стало уж совсем не по себе. Наконец он оставил машину над пристанью и пошел тропкой по берегу реки. Тропка поплутала под дубами в мшистых бородах и привела его на кладбище. Взглянув на надгробья, Френсик повернул назад.

Может быть, взять курс на запад – и отыщется какая-нибудь боковая дорога к Восьмидесятому шоссе? «Кровавая Трасса» – это звучало теперь прямо-таки заманчиво. Но карты у него не было, и, проехав по переулкам, которые оказывались тупиками или выводили к заросшим лесным колеям, Френсик повернул назад. Может, паромщик вернулся. Он поглядел на часы: уже два, наверняка появятся какие-нибудь люди.

Люди появились. Когда он выехал на площадь, несколько угрюмых мужчин, стоявших у здания суда, сошли с тротуара на мостовую и

преградили ему путь. Френсик остановил машину, опасливо приглядываясь к ним сквозь ветровое стекло. У каждого на поясе была кобура, а у самого мрачного – звезда на груди. Он подошел сбоку и наклонился к окну, обнажив крупные желтые зубы.

– Фамилия Френсик? – спросил он. Френсик кивнул. – Тебе надо к судье, – продолжал тот. – Пойдешь добром или?..

Френсик пошел добром; угрюмая компания следовала за ним по ступеням суда. Внутри здания было темно и прохладно. Френсик замешкался, но долговязый шериф указал нужную дверь.

– Судья в кабинете, – сказал он. – Заходи.

Френсик вошел. За огромным столом восседала Бэби Хатчмейер в судейской мантии; в ее лице, всегда жестком, не было ни кровинки. Френсик узнал ее с первого взгляда.

– Миссис Хатчмейер... – вымолвил он, – покойная миссис Хатчмейер?

– Для вас – судья Хатчмейер, – отрезала Бэби, – а насчет покойных лучше оставим, если не хотите без проволочек именоваться покойным мистером Френсиком.

Френсик сглотнул слюну и посмотрел через плечо. Шериф подпирал двери спиной; на поясе его явственно поблескивал револьвер.

– Нельзя ли все-таки узнать, в чем дело? – спросил он, прерывая многозначительное молчание.

Судья кинула взгляд на шерифа.

– Что ему предъявляется? – спросила она.

– Угрозы и запугивание, – отвечал шериф. – Незарегистрированное огнестрельное оружие. Запасное колесо с героином. Вымогательство. Что скажете, судья, то и пришьем.

Френсик плюхнулся на стул.

– Героин? – ахнул он. – Как, то есть, героин? У меня никакого героина...

– По-вашему, никакого? – спросила Бэби. – Херб вам покажет, правда, Херб?

Шериф за спиной Френсика кивнул.

– Его машину, поди, уже разобрали в гараже неподалеку, – сказал он. – Если надо, улики сейчас будут.

Но Френсику не надо было улики. Он втянулся в стул и смотрел на мертвенное лицо Бэби.

– Чего вы хотите? – выговорил он наконец.

– Правосудия, – кратко ответствовала Бэби.

– Правосудия? – усомнился Френсик. – Это вы-то говорите о

правосудии, а сами...

– Показания будете давать сейчас или завтра на суде? – осведомилась Бэби.

Френсик опять поглядел через плечо.

– Я бы хотел дать показания незамедлительно, только с глазу на глаз, – сказал он.

– Побудь снаружи, Херб, – кивнула Бэби шерифу. – Далеко не отходи. Может быть, придется...

– Не придется, – поспешно сказал Френсик. – Уверяю, что нет.

Бэби одним движением отмахнулась от его уверений и удалила Херба. Когда дверь затворилась, Френсик достал платок и отер пот с лица.

– Так, – сказала Бэби. – Слушаю ваши показания.

Френсик подался вперед. Он хотел было сказать: «Вы же не можете так со мной поступить», но это клише, затертое его бесчисленными авторами, явно не годилось. Она могла. Он был в Библиополисе, а Библиополиса не было на карте мира.

– Чего вы хотите от меня? – спросил он слабым голосом.

Судья Бэби откинулась в кресле.

– С вашей стороны, мистер Френсик, это любопытный вопрос, – заметила она. – Вы являетесь в наш город, запугиваете одного из наших граждан, угрожаете ему и теперь спрашиваете, чего я хочу от вас.

– Я не угрожал и не запугивал, – возразил Френсик. – Я приехал сказать Пиперу, чтобы он больше не слал мне рукописей. Он мне угрожал, а не я ему.

– Если вы так собираетесь защищаться, то скажу заранее, что в Библиополисе вам никто не поверит, – покачала головой Бэби. – Мистер Пипер известен как самый мирный, самый незлобивый из здешних обитателей.

– Здесь он, может быть, и мирный, – сказал Френсик, – но из Лондона...

– Вы сейчас не в Лондоне, – сказала Бэби, – вы сидите у меня в кабинете – скажите спасибо, если под себя не наделаете.

Френсик воспротивился.

– Вы бы, может быть, тоже наделали под себя, – сказал он, – если бы вам предъявили обвинение, что у вас запасное колесо с героином.

– Тут вы, пожалуй, правы, – кивнула Бэби, – за это вам причитается пожизненное. Угрозы и запугивание, оружие и вымогательство – в сумме пожизненное плюс девяносто девять лет. Вы уж лучше подумайте, а потом говорите.

Френсик подумал и заметил, что трясется еще сильнее: и то правда, как бы под себя не наделать.

– Запугиваете, – выдохнул он.

– Да ничуть, – улыбнулась Бэби. – Кстати, тюремный сторож – дьякон у меня в церкви. Девяносто девять лет вам сидеть не придется. Самое большее три месяца, только в кандалах. И смерть натуральная: змеи и тому подобное. Вы ведь полюбовались на наше маленькое кладбище?

Френсик кивнул.

– Там для вас места хватит, – продолжала Бэби. – Надгробия не будет, надписи тоже – кому это надо? Бугорок и травка, вот и все. Выбирайте.

– Между чем и чем? – спросил Френсик, обретя голос.

– Между пожизненным плюс девяносто девять и тем, что я вам посоветую.

– Пусть будет, как вы мне посоветуете, – сказал Френсик, который не видел возможности выбирать.

– Что ж, – сказала Бэби, – в таком случае признавайтесь.

– Признаваться? В чем?

– Да в том, что вы сами написали «Девства ради помедлите о мужчины» и свалили это на мистера Пипера, обманули Хатча, за ставили мисс Футл поджечь усадьбу и...

– Нет, – вскрикнул Френсик. – Нет, никогда. Я скорее... – Он замолк. Что он – скорее? На лице у Бэби было такое выражение... – Не понимаю, зачем мне в этом признаваться? – сказал он.

Бэби чуть-чуть расслабилась.

– Вы украли у него доброе имя. Теперь верните, – сказала она.

– Доброе имя? – не понял Френсик.

– Под его именем вы издали эту грязную книжонку, – сказала Бэби.

– Да у него до этого не было никакого имени, – сказал Френсик, – он ничего не опубликовал, и теперь, став, так сказать, мертвецом, тоже ничего не опубликует.

– Опубликует, – возразила Бэби, подавшись вперед. – Вы ему отдадите свое имя. «Поиски утраченного детства», роман Фредрика Френсика.

Френсик уставился на нее. Совершенно сумасшедшая женщина.

– «Поиски» под моим именем? – спросил он. – Да вы ничего не понимаете. Я эти чертовы «Поиски» всучивал без толку всем лондонским издательствам. Их же читать невозможно.

Бэби неприятно улыбнулась.

– А это уж ваше дело. Опубликуете, и все его будущие книги тоже выйдут под вашим именем. Либо так, либо в кандалы.

Она глянула в окно на черные деревья и тусклое небо, и Френсик проследил за ее взглядом. Пустое будущее, скорая смерть. Нет, с нею не поспоришь.

– Хорошо, – сказал он, – сделаю все, что смогу.

– Нет, вы больше сделаете. Вы сделаете именно так, как я вам скажу. – Она достала лист бумаги и протянула ему ручку. – Пишите, – сказала она.

Френсик пододвинул стул и стал писать дрожащей рукой под ее диктовку. Он признался, что уваливал от британских налогов, переведя два миллиона долларов и последующие отчисления на счет номер 476994 в нью-йоркском Первом государственном банке; что он побуждал своего партнера, бывшую мисс Футл, поджечь усадьбу Хатчмейера... То, что он делал, так переплелось с тем, чего он не делал, что под допросом опытного обвинителя ему в жизни не выпутаться. Бэби прочла и завершила его подпись. Потом позвала Херба, и он тоже заверил.

– Это поможет вам идти стезей добродетели, – сказала она. – Только пикните, только попробуйте, вопреки своим обязательствам, не опубликовать роман мистера Пипера – и все это пойдет к Хатчмейеру, в страховую компанию, в ФБР и в налоговое управление, так что бросьте-ка ухмыляться. – А Френсик не ухмылялся. У него был нервный тик. – Если вы думаете, что кинетесь к властям и сообщите, что я в Библиополисе, то это вы тоже оставьте. У меня здесь хватает друзей, и если я скажу: нет меня, другие повторят и засвидетельствуют. Понятно?

– Совершенно понятно, – кивнул Френсик. Бэби встала и сбросила мантию.

– Ну, а на случай, если не совершенно понятно, – сказала она, – мы поставим вас обеими ногами на путь спасения.

Они вышли в вестибюль, к угрюмым мужчинам.

– Мальчишки, у нас новообращенный, – объявила она. – Увидимся в церкви.

* * *

Френсик сидел в первом ряду молельни Служителей Божьих. Прямо перед ним ясная и спокойная Бэби вершила радение. Церковь была заполнена; Херб сидел рядом с Френсиком, и они глядели в один песнослов. Спели «Телефонируем ко славе», «Скала нерушимая» и «Мы сберемся у реки». Херб толкал Френсика в бок, и он пел в унисон. Наконец

Бэби произнесла проповедь, отправляясь от текста «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг издателям и грешникам» и не спуская глаз с Френсика, – а прихожане воспели «Библиополис, любовь – наш стяг». Френсику приспело время спасаться. Он вышел нетвердым шагом и рухнул на колени. Змеилица в Библиополисе были упразднены, но Френсик оцепенел без всяких змей. Над ним сиял лик Бэби. Она снова победила.

– Именем Господним скрепи договор, – сказала она. И Френсик скрепил.

* * *

Он скреплял договор именем дьявола, когда часом позже сидел в машине и переправлялся через реку. Он взглянул на Дворец Пеллагры: верхний этаж светился. Наверное, Пипер сидит над романом, который Френсику придется сбывать под собственным именем. Он рывком вырулил с парома; прокатный автомобиль затрясся на ухабах, и фары его освещали черные лужи, поблескивавшие под сплетенными деревьями. После Библиополиса эти мрачные виды были ему нипочем. Нормальный мир, обычные опасности – против них что-нибудь да найдется. Против Бэби Хатчмейер не найдется ничего. Френсик снова скрепил договор, помянувши всуе имя Господне.

* * *

Во Дворце Пеллагры, у себя в кабинете, Пипер молча сидел за столом. Перо торчало из чернильницы. Он глядел на письменное ручательство Френсика, что «Поиски утраченного детства» будут опубликованы, если понадобится, за его счет. Наконец-то Пипер проникнет в печать. Не важно, что под именем Френсика. Когда-нибудь мир узнает истину. Или, пожалуй, еще лучше – не узнает. Кому, в конце концов, известно, кто был Шекспир или кто написал «Гамлета»? Никому.

Глава 23

Через девять месяцев «Поиски утраченного детства» Фредрика Френсика вышли в издательстве Коркадилов, по цене три фунта девяносто пенсов за штуку. В Америке их опубликовало издательство «Хатчмейер, Пресс». Френсик надавил туда и сюда: Джеффри принял книгу только под – угрозой разоблачения. Соня не подвела, а Хатчмейера даже уговаривать не пришлось: хватило ее голоса по телефону. Рецензенты получили свои экземпляры с именем Френсика на титуле и суперобложке. В краткой биографии сообщалось, что он прежде был литературным агентом. Больше он литературным агентом не был. Табличка на Ланьярд-Лейн осталась, но контора пустовала, а Френсик переехал с Глас-Уок в Суссекс, в коттедж без телефона.

Здесь, скрываясь от миссис Богден, он работал на Пипера. День за днем перепечатывал он присланные рукописи и вечер за вечером торчал в деревенском кабачке, завивая горе веревочкой. Лондонские друзья почти его не видели. Джеффри он навещал по необходимости, иногда они вместе обедали. Но большей частью он сидел за машинкой, возделывал свой сад и совершал долгие прогулки, погруженный в унылые размышления.

Размышления, правда, не всегда были унылые. Изворотливость была второй натурой Френсика, и он все время соображал, как бы ему извернуться. Но соображал впустую. Соображение его парализовал жестокий библиополиссский опыт, а тусклая проза Пипера залепляла мозг. Разнородность ее была умопомрачительная: у Френсика голова шла кругом. Не успевал он справиться с манновским периодом, как на него обрушивался фолкнеровский пассаж, оснащенный прустовским разворотом и приплюснутым куском прозы во вкусе Джордж Элиот. Допечатав главу, Френсик поднимался на шатких ногах, шел в сад и во спасение от литературы подстригал лужайку. Ночью, перед сном, он изгонял воспоминания о Библиополисе чтением сказочной страницы-другой «Ветра в ивняке» Кеннета Грэхема, мечтая разъезжать на лодке вроде Водяной Крысы. Что угодно, только не эта попытка.

И вот настало воскресенье: день газетных рецензий на «Поиски». Френсик нехотя поплелся к деревенскому киоску за «Обсервером» и «Санди таймс». Он купил то и другое и стал читать на ходу – чего там ждать, лучше претерпеть сразу. Остановившись на тропке, развернул он «Санди тайме ревью», пролистнул его до книжной страницы – и нашел: в

самом верху. Френсик оперся на заборный столб, прочел рецензию, и его перевернутый мир перевернулся еще раз. Линда Грабли была «без ума» от книги и заполнила восторгами две колонки. Она сообщила, что «такого честного и оригинального описания душевной драмы подростка я давным-давно не читала». Френсик не верил своим глазам. Потом он разворошил «Обсервер». Там было то же самое. «Свежесть, присущая первому роману, сочетается с глубоким интуитивным проникновением в семейные отношения... шедевр»... Френсик поспешно свернул газету. Шедевр? Он снова раскрыл ее, но слово никуда не делось, а дальше было больше. «Если можно назвать роман творением гения...» Френсик схватился за столб. У него подгибались ноги. И все это про «Поиски утраченного детства»?! Он брел дальше, переживая новое крушение. Его чутье, его безукоризненное чутье подвело. Прав, был, оказывается, Пипер. Или он был прав, или зараза «Нравственного романа» распространилась на всех, и романистика сходит со сцены – ее заменяет литературная религия. Себе на радость люди больше не читают. Если им нужны «Поиски», то нет. Уж от них-то никому никакой радости. Френсик самым тщательным (то есть самым тщательным) образом перепечатывал рукопись слово за словом, и на ее серых страницах не было ничего, кроме ноющей жалости к себе, слепой, тупой и гадкой самовлюбленности. И такое вот жалкое словоизвержение именуется у рецензентов оригинальным, свежим и достойным гения. Гения! Френсик сплюнул. Слова потеряли всякий смысл.

Шагая проулком, он в полной мере понял, что означает успех этой книги. Теперь он пойдет по жизни с клеймом автора романа, не им написанного. Его друзья будут поздравлять его... В какую-то жуткую минуту Френсик подумал о самоубийстве, но его выручила ирония. Он теперь понял, каково было Пиперу, оказавшемуся автором «Девства». «Попал в свой силлок», – подумал он и признал торжествующее отмщение Пипера. Признал – и остановился как вкопанный. Объявив нынче гением, его оставили в дураках: когда-нибудь правда раскроется, и он станет всеобщим посмешищем. Этим он угрожал доктору Лаут, а теперь это стряслось с ним самим. Взбесившись, Френсик отринул всякую мысль о работе. Он стоял в проулке, между живыми изгородями – и вдруг ему открылся путь избавленья. Он им оплатит той же монетой. Недаром через руки его прошла добрая тысяча бестселлеров: уж он сумеет состряпать историю, где будет все, ненавистное Пиперу и его наставнице, доктору Лаут. Секс, преступления, бурные чувства, вихревой сюжет – и никакого подтекста. Историйка выйдет дай бог, под статью «Девству», а на суперобложке крупным шрифтом имя Питера Пипера. Нет, не то. Пипер –

просто пешка в этой игре. За ним скрывается смертельнейший враг литературы, доктор Сидни Лаут.

Френсик ускорил шаг и почти пробежал по деревянному мостику к своему коттеджу. Вскоре он сидел за машинкой и заправлял лист бумаги. Так, сначала заглавие. Пальцы его пробежались по клавишам; на бумаге появились слова: доктор Сидни Лаут. Безнравственный роман. Глава первая. Френсик печатал и думал, как бы это сделать тоньше. Он усвоит ее беспомощный слог. Ее мысли. Это будет чудовищная пародия на все, что она написала, в сочетании с пакостнейшей повестушкой, наперекор всем прописям «Нравственного романа». Он ее поставит на голову, он из нее душу вытрясет. А ей придется стерпеть и смолчать. Как ее литературный агент Френсик в полной безопасности. Опасна ему правда, а правда ей не по зубам. Тут Френсик поднял пальцы от клавиш и уставился перед собой. А зачем, собственно, стряпать повестушку? Правда куда убийственнее. Не рассказать ли как есть историю Дальнего Умысла? Имя его смешают с грязью, но оно и так замарано в его собственных глазах успехом «Поисков», а перед Английской Литературой он все-таки в долгу. Впрочем, к черту английскую литературу, особенно с большой буквы. Его место среди писак, среди тех, кто пишет, чтобы жить. Чтобы жить? Забавная двусмысленность. Пишут, чтобы жить, и живут, чтобы писать. Френсик вынул лист из машинки и вставил новый.

Назовем-ка, пожалуй, «„Дальний умысел“. Подлинная история». Автор – Фредрик Френсик. Читатели, живые адресаты живой литературы, заслуживают интересной истории во всей ее подлинности. Ладно, будет и то и другое: и посвятит он свою книгу писакам-халтурщикам. Добротная ирония, как раз в духе XVIII века. Френсик повел носом. Он знал, что напишется у него ходкая книга. А станут судиться – пусть. Главное – издать, а там будь оно все проклято.

* * *

В Библиополисе публикация «Поисков» не произвела на Пипера никакого впечатления. Он впал в безверие. Веру его разбил Френсик, открыв, что доктор Сидни Лаут написала «Девство». Эта страшная истина дошла до него не сразу, и несколько месяцев он почти механически продолжал писать и переписывать. Но потом вдруг стало понятно, что Френсик не солгал. Он написал доктору Лаут, но ответа не получил. Пипер

упразднил Церковь Дальнего Умысла. Сохранилось, правда, Каллиграфическое училище и графологическое учение. Но времена великих романов минули. Осталось лишь увековечить их рукописными трудами. И пока Бэби проповедовала подражание Христу, Пипер на практике возрождал былые добродетели. Он отменил металлические перья; ученики его пользовались гусиными. Это не в пример естественнее. Гусиные перья надо чинить, они – первозданные орудия ремесла, напоминание о том золотом веке, когда книги писались от руки и писцов по-настоящему чтили.

И в то самое воскресенье Пипер с утра засел в Скриптории: макнув гусиное перо в Хиггинсовы Вечные (полуиспарившиеся) Чернила, он начал писать: «Фамилия моего отца была Пиррип, мне дали при крещении имя Филип, а так как из того и другого мой младенческий язык не мог слепить ничего более внятного, чем Пипер...» Он остановился. Наверное, надо – Пип. Но после минутного колебания он обмакнул перо и продолжал.

В конце концов, какой дикарь через тысячу лет вспомнит, кто написал «Большие надежды» Диккенса? Разве что несколько ученых, которым еще будет доступен английский язык. Печатные книги к тому времени исчезнут. Лишь пергаменты Пипера, переплетенные в толстую кожу, исписанные образцовым почерком, украшенные золотыми заглавными буквами, выдержат испытание временем и останутся в музеях немым свидетельством его преданности литературе и его мастерства. Окончив Диккенса, он примется за Генри Джеймса и перепишет его романы. Жизни его едва хватит, чтобы запечатлеть великую традицию Хиггинсовыми Вечными Чернилами. Имя Пипера перейдет в века, буква за буквой...

Примечания

1

Жоржетта Хейер (1902—1974) – чрезвычайно плодовитый автор массовой беллетристики исторического и детективного жанра

2

Френк Раймонд Ливис (1895—1978) – видный и влиятельнейший английский литературовед и критик, требовавший от литературы в первую очередь укрепления нравственных устоев и оздоровления духовного климата буржуазного общества

3

Помни о смерти (лат.)

4

До тошноты (лат.)

5

Роман на базе киносценария американского писателя Колина Хиггинса
(род. в 1941 г.)

6

Парижское издательство порнографической и сенсационной литературы на английском языке

7

Вальтер Скотт

8

«Обыкновенное убийство» – документальная повесть американца Трумэна Капоте (1924—1984)

9

Дружок

10

Новейшее помещательство (лат)

11

Псевдоним

12

Роман У. Фолкнера

13

Популярный диктор английского телевидения

14

О мертвых ничего, кроме... (лат.)

Содержание

[Том ШАРП ДАЛЬНИЙ УМЫСЕЛ](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)